

МАША ТРАУБ

МОЯ БАБУШКА — ЛЕРМОНТОВ

Annotation

Самые счастливые воспоминания у меня связаны с бабушкой. Я написала книгу «Истории моей мамы», но и истории моей бабушки им нисколько не уступают. Самый верный способ высушить слезы и взрослого, и ребенка – рассмешить его. Я смеялась все свое детство.

Маша Трауб

- [Маша Трауб](#)
 -
 -
 - [Это были еще цветочки](#)
 - [Возложэнэ, или Ленин живее всех живых](#)
 - [Пять свадеб](#)
 - [...И одни похороны](#)
 - [Телеграфный стиль в хозяйстве](#)
 - [Прививка от профессии, или Чего хотят женщины](#)
 - [Еще одна прививка от профессии, или В мире животных](#)
 - [Кровь за кровь](#)
 - [Объявления как жанр, или Как сделать приятное свекрови](#)
 - [Гражданская оборона, или Чем оборачивают директивы сверху](#)
 - [При чем здесь спички?](#)
 - [Звезда, да не та](#)
 - [Такси для туристов](#)
 - [Платье на счастье](#)
 - [Красная Шапочка и спящий Волк](#)
 - [Добро пожаловать, или Посторонним вход...](#)
 - [Подарки от всей души и чем все это заканчивается](#)
 - [Скотный двор, или Сила печатного слова](#)
 - [Легкость на подъем](#)
-

Маша Трауб

Моя бабушка – Лермонтов

© Трауб М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Дом. Пошли домой. Пора домой. До дому бы поскорее доехать. Иди домой. Дома надо убрать.

У меня такого не было. Никогда. Не было дома. Были места, в которых я жила – у бабушки или с мамой. Там, где жили они, и находился так называемый дом. Я не знала, что это такое. Дом обуви, дом одежды, дом быта – это я понимала.

Бабушка всегда мечтала о доме. Своем собственном. Настоящем. Не комнате, не квартире, а доме. И жила все время в предвкушении, в ожидании, приговаривая: «Когда у меня будет дом, я обязательно куплю вот эту люстру», «Когда у меня будет дом, положу в прихожей половик, нет, два половика». «Когда у меня будет дом...»

Бабушка жила в селе на Северном Кавказе в служебной квартире, предоставленной редакцией сельской газеты, где она работала главным редактором. С ней я жила больше, чем с мамой в Москве. Мое детство прошло в этом селе. И когда приезжала мама и спрашивала: «Ну что, поехали домой?» – я искренне удивлялась. Куда?

Вообще-то служебная квартира принадлежала сельсовету, и все в селе знали, что в квартире раньше жил дядя Шамиль. Он умер, и бабушку заселили туда – до тех пор, пока не объявятся родственники покойного. Бабушке сказали, что, пока наследники не приедут, она может там жить. Бабушка прожила там десять лет. Наследники так и не объявились. И когда меня спрашивали, где я живу, я отвечала – «в квартире дяди Шамиля, который умер, а мы ждем его родственников». Кстати, первые выражения, которые я выучила по-осетински, были «дай воды» и «пошли домой».

Квартира находилась в двухэтажном здании в самом центре села. На улице Ленина. Мы жили на первом этаже, справа. Наша веревка для белья была тоже справа, вторая по счету. Мне там нравилось – через веревки

можно было перебрасывать мяч, стук которого об асфальтированный двор отзывался гулким эхом на весь двор. Бабушка говорила – «пойдем на Ленина», «надо убрать на Ленина», «сбегай в магазин, а потом сразу на Ленина». Ни разу она не сказала – «домой».

Напротив здания стояли вроде как гаражи. Но частных машин в селе было не так много, точнее, совсем мало. Все передвигались на велосипедах или мотоциклах.

Гаражи были приспособлены под коммунальные дела. В них мылись, стирали белье, сушили банки для закрутки, варили варенье. Гаражи выполняли и функцию шкафа – одежда, посуда, веники, тазы тоже хранились в гаражах. Вся жизнь проходила во дворе, на пяточке между домом и гаражами. Мы играли в вышибалы и регулярно попадали мячом в чью-нибудь вывешенную на просушку простыню. Нередко срывали и веревки, которые тянулись от крыши дома к крыше гаража. Поскольку гаражи были на этаж ниже, то веревки висели не ровно, а с наклоном. Раз и навсегда было установлено правило – пододеяльники и простыни висели ближе к дому, детские вещи, нижнее белье и прочие сорочки – ближе к гаражам.

Перед домом разбили палисадник, и у каждой хозяйки был свой клочок земли. В основном там сажали зелень – укроп, петрушку, лук. Женщины ругались, если мы рвали лук. Лук дети не ели, в него свистели. Разламываешь зеленое перо и дуешь. Абрикосовое дерево, росшее в углу двора, считалось общим, как и яблоня. Плоды не успевали созреть – мы, дети, лопали зеленые абрикосы и зеленые яблоки. Но абрикосы посыпали песком, то есть сахаром (никто в селе не называл сахар сахаром, только песком, и я до сих пор про себя говорю стакан «песка» или «надо насыпать в сахарницу песка»). Так вот, абрикосы ели с сахаром, а зеленые недозревшие и кислящие яблоки – с солью. Потом, конечно, бежали в туалет, который стоял на задворках, и им пользовались все, кто жил в доме. В квартирах не было санузла, зато имелся кран с холодной водой. Но вода из крана текла тонюсенькой струйкой, и им почти никто не пользовался. Воды для хозяйства требовалось много, а времени, чтобы ждать, пока наберется ведро, у женщин не было. Все пользовались колонкой на противоположном от туалета конце двора. Напор в колонке всегда мощный, только успевай отпрыгивать, иначе будешь мокрый с ног до головы. Воду таскали ведрами. В квартире традиционно стояло два ведра – одно с питьевой водой и чистым (белым) ковшиком, второе – для мытья посуды, пола, рук – с грязным ковшиком (синим в белый горошек в нашем случае).

Мы, дети, дома никогда не пили – всегда бегали на колонку. Даже если

дома стояло полное ведро. Попьешь раз, второй – и снова надо бежать набирать ведро вместо того, чтобы играть во дворе.

Что еще имелось в хозяйстве? Тазы разных размеров для разных нужд. Для варенья, для белья, здоровенное корыто, в котором мылись, еще одно корыто, чтобы замачивать белье. В таз для белья, всегда самый красивый, складывали постиранные вещи и выносили во двор для развешивания. У некоторых хозяек на дверях гаражей даже занавески висели.

В нашей квартире была одна большая комната и крошечная кухонька, отгороженная занавеской. Эта занавеска висела здесь и при жизни дяди Шамиля. Остальное имущество вывез, видимо, сельсовет. Остались только два деревянных ящика, в которых на поезде перевозили фрукты.

Это я тоже хорошо помню. Бабушка отправляла маме поездом такие ящики. У кого были свои дома и свои огороды, собирали урожай. Бабушка же покупала фрукты на рынке. В таких ящиках отправляли абрикосы, черешню, вишню, сливу. Обычно договаривались с проводницами поезда. Я все удивлялась – когда я жила у бабушки, она мне запрещала есть фрукты, купленные для отправки в Москву. Зато, когда я жила в Москве, бабушка отправляла эти посылки регулярно, специально для меня. Когда я приезжала к бабушке, то вместе с местными детьми воровала фрукты с чужих огородов. Дома же стоял ящик, полный абрикосов или персиков.

– Не трогай, в Москву отправлю, – говорила бабушка.

– Я же здесь, зачем отправлять? Я здесь могу съесть. – Очень хотелось персика.

Бабушка задумчиво смотрела на меня, на ящики, но все равно не разрешала взять фрукт.

Ящики, оставшиеся от дяди Шамиля, были заполнены его личными вещами – соседи собрали и сохранили. Бабушка строго-настрого запретила мне даже одним глазом смотреть, что в них лежало. Чужие вещи, трогать нельзя. И все десять лет хранила эти ящики, которые стояли на кухне, под подоконником – там, где их и оставили соседи. Бабушка их даже в гараж не вынесла.

Мебель тоже выделила редакция – большой письменный стол и крошечный – обеденный, два стула, кровать с матрасом-сеткой, раскладушка, лампа настольная. На всех предметах стояли печать и номер. Бабушка спала на раскладушке – ей так было привычнее. Люстру бабушка так и не удосужилась повесить – голой лампочки Ильича ей хватало. Впрочем, бабушка не обращала внимания, что у нее над головой, из каких тарелок она ест и на чем сидит. Единственным личным предметом, дорогим ее сердцу и жизненно необходимым, помимо раскладушки, был

секретер. Огромный, с откидной крышкой, на прочных держателях. Внутри секретера находился весь бабушкин мир – ее заметки, блокноты, рукописи, чернила, чернильница – она любила писать перьевыми ручками. За чистотой в доме она следила тщательно – мне регулярно доставалось за плохо помытые полы. Бабушка требовала непременно поднимать стулья и ставить их вверх ножками на стол, отодвигать кровать и обязательно отмывать лестницу, ведущую на улицу. Зато в ее секретере царил бардак, в котором только она находила все, что требовалось для работы. Ключ от секретера лежал всегда сверху, ровно посередине. Бабушка не глядя протягивала руку, доставала ключ и садилась работать.

Во время войны она служила фронтовым корреспондентом, поэтому имела привычку входить в любые двери, могла убедить кого угодно в чем угодно. Медали, ордена за заслуги. Талантливая, смелая, резкая, бесстрашная, прошедшая всю войну, глухая на одно ухо после тяжелой контузии. Но к быту была совершенно не приспособлена. Не умела устроиваться и обживаться. Ей не хватало женской хватки, бытовой мудрости. С ее положением и влиянием она могла получить все, что хотела – в районном масштабе, конечно. Но ей и в голову не приходило попросить.

– Мама, где у тебя сковородка? – спрашивала ее дочь, моя мама, когда приезжала и привозила меня.

– Здесь, – радостно отвечала бабушка.

Сковорода обнаруживалась на груде рукописных листков – она служила грузом, чтобы страницы не разлетались от сквозняка.

– Мама, где набор кастрюль, которые я тебе отправляла?

– Я соседке подарила. Они ей очень понравились. А мне столько не надо.

– Господи, как я тебе ребенка доверяю?

– Что ты переживаешь? Она же не ходит голодная.

Это правда. Я питалась в редакционной столовой, у соседей, в столовой в сельсовете, у тети Бэллы, которая была женой бабушкиного постоянного водителя дяди Эльбруса и считала бабушку гением.

– Так много женщин, которые готовят! Так мало женщин, которые Лермонтов! – восхищалась тетя Бэлла.

К бабушке приклеилась эта кличка – Лермонтов.

Конечно, ей не раз предлагали купить или построить дом. И мама предлагала. Но бабушка всегда отказывалась. Говорила, что дорого, что не сейчас, попозже, что нужно закончить материал, дописать книжку, а вот потом... Наверное, ей было страшно. Перестать быть Лермонтовым, превратиться в обычную хозяйку. Или я не знаю, почему еще... Хотя потом

произошла история, которая, мягко говоря, шла вразрез с ее нежеланием иметь дом.

Зимой мы с мамой жили в Москве. У нас в квартире не было телефона, и мама бегала звонить к соседке по лестничной площадке, тете Люсе. Бабушка тоже звонила нашей соседке. Почему мама не поставила телефон у себя, хотя могла сделать это сто раз, я точно не знаю, но догадываюсь. Она тоже боялась. Мама очень хотела вырваться из села, где ее так и не приняли, которое она не любила, где ее осуждали и шикали за спиной. Сколько раз она уговаривала бабушку переехать в Москву, чуть ли не в ногах валялась. Но бабушка отказывалась наотрез. У нее *там* была работа, а здесь работы бы не было. А без работы бабушка не могла прожить и дня. Мама не ставила телефон, чтобы не узнать новости. Чтобы не сидеть у телефона и не ждать звонка. Чтобы сердце хоть иногда отдыхало от волнения.

И вот однажды тетя Люся пришла вечером с бутылкой вина и с порога объявила:

- Ольга, поздравляю.
- С чем? – перепугалась мама.
- Как с чем? Твоя мама звонила. Она замуж выходит!
- Люсь, я устала, на работе аврал, еще ты со своими дурацкими шутками, – отмахнулась мама.
- А кто шутит? Поздравляю.

Дальше мама сорвалась, оттолкнула тетю Люсю, влетела в ее квартиру и принялась накручивать диск и орать в телефонную трубку. Вызов нужно было заказывать. И ждать. Бабушку должны были вызвать на почту на переговоры.

- Так, телеграммой быстрее не будет. Надо звонить в редакцию. Люсь, оставь мне ключи от своей квартиры. Я буду завтра с утра ее ловить, – велела мама.

Новость подтвердилась – бабушка решила выйти замуж. За вдовца. Ей было шестьдесят пять. Жениху – семьдесят пять.

- Ты с ума сошла? – кричала мама. – Ничего не делай! Дождись меня! Я приеду и со всем разберусь! Ты меня слышишь?

– Ольга, я уже все решила. Не кричи, я прекрасно тебя слышу. Представляешь, у меня будет свой дом! Настоящий! Ты можешь себе это представить? Уже готовый дом. Не надо ничего покупать и строить! Это же моя мечта! Я видела этот дом! Небольшой, но очень красивый. Две комнаты в доме, летняя кухня, зимняя кухня, огород большой, курятник,

палисадник. На Энгельса.

– Мама, где ты и где куры? Зачем тебе палисадник и зимняя кухня? Какой огород? Ты ведь даже картошку копать не умеешь! Что у тебя случилось? Почему так вдруг? Если ты выходишь замуж за дом, то я тебе его построю! Зачем замуж?

– Почему ты так к этому относишься? Разве я не имею права на счастье?

– Мам, ну при чем тут счастье?

– При том. Это то, о чем я мечтала. И, между прочим, Маше будет лучше жить в доме. О ней я тоже подумала. У нее будет своя комната.

– Мама!

– Я научусь сажать огород и разведу розы в палисаднике! Я хочу копаться в земле. Хочу кормить кур! Мне все надоело! Хочу жить. Как все. Понимаешь? Иметь дом! И свое хозяйство! Хочу свой двор и дерево во дворе! Разве я этого не заслужила? Возможно, я смогу что-нибудь написать. Другое. Настоящее. Считай, что это – творческая командировка. Я еду за новыми ощущениями.

– Мама! Замуж – это не «Письмо позвало в дорогу»! Ты с ума сошла? Какие тебе ощущения нужны?

Самый главный вопрос – «кто жених?» – вообще не волновал маму.

Мама тогда плакала. Она еще несколько раз звонила бабушке в редакцию, но та не отвечала. Мы смогли поехать к ней только на майские праздники. И выяснилось, что уже поздно – бабушка перебралась в новый дом, который называла «на Энгельса».

Оказалось, что так называемая свадьба не прошла гладко, о чем маме тут же насплетничали соседки. Поскольку бабушка была против торжественной церемонии и пышного отмечания, то постаралась сделать все в тайне. В селе, где ее знала каждая собака, сохранить тайну не удалось.

Расписала их Ирочка. Так звали главу местного загса и по совместительству – замглавы сельсовета. Ее дочку звали Ирка, и все считали, что это два разных имени. В свидетельстве о рождении, которые сама же Ирочка и была уполномочена выдавать, значилось: у нее – Ирочка, у дочери – Ирка.

Поскольку здание сельсовета выглядело не очень презентабельным, молодоженам там не хотелось даже появляться, Ирочку обычно вызывали на свадьбы. В дом. Присылали за ней мотоцикл с коляской. Ирочка надевала свое черное платье, перевешивала через плечо золотую ленту, собирала документы, брала красивую указку с плетением на конце и садилась в коляску мотоцикла. За свои услуги Ирочка получала

вознаграждение – иногда деньгами, иногда мешком муки или кукурузы, иногда ценным подарком – отрезом ткани, комбинацией или комплектом постельного белья.

Бабушка попросила Ирочку прийти к ней на Энгельса. Без мотоцикла и без опознавательной ленты. Только с бумагами. Ирочка не смогла отказать главному редактору газеты, но прическу все-таки сделала, надела свое торжественное платье – не в халате же идти – и поковыляла на каблуках через все село на Энгельса. Почему на каблуках? Потому что под торжественное платье галоши или тапочки со смятым задником не обуешь.

Бабушка пригласила на свадьбу соседей Гагловых, которые вообще по-русски не говорили. И соседей Фарзулиных, которые давно разругались с соседями Гагловыми по причине, которую ни та, ни другая уважаемые фамилии уже и припомнить не могли. Что-то там прадеды не поделили, а что – никто не помнил. Но чтобы соблюсти традиции, семьи друг с другом не разговаривали.

Бабушка еще смеялась, что Гагловым и Фарзулиным надо дать почитать Шекспира. Но Шекспира на осетинском в местной библиотеке не нашлось, а Фарзулины сказали, что бабушкиному Шекспиру не понять всей глубины многолетней обиды.

– Ну почему же не понять? Очень даже понять, – возмутилась бабушка и быстро пересказала содержание пьесы «Ромео и Джульетта». Глава семьи Фарзулиных, Батраз, внимательно выслушал и задал вопрос:

– Шекспир из какого рода?

– В каком смысле? Он из английского рода, – опешила бабушка.

– Вот если бы у него хотя бы дедушка был осетин, тогда бы он меня понял, – ответил Батраз.

Его жена Фатима вдруг расплакалась.

– Что ты плачешь? – удивился муж.

– Детей жалко, – призналась Фатима, – всегда дети страдают от глупости взрослых.

– Успокойся, у нас два сына и у Гагловых сын, – отрезал Батраз, но Фатима продолжала плакать.

– Что ты плачешь? У нас даже балконов нет! – возмутился Батраз.

– Ты ничего не понимаешь. Это же как сказка. А ты все напрямую. Ты такой... Мария, как это сказать, если он ничего не понимает?

– Черствый.

– Вот! Ты такой, как Мария сказала!

– Слушай, может, я и черствый, а когда твоя троюродная племянница сбежала, как ты первая кричала! Ты тогда про любовь говорила?

– Если бы она хорошо сбежала, в приличную семью, я бы слова не сказала!

Бабушка не позвала на свадьбу даже свою ближайшую подругу Варжетхан, которая считалась в селе главной гадалкой, главной знахаркой и главным специалистом по проблемам бесплодия, рождения мальчика-первенца и мальчика, хотя бы не первенца. Варжетхан гадала на бобах, к ней приезжали из всех окрестных сел и не окрестных городов. Ее боялись и уважали. Некоторые считали ее колдуньей.

– Ты же образованная женщина! Зачем ты поддерживаешь этот миф? – удивлялась бабушка.

– Как это по-русски? Когда твоя душа отвечает за твои болезни?

– Психосоматика, – отвечала бабушка.

– Только мои пациентки не знают такой болезни, зато верят в бобы, магические отвары и колдовство. А мне какая разница? Пусть верят хоть в кашку летучей мыши! Лишь бы это им помогало.

Не пригласила бабушка на собственную свадьбу и еще одну близкую подругу, хозяйку местного кафе Альбину. Никого из редакции тоже не было. Но пока Ирочка ковыляла на каблуках, все село ее, естественно, заметило.

– Ты куда идешь? – спрашивали женщины.

– Никуда, – отвечала Ирочка.

– Да конечно, никуда. Просто так прогулять каблуки вышла! – смеялись соседки. – Скажи, куда идешь. Может, нам тоже туда надо?

– Вам туда не надо. Идите, ужин готовьте. – Ирочка переживала, что подвела бабушку и тайная свадьба перестала быть тайной.

– Ирочка, скажи, а зачем ты ленту через плечо не повесила? Мы никому не скажем! – не отставали соседки.

– Не скажу, – бурчала Ирочка, пытаюсь быстрее ковылять на каблуках. – Лучше пойти на радио и там объявить, чем вам сказать. По радио и то меньше людей узнают, куда я иду.

Ирочка чуть ли не по кустам добралась до Энгельса и вошла в дом. Села за стол, сняла туфли – ноги натерла нестерпимо – и немедленно выпила араки. Какие только регистрации она не проводила, но бабушкина свадьба была из ряда вон. Все сидели молча. Почти не ели и не пили. Бабушка делала наброски к завтрашнему материалу на каком-то клочке бумаги. Ирочка заполнила свидетельство о браке, молодые расписались. Бабушка вернулась к заметкам, а ее новый муж ушел спать. Гаглыевы попрощались по-осетински и тоже ушли. Фарзулины пытались вспомнить, почему все-таки они с ними не разговаривают, и продолжали обсуждать

Шекспира и неравные браки.

Тут вечер наконец перестал быть томным. В калитку вошла целая процессия с Варжетхан во главе.

– Ну и что это вы тут устроили? – спросила ближайшая бабушкина подруга.

– Кто вам стол такой сделал? Это же позор, а не стол! – Оглядев угощения профессиональным взглядом, Альбина шмякнула на землю цинковое ведро, которое держала в руках.

Бабушка оторвалась от своих заметок и радостно уставилась на компанию.

– Что ты веселишься, Мария? – грозно спросила Варжетхан.

– Заголовок удачный придумала, – ответила бабушка.

– Нет, надо было тебе капли дать. Тут не пойми что происходит, а она заголовки придумывает! – ахнула Варжетхан и кивнула Альбине.

Альбина потянулась к ведру. Ирочка очнулась от полудремы.

В селе каждая семья делала домашнюю араку и вино. В каждом дворе на зимней кухне или в теплом гараже, который никогда не видел машины, стояли бутылки, самогонные аппараты, висели шланги. На продажу ни араку, ни вино никто не делал, только для домашнего потребления. И у каждой семьи был свой секретный рецепт. Для вина использовали кувшины, обычные бутылки, даже кефирные, стеклянные. А араку хранили и носили в огромных бутылках на десять литров с длинным горлышком темно-зеленого стекла. Закрывалась бутылка здоровенной деревянной пробкой. Откуда в селе появился запас этих, кажется, медицинских бутылок, было неизвестно. А вот пробки, так сказать, аутентичные, считались ценностью. Обычно пробки делали сами, кто во что горазд. Кто резал из дерева, кто из пластмассы, кто сургучом пытался заклеить.

Эти бутылки, без ручек, переносились для удобства в серых цинковых ведрах. Горлышко всегда торчало – ни скроешь, ни прикроешь. Если кто-то нес цинковое ведро – в ста случаях из ста в нем была бутылка с аракой.

Альбина разлила араку – она была лучшим «виночерпием» в селе. То есть умела так наклонить эту десятилитровую бутылку над рюмкой, чтобы не пролить ни капли. Могла налить в десять рюмок с «одного наклона бутылки» и не оставить ни следа на скатерти. Сейчас Альбина наклонила бутылку и пролила мимо, отчего даже бабушка отвлеклась от мыслей об удачном заголовке и с некоторым недоумением оглядела собравшихся.

– А что случилось? – спросила она.

– Это она нас спрашивает! – гаркнула Варжетхан. – Это ты нам скажи, что случилось, пока я тебя лично не отравила собственными травами!

Обещаю, отравлю быстро. Но если ты сейчас же не скажешь, почему я ничего не знаю, почему Альбина ничего не знает, почему никто в редакции ничего не знает, то ты будешь долго мучиться. Только я пока не решила – то ли от поноса, то ли от рвоты. И еще скажи – что тут делает эта?

Под *этой* подразумевалась Ирочка, которая уже лыка не вязала, а тихонько икала.

– Что ты тут делаешь? – заорала Варжетхан Ирочке.

Та икнула и расплакалась.

Бабушка молчала и разглядывала небо.

– Нет, она все-таки не Лермонтов, – объявила Варжетхан, – она такая дура, что Лермонтов не может быть такой дурой.

Конечно, Варжетхан обо всем уже догадалась и просто кипела от ярости.

– Зачем? Зачем тебе это надо? Что ты наделала? Ты о своей дочери подумала? Ты о своей внучке подумала? Она приедет, и куда ты ее приведешь с вокзала? Сюда? Что ты скажешь бедной девочке? А что устроит твоя дочь, ты об этом подумала? Давно в селе не было скандала, о котором потом годами все забыть не могут? Так жди! Сенсация тебе обеспечена!

– Как же я про Ольгу забыла? – пьяно ахнула Ирочка и икнула на сей раз громко.

– А что такого она сделает? – хорохорилась бабушка.

– Ничего такого, конечно, – развела руками Варжетхан. – Тебя она в Терек сбросит, а твоего мужа зарежет, а так, конечно, ничего не будет! Где была твоя голова, когда ты это делала? Почему со мной не посоветовалась?

– Потому что ты бы отговаривать стала. А меня Ольга в Терек не сбросит. Но мужа зарежет, это да, – задумалась бабушка. – Альбина налей еще так, как ты умеешь.

Альбина еще раз исполнила цирковой номер с наливанием араки по рюмкам и опять пролила на скатерть.

– Как ты могла ее зарегистрировать? – продолжала наседать Варжетхан.

Ирочка плакала.

– Как я могла отказать?

– Ты могла бы подвернуть ногу и не дойти сюда! Лучше бы ногу не подвернула, а сломала, я бы лично тебе гипс поставила. Как себе бы поставила. Так нет же, доперлась на своих каблуках, – вопила на все село Варжетхан.

– Что ты кричишь, сейчас все придут, – испугалась бабушка.

А все уже были здесь. В калитку вошла очередная процессия женщин. Мужчины попрятались по домам и сделали вид, что ничего не происходит. Женщин набралось много.

– Что ты сидишь? – гаркнула Альбина на Фатиму Фарзулину, которая чуть ли не под стол забилась. – Предательница! Знала, а нам ничего не сказала, да? Стол такой увидела и ничего мне не сказала, да? Давай вставай, надо людей накормить.

Фатима, младшая из всех оказавшихся за столом женщин, согласно традициям, стала обслуживать гостей под руководством Альбины. Фатима сбегала в «Кафэ-Рэсторан», принесла еды, расставила, еще раз сбегала и еще раз расставила.

Заведение Альбины действительно носило такое громкое и странное двойное название. Возможно, потому, что находилось недалеко от вокзала – ведь в поездах были вагоны-рестораны. Иначе как объяснить тот факт, что отдельное помещение для гостей, не в общем зале, а в комнате или на веранде, называлось «купэ». Посетителей в «Кафэ-Рэсторане» почти никогда не было. А заведение процветало. Если в селе устраивались торжества, «Кафэ-Рэсторан» помогал с поставкой еды. На заднем дворе резали кур, тут же их отваривали. Рядом пеклись пироги. В тазах замешивались соусы для картошки и мяса.

Альбина с бабушкой иногда спорили, что важнее – кафе или газета.

– Твоя газета через сто лет умрет, а мое кафе – никогда! – заявляла Альбина.

– Почему это? – возмущалась бабушка.

– Потому что люди не всегда хотят читать, а есть они хотят всегда! – гордо замечала Альбина и, как показывает история, была права.

Женщины уселись за столом – ели, пили, пели песни, обсуждали, что будет, если Ольга приедет. Каждая строила самые страшные догадки – что дочь Марии убьет ее мужа не кинжалом, а выстрелит из пистолета. Что Марию не сбросят с обрыва в Терек, а насильно увезут в Москву. И еще неизвестно, что хуже для Марии.

Варжетхан продолжала злиться и грозилась напоить бабушку каплями от всего, обещая ей не только понос и рвоту, но и забытье, долгий беспробудный сон и потерю способности писать тексты.

– Зачем ты так злишься? – шепотом спросила бабушка у подруги.

– Потому что это не ты решила, не твоя голова! – ответила целительница. – Зачем тебе понадобился этот замуж? Ты бы сказала, я бы тебе отвар сварила.

Да, Варжетхан знала о природе депрессии и умела ее диагностировать

и лечить. У бабушки уже был сложный период, и Варжетхан давала ей свои отвары. Бабушка стала спокойна, не плакала, засыпала, но совершенно не могла работать на этих отварах.

– Я не могу. Если я не буду работать, то сойду с ума, – признавалась бабушка подруге.

– Побочный эффект. Мы снизим дозу. Подберем тебе правильную.

– Нет, я должна быть нормальной. Пусть я не буду спать, пусть буду плакать, но я должна писать. Защити мой мозг. Сделай так, чтобы я могла думать. Помоги мне.

Варжетхан давала бабушке капли, на которых она стояла, писала, ездила, работала. Никто в селе об этом не знал. Это была только их тайна. Как было тайной то, что даже малейшие нервные потрясения оборачиваются для бабушки экземой. Варжетхан смешивала для нее снадобья и продолжала ворчать:

– Ты должна лечиться не наружно, а внутрь. Дай себе отдых. Хотя бы на две недели.

– Нет, я не могу на две недели. Ты с ума сошла? Как газета две недели будет без меня?

– Ничего не случится с твоей газетой, успокойся. А ты умрешь от инфаркта, если сейчас меня не слушаешь.

– Когда умру?

– Я что – святой Георгий? Откуда я знаю?

Варжетхан тогда поставила верный диагноз – она вообще была диагностом от бога. Бабушка умерла от инфаркта...

В новом бабушкином дворе, на Энгельса, уже все напились. Пришла новая порция гостей-соседей с улицы Ленина. И все женщины возмущались – как Лермонтов могла выйти замуж? Зачем? Разве ей было плохо на Ленина? Зачем переехала сюда?

– Все, я так больше не могу! – вдруг встала и объявила Ирочка. Она достала свежий бланк регистрации, только что подписанный, еще чернила не просохли, и торжественно его порвала. Женщины снова выпили и закусили. Пошли танцевать.

– Ты теперь свободна! – объявила Ирочка. – Я так сказала, как представитель власти.

У бабушки так и не осталось свидетельства о браке. Копию в сельсовете, где Ирочка оставила запись заранее, бабушка так и не запросила. Никакой печати в паспорте тоже не стояло. Половина села считала, что порванное свидетельство можно считать разводом, половина – сомневалась. По документам бабушка оставалась свободной женщиной, но

в архиве хранилась запись о ее замужестве.

Путаница с документами в нашей семье вошла в традицию. Мама сохранила девичью фамилию, но дала мне фамилию моего отца, которого я никогда не знала. Печать в паспорте о ее замужестве и запись о ребенке отсутствовали. Год рождения перепутан, как и месяц. Фамилия написана через «и», хотя должна писаться через «е». «И» зачеркнуто не очень аккуратно, а сверху приписана кривая «е». Не паспорт – фальшивка.

У моих детей – фамилия моего мужа. Я официально хожу под девичьей. В школе у детей я фигурирую под фамилией мужа. Работаю под псевдонимом. У меня три фамилии в рабочем пользовании. И нигде в паспорте у меня нет записи о моем семейном положении и о наличии детей.

Для села это считалось нормальным. Детей регистрировали тогда, когда становилось нужно, например, идти в школу. Если, допустим, ребенок родился в январе, а родители добрались до сельсовета только в марте, то ребенка регистрировали на март, на то число месяца, в которое родители соизволили явиться. Справки из роддома никому и в голову не приходило требовать. Если родители приходили регистрировать семилетнего ребенка, то ему ставили дату рождения в момент прихода родителей. То есть в первый класс школы шел новорожденный младенец. И все все понимали. У каждого ребенка в нашем селе было два дня рождения плюс именины. Я от этого страдала все детство – ведь у меня был только один день рождения и не было именин – бабушка была яркой атеисткой.

У моей мамы, например, в паспорте стоит дата рождения – июль, но я точно знаю, что она родилась в июне. И мне до сих пор приходится поздравлять ее дважды. Если я забуду про июнь – она со мной не разговаривает и обижается. Если я поздравлю ее в июне, но забуду про июль – та же реакция. Поэтому мы всей семьей звоним ей в июне, в июле и на всякий случай еще и в августе и дружно вопим в трубку – «Поздравляем!» Когда я выбираю подарки для мамы, то всегда делю пакеты – это на июнь, это на июль, а это – на август, на всякий случай.

Иногда паспорта переписывались, делали это в основном мужчины. Приписать себе лишних лет пятнадцать, а то и двадцать считалось чуть ли не традицией. Зачем? Ну, во-первых, получить пенсию пораньше. Но это было не столь важно, а важно получить статус старейшины, к которым относились как к мудрецам. Статус давал и власть – только старейшина принимал важные решения, за ним оставалось последнее слово. Он имел непререкаемый авторитет, почет, высшие проявления уважения,

ежеминутную заботу, а также мог позволить себе капризы, самодурство, самоуправство и прочие побочные эффекты абсолютной власти. Бабушку это всегда возмущало. Однажды она оказалась на свадьбе в числе почетных гостей. И среди старейшин увидела Зорайра. То, что Зорайр был ее ровесником, бабушка знала совершенно точно – они проходили реабилитацию в одном госпитале. И бабушка знала не только дату рождения Зорайра, но и все его диагнозы.

– Зорик, ты что тут делаешь? – удивилась бабушка. – Ты что, скамейкой ошибся? И зачем тебе палка? Тебя же не в ногу ранили!

– Женщина, что ты говоришь? – показательно возмутился Зорик, тяжело встал с помощью младшей невестки и пошел в угол двора. Бабушка пошла следом.

– Что ты меня позоришь? – прошипел Зорик.

– Это ты себя позоришь, – рассмеялась бабушка. – Тебе ведь шестьдесят три всего.

– А по паспорту – восемьдесят три! – объявил Зорик.

– Ты с ума сошел совсем? Зачем тебе?

– Надоело быть младшим. Ты не знаешь, каково это. Когда тебя мальчишкой считают. Мой брат всего на два года старше, а я его слушаться должен. Если бы ты была младшей невесткой в семье, тоже бы захотела побыстрее старшей стать.

– А брат тоже паспорт переделал?

– Да.

– Так получается, что он все равно старше!

– Нет. Он только на пятнадцать лет переделал, а я – на двадцать.

– Но все же знают, сколько тебе лет!

– Другие не знают! И очень уважают.

– Ну да, ты так еще долгожителем станешь. Когда тебе восемьдесят стукнет, ты столетний юбилей отмечать будешь.

– И ты про меня в своей газете напишешь.

– Зорик, какой ты дурак, уж извини, что я так со старейшиной разговариваю.

– Ты только это, не кричи слишком громко, ладно? Родственники из города приехали. Ты и так уважаемый человек, хоть и женщина, я тоже хочу быть уважаемым. Тебе жалко, что ли?

– И давно ты старейшина?

– Всего три дня.

– Ладно, наслаждайся властью. Пусть тебе женщины ноги моют, но если ты какую глупость сделаешь или неверное решение примешь, так я

тебе быстро про возраст напомним.

Не только регистрации детей, но и свидетельства о смерти выписывались нужным числом, а не по самому факту. Если так было удобно родственникам, то как можно им отказать? Ирочка, которая выезжала не только на регистрации, но и на выписывание свидетельств о смерти, каждый раз боялась перепутать повод. Такой профессиональный страх, появившийся еще в те годы, когда она была молоденькой девушкой и только начинала работать в сельсовете. У нее была старшая наставница – бабушка Сати. Она всю свою жизнь регистрировала браки, записывала младенцев и выдавала свидетельства о смерти.

– Запомни, – наставляла бабушка Сати свою ученицу, – младенцев и покойников запиши так, как просят, а с браками будь осторожнее.

В селе факт официальной регистрации не считался значимым документом. Важнее этой бумажки было объявление в газете, сам факт торжества и свидетельства родственников. В ЗАГС вообще молодые могли не прийти, поскольку сто пятьдесят свидетелей, гулявших на свадьбе, с легкостью могли подтвердить законность союза. Опять же, если старейшины села говорили, что брак был, то это считалось железобетонным доказательством, как сейчас – анализ ДНК. Если старейшины сомневались и не могли припомнить, сколько баранов было зарезано на ту свадьбу, то тут ни один официальный орган не доказал бы законность брака.

Однажды Ирочка перепутала. Ее вроде бы вызывали на регистрацию брака, прислали мотоцикл, а приехала она на поминки. В блестящем платье, с другими бумагами. Хорошо, что бабушка Сати тоже приехала на эти поминки – скончавшийся приходился ей дальним родственником – и застала Ирочку, рыдающую в дальнем углу женской комнаты. Бабушка Сати достала из своей сумки огромный черный платок, бланки нужных документов и отправила Ирочку выписывать свидетельство о смерти.

– Как я могу? – плакала Ирочка. – Он умер месяц назад!

– Напиши сегодняшнее число, – велела бабушка Сати, – покойному уже все равно, каким числом он умер, а родственникам это надо.

– Для чего? Разве это... законно?

– Ирочка, послушай меня, я очень долго живу, делай по-человечески. Кто твой закон проверит? Только людям лишнюю боль и неприятности сделаешь. Думай о живых, а не о мертвых. У нас тут свои законы. И они – поважнее городских бывают.

Ирочка тогда выписала свидетельство той датой, которую называли родственники. Позже, уже официально сменив на посту бабушку Сати,

Ирочка сто раз благодарила ее за напутственные слова. Да, в селах свои законы.

В ЗАГС, например, обычно «прибегали» регистрироваться только «недостойные» невесты и женихи. Те, кто хотели избежать огласки. В ста случаях из ста – невеста с женихом хотели обмануть родственников. В большинстве случаев девушка оказывалась беременной и, чтобы скрыть позор, требовался весомый довод. В этом случае официальная регистрация брака родственниками признавалась аргументом. И девушка не считалась опозоренной. Сплошь и рядом случались мезальянсы – родители не договорились, а молодым все равно – у них любовь. Тогда официальное свидетельство тоже имело силу. Родители смирялись и устраивали свадьбу. Иногда в село приезжали пары из города, надеясь на то, что за деньги Ирочка их зарегистрирует сразу же или выдаст свидетельство задним числом.

В своей рабочей сумке Ирочка всегда носила два платья – одно на свадьбы, с блестками, другое на похороны – без блессток. И черный платок, который ей подарила бабушка Сати. После того случая у Ирочки проколов не было. Но она решила сменить местечковые законы и просвещать хотя бы односельчан. Ходила по домам, где родились дети, и требовала зарегистрировать их нужной датой, чтобы избежать путаницы. Все думали, что Ирочка по-своему сошла с ума на работе, а она возмущалась – ведь просто хотела, чтобы у детей была одна-единственная дата рождения. А не две и не три, если учитывать крестины. Ирочка устраивала целое собеседование молодоженам, узнавала, из каких они семей, и давала на размышление не два месяца, как того требовал закон, а полгода. «Липовых» свидетельств о браке она не выдавала – все семьи, которые она зарегистрировала, оказывались крепкими. Появлялись у нее и «краденые» невесты. Ирочка строго просила «жениха» выйти и долго разговаривала с девушкой. Звонила ее родителям и спрашивала, готовы ли они забрать дочь. Она задавала простые вопросы – любишь, не любишь, заставили, не заставили, зачем выходишь замуж? Потом вызывала на собеседование жениха и тоже звонила его родителям – знают они, что сделал их сын? Готовы принять невестку? А у него спрашивала – любит, не любит, зачем жениться хочет.

Именно поэтому Ирочка плакала, когда регистрировала брак моей бабушки. Она знала, что не должна это делать. Позже она признавалась Варжетхан, что в тот вечер совершила «профессиональное преступление», чего не могла себе простить.

Мы с мамой увидели нового бабушкиного мужа только на майские праздники, когда их семейная жизнь была в разгаре. Мне он показался тихим старичком. Со мной он не разговаривал. С мамой тоже – кивнул и скрылся за воротами. Соседки уже толпились на улице, но молча. Все ждали, что сделает мама, и собрались на тот случай, если она все-таки возьмется за кинжал или ружье, или хотя бы за нож.

Мама села на стульчик под деревом во дворе и заплакала. Плакала она минут десять, потом умылась и ушла. Заказала машину дров, машину с щебенкой, машину еще с чем-то.

Дом оказался запущенным, облупившимся. Зимняя кухня выглядела сараем. В летней не было стекол. На огороде – бурьян. В курятнике расхаживали три полудохлых курицы, которых даже зарезать рука не поднималась.

Внутри дома и того было хуже – грязно, темно. На стенах висели пыльные фотографии в паутине.

– И это дом твоей мечты? – спросила мама.

– Не знаю, – ответила бабушка, разглядывая фотографии на стенах. – Я раньше их и не замечала. Странно, да? А что, совсем плохо? Мне же не с чем сравнивать. Может, можно что-то сделать?

Мама засучила рукава и принялась драить, скоблить, мыть, сдирать старые фото, стирать занавески и затхлое постельное белье.

Наконец, она добралась до дальней комнаты, которая предназначалась для меня. Там стоял бабушкин секретер, было чисто, убрано, в углу разместились два деревянных ящика для фруктов с вещами дяди Шамяля.

– Зачем ты их сюда привезла? – удивилась мама.

– А вдруг наследники объявятся?

Наверное, бабушке было сложно расстаться с вещами, которые хоть и принадлежали другому человеку, но стали ей нужными, привычными глазу.

Именно мама за то недолгое и странное время, что бабушка была замужем, привела дом в божеский вид. Он и вправду стал милым, чистеньким, аккуратным. Свежая побелка, новый забор, новая крыша. На зимней кухне была выложена новая печка. В основном доме тоже – я всегда спала у теплой стены. В курятнике забегали куры и цыплята, появились два петуха. На огороде росла картошка, две грядки с клубникой, две – с луком, одна с петрушкой и укропом, три черешневых дерева, одно персиковое. Появился парник для помидоров и яма для грибов-шампиньонов, которые так любила бабушка. Палисаднику могла позавидовать самая хорошая хозяйка.

Конечно, мама не все делала сама. Она приезжала, платила, нанимала

людей, просила проследить, договаривалась с соседками, с тетей Бэллой, Альбиной, Варжетхан. Мама же привезла люстру и два тканых разноцветных половика, о которых так мечтала бабушка. Повесила ковер на стену и положила один на пол – тоже несбыточная мечта и признак немыслимого для бабушки расточительства. Еще она поставила новый телевизор и аж два холодильника – один в зимнюю кухню, другой – в летнюю, отчего бабушка чуть в обморок не упала.

Мама хотела, чтобы она была счастлива, чтобы жила так, как всегда мечтала.

Бабушка и вправду первое время, забросив рукописи, возилась в земле, копала, сажала, пропалывала. Но земля ее не принимала. У нее была тяжелая рука. Ничего не росло.

Потом она переключилась на покраску-побелку. Но задумывалась и оставляла разводы. Столь же быстро ее энтузиазм иссяк в кулинарии –

бабушка пыталась варить супы, жарить мясо, но есть это было невозможно. Лучше всего ей удавались пышки, которые она жарила в огромном чане в кипящем масле. Пышек всегда получалось много, слишком много. Но бабушка не умела готовить мало. Тетя Бэлла по-прежнему меня кормила, а бабушка пыталась по привычке в редакционной столовой. Курицы вызывали у нее отвращение, и бабушка подумывала о том, чтобы завести вместо кур козу – она как-то человечнее, ближе, ей можно кличку дать, звать по имени, доить, гладить.

Теперь я жила на Энгельса. Бабушка так и не научилась называть свой новый дом домом. «После школы – сразу на Энгельса», – говорила она. «Забегу на Энгельса, полей огород, потом в музыкалку».

Самое удивительное, что я не помню, как звали бабушкиного мужа. Хотя прожила с ним под одной крышей – с перерывами – несколько лет. Не помню. Почему так? Бабушка его никак не называла. Мама тоже. Я даже лица его не помню. Помню всех соседей по именам, всех своих подружек, всех бабушкиных коллег, а его – не помню, хоть убей.

Бабушкин муж вязал веники. Рядом с курятником у него расположился сарай, как мастерская, где лежали веники разных размеров для продажи, специальные приспособления для вязки под заказ. Размеры и степень жесткости веников имели чуть ли не сакральное значение. Маленькими, можно сказать, детскими, убирали на кладбище. Больше их нигде не использовали. Только смахивать пыль с памятников, выметать мусор от ограды. Эти веники были самыми жесткими. Большие веники на длинной ручке, мягкие, разлапистые, широкие, покупались для паутины – сметать у потолка, у люстры, в углу сарая. На средней ручке и средней жесткости

служили для подметания двора. Для двора требовалось минимум три веника – один жесткий, негнувшийся, как лопата, другой средний, третий – мягкий. Все три использовались в хозяйстве по очереди. Сначала нужно было смести жестким грязь, прилипшие листья и мусор. После чего средним собрать в кучки листья. И уже мягким завершить уборку, собирая почти пыль. Двор мели каждое утро. Обязательная процедура, как чистка зубов. Не подмести двор считалось позором и страшным преступлением, о котором судачили соседки. К двору прилагался и кусок асфальта за воротами, который тоже требовал уборки. Нельзя было подмести двор и забыть убрать за воротами. Соседки такой галдеж поднимают, что не оправдаешься.

Бабушкин муж считался хорошим мастером. Ему заказывали веники партиями. Мне никогда не запрещалось заходить в его рабочий сарай. И я даже пыталась связать какое-то подобие веника. Кажется, он даже показывал, как нужно счищать зерна с прутьев. Но его самого не помню. И этот дом, где я прожила самые счастливые годы своего детства, был не его, а бабушкиным. «На Энгельса».

Не знаю, что чувствовал этот мужчина после женитьбы на моей бабушке. И зачем ему вообще этот брак понадобился – не знаю. И мама не знает. Наверняка он знал, на что шел. Если раньше к нему приходили «за вениками», то теперь сначала звали мою бабушку и у нее просили разрешения обратиться к ее мужу. Дом был не ее, но хозяйкой считалась она. Я помню, что бабушка жаловалась Варжетхан, что муж переживает.

– Конечно, переживает! – смеялась знахарка. – Где его мужское достоинство? Ты его себе все забрала! А что он хотел? Женился на Лермонтове – пусть терпит!

Иногда случались и казусы. Поскольку бабушкина редакция следовала за ней, где бы она ни находилась, то люди к ней приходили и в редакцию, и на Ленина, и на Энгельса. Многие сразу шли в дом, не заходя в редакцию. В доме было проще рассказать о случившейся беде, попросить о помощи. Бабушка никогда не отказывала таким «ходакам», всех принимала и выслушивала. В любое время суток. У нее не было выходных дней. Все дни считались рабочими.

Люди стучали в ворота на Энгельса, бабушка открывала калитку и провожала гостей во двор, где специально для таких встреч мама поставила стол, скамейку, несколько стульев. Бабушка предлагала присесть, выпить вина, которое регулярно поставляла ей Альбина. Брала блокнот, карандаш и садилась напротив, в свое кресло.

– Рассказывайте, что случилось.

Гости молчали, что бабушку совершенно не удивляло. Очень сложно начать говорить о проблеме.

– Так, давайте начнем с начала. Откуда вы, из какого села? Как ваша фамилия? Дети есть? Сколько? Где учатся? Как здоровье старших? Чем болеют? Родственники где живут?

Постепенно в ходе такого интервью вскрывались проблемы. Или нужно было помочь с больницей, или вернуть дом, который хотели отобрать родственники. Или восстановить документы прадеду. Бабушка была убеждена, что только такие посетители приносят настоящий материал. Только они расскажут «настоящую историю». Такие посетители рассказывали о проблемах, о которых бабушка и подумать не могла.

Однажды пришли две женщины – свекровь и невестка. И бабушка устроила им обычное интервью – откуда, как, что случилось. Женщины никак не могли раскрепоститься и начать говорить свободно, несмотря на вино Альбины. Бабушка чувствовала приближение сенсации. Она уже дошла до прадедов и уточняла, отчего умерли прабабки. Женщины отвечали четко, разумно, но с некоторым недоумением. Бабушка злилась – она, лучший интервьюер, никак не могла раскрыть настоящую «проблему», которая привела к ней этих двух женщин. Она заходила то с одной стороны, то с другой, и все никак. Уже и про детей спросила, и про огород, и про виды на урожай – без толку. Женщины отвечали складно и равнодушно. Бабушка уже готова была поставить на себе крест – с ее-то опытом не почувствовать скрытой проблемы, не узнать, что по-настоящему волнует женщин!

Спустя почти час невестка не выдержала:

– Почему вы у нас это спрашиваете? Разве вам нужно знать, как родился мой младший сын?

– Конечно, нужно! – с энтузиазмом ответила бабушка.

– Разве веникам не все равно? – уточнила невестка.

– Каким веникам? – не поняла бабушка.

– Обычным веникам, – настаивала невестка, хотя свекровь ее одергивала, – мы за вениками пришли.

Бабушка бросила ручку и блокнот.

– Почему вы сразу не сказали? – возмутилась она.

Женщины не знали, как ответить. Они решили, что для веников очень важно знать, во сколько лет вышла замуж двоюродная тетя невестки и от чего умерла родная тетка свекрови.

– Тьфу ты, – сказала бабушка, – вам туда, в сарай.

Бабушка указала направление. Женщины посовещались шепотом,

извинились и ушли. Они не стали заказывать веники.

После этого случая бабушка решила, что женщины знают этот дом по имени мастера веников, и сразу отправляла гостей в сарай, где ее муж показывал образцы, развешанные под потолком. Вот этот для паутины, этот для двора, этот и для угля подойдет, а этот – пусть не такой маленький, но для кладбища – самое оно. Женщины смотрели на веники, слушали лекцию, как их надо вязать, и... заказ не делали.

– Почему вы без веников? – спрашивала бабушка.

– Зачем нам веники? Мы пришли о проблеме рассказать. Если надо веник купить, чтобы объявление сделать, то нам не надо.

Женщины уходили обиженные.

Бабушка не знала, как совместить свою работу с работой мужа. Она спрашивала совета у Варжетхан, но та пожимала плечами.

– Не переживай. Просто спрашивай сразу, кого хотят посетители – Марию или веники.

– Звучит странно, но, боюсь, это единственный способ.

Очень скоро по селу и окрестностям прошел слух, что Мария не любит, когда к ней приходят за вениками, а любит, когда приходят как в редакцию. Бабушкин муж лишился заказов. Веники в селе вязали многие, а Лермонтов был один. Бабушкин муж продолжал вязать свои веники, вывозил на рынок на продажу, но и там к нему подходили, брали веник в руки и спрашивали, когда можно застать Марию дома. Бабушкин муж перестал появляться на рынке. Он вязал веники для дома, которыми бабушка никогда не пользовалась. Мама привезла ей в подарок пылесос. Бабушка включала агрегат, возила по половику и думала. Под звук пылесоса ей хорошо думалось. Потом она вытаскивала пылесос во двор, снимала насадку и сдувала листья куда придется. Сейчас такой системой пользуются во всех парках, а тогда бабушку считали сумасшедшей. Веники для пыли бабушкиного мужа были покрыты слоем пыли. Венички для кладбища стояли нетронутыми – у бабушки не было близких, похороненных в селе. Веники для двора разной жесткости с отполированными ручками стояли для красоты на видном месте у забора, как предмет интерьера. Бабушка ими так и не воспользовалась.

Меня иногда наказывали «подметанием двора», но из этого ничего хорошего не выходило. Я сметала листья и мусор в одну кучу, разбрасывая все по двору. Тетя Бэлла пыталась научить меня подметать – делать несколько кучек, а потом собирать все в совок. Но я упрямо стремилась сделать одну кучу. Листья летали по всему двору.

В основном доме был чердак с крошечной дверкой. Однажды я туда

залезла. И нашла там вещи. Я прекрасно помнила про запрет бабушки прикасаться к чужим вещам, но любопытство оказалось сильнее. В старом чемодане лежали женские платья. В еще одном чемодане – детские. В коробке – игрушки. Я рассматривала чужие платья, кукол, мишек, деревянное ружье и гадала, кому они могли принадлежать. Умершей жене? Ее детям? Или внукам? Почему их не выбросили бабушка или мама?

Спросить об этом у меня не получилось. Когда я вылезала с чердака, напоролась рукой на осиное гнездо. Да еще и с лестницы свалилась. Бабушка вместо того, чтобы меня пожалеть, отлупила полотенцем – зачем полезла на чердак? А если бы шею сломала? Так что про находки я решила молчать, чтобы не досталось еще больше. Но я часто думала – кто жил в этом доме до меня? Кто играл в эти игрушки? Девочка или мальчик? И где они сейчас? А они считаются нашими родственниками? А если они приедут, то мы с бабушкой должны будем уехать на Ленина или в другое место? Я часто бегала на Ленина. Скучала по своему двору, по ударам мяча по асфальту, по водопроводной колонке. Бабушка мне не запрещала.

Наверное, тогда я поняла, что дома нет и не бывает. Нет такого места. Сегодня дом есть, а завтра его нет. Да, будет другой дом, но это тоже будет не дом, а очередной адрес. Потому что всегда может прийти кто-то и прогнать. Я тогда стала плаксивой – бабушка поила меня травами и списывала мое состояние на падение с лестницы и ос.

Бабушка тоже стала другой. Мама всегда была серьезной, сосредоточенной. У нее появилась глубокая складка между бровями, будто она всегда сердится. Но я знала, что она не сердится, а думает. Бабушка же была смешливой, легкой, с гладким лицом, которое я считала самым красивым на свете.

Бабушка ходила хмурая, подолгу сидела у меня в комнате над своим секретером. Я засыпала под скрип ее пера по бумаге и стук о баночку с чернилами.

– Бабушка, ты чего? – спрашивала я.

– Не пишется, – отвечала она. – Не могу работать. Совершенно. Мне здесь не пишется! Ты не понимаешь. Не можешь понять. Не мое это место. – Она раздраженно хлопала крышкой секретера.

Это я понять могла. У бабушки были места, где ей писалось. На Ленина ей писалось прекрасно – она открывала окна, чтобы был сквозняк, придавливала листы чугунной сковородкой и иногда выходила на кухню «продышаться» – садилась на ящики с вещами дяди Шамиля и думала, уставившись в невидимую точку перед собой, забывая про свистящий чайник. Чайник свистел, пока соседка не заходила и не снимала его с газа.

Бабушка даже не замечала, что в дом кто-то заходил.

Ей прекрасно писалось в редакции. По вечерам, когда все уходили. Окно ее кабинета выходило на старое мусульманское кладбище – даже забор был общим. И бабушка разглядывала в окно стелы, обращенные на восток, и думала. Она пила чай из граненого стакана в подстаканнике, грызла баранки, лежавшие на общем блюде, и работала. Иногда в кабинет заходил дядя Эльбрус, который курил сигареты «Казбек». Это была их дежурная шутка: «Эльбрус закурил Казбек». Две главные горы, два мужских имени – Казбек, ласково Казик, и Эльбрус – Брусик. Но тетя Бэлла звала мужа Элечкой, и это звучало очень трогательно и нежно.

Бабушка, прошедшая всю войну, так и не научилась курить и пить что-то крепче вина. Но ей нравились запахи крепкого дешевого табака и домашней араки. Эльбрус всегда курил в бабушкином кабинете. Она его даже не замечала.

Кстати, своего водителя бабушка называла полным именем. Она и свою дочь, мою маму, звала полным именем, еще когда та была младенцем. Не Олюней, не Ольгушей, не Лелей, только Ольгой. Представляете – звать младенца Ольгой? Зато у меня было много имен: для мамы – Марго или Маргарита, для бабушки – Маня, для соседей – Дидина, что означало «цветок», «цветочек». Я отзывалась на все, кроме одного – Мария. Мария была одна. Моя бабушка. И это имя, полное, нужно было заслужить. А я оставалась Дидиной, внучкой уважаемой Марии, дочкой падшей Ольги.

В общем, в новом доме бабушке не писалось. На работе она уже не могла задерживаться – замужняя женщина должна была идти к мужу. И бабушка отбрасывала с раздражением лист за листом. Ничего. Просто ступор. Она искала себе место – усаживалась то на зимней кухне, то на летней. Но никак. Она даже стул не могла себе подобрать. Старый, с Ленина, она сдала сельсовету, а попросить назад не решалась.

Я видела, что бабушке плохо. Она часто держалась за сердце, пила капли. Мама стала привозить лекарства – тоже видела, что бабушке нехорошо.

– Что сделать? Скажи. Что ты хочешь? – спрашивала мама.

– Ничего. У меня все есть. У меня же есть свой дом. Нужно просто приспособиться, – отвечала бабушка.

На зиму мама забирала меня, а иногда и бабушку, в Москву. Но после своего замужества бабушка отказалась ехать в столицу. Когда мама сидела на кухне с тетей Люсей, я подслушивала их разговоры.

– Она не пишет, ей от этого плохо, – говорила мама соседке. – Я хотела ее сюда забрать. Но она отказывается наотрез. Что мне делать?

Тетя Люся пожимала плечами. Она не понимала, что такое «пишется» и «не пишется».

Бабушка, как выяснилось позже, тайно вернулась в свою редакционную квартиру. Квартиру дяди Шамиля. И работала там. Домой приходила ночевать. И то – не каждую ночь. Все в селе об этом знали. В случае происшествий и важных звонков бабушку сначала искали в редакции, потом на Ленина и только потом шли на Энгельса.

Частный дом предполагал безостановочную работу по хозяйству – наколоть дрова, растопить печку, прополоть грядки, растопить еще одну печку, чтобы приготовить еду. Наносить воды, накормить живность, убрать, еще раз убрать, еще раз накормить живность и наносить воды, еще раз растопить печку. Летом печку топить не требовалось, зато прибавлялось работы на огороде – картошка, грядки, сорняки, урожай, сорняки, грядки и так по кругу. Бабушка физически не могла заниматься бытом. От усталости она не писала. Даже читать не могла, что ее раздражало. Под вечер бабушка падала плашмя и засыпала. Быт убивал творчество. Бабушке пришлось выбирать, и она выбрала работу, поэтому сбежала на Ленина, в квартиру, где были батареи и не было огорода.

Мама терпела. Ждала, когда умрет бабушкин муж, как бы его там ни звали. Но первой умерла бабушка. Мы тогда жили с мамой на Севере. Не дом, очередной адрес. Темный мрачный городок, где была улица Солнечная, улицы Закатная, Радужная, Теплая. Мы жили на Солнечной. Мама говорила, что попала в ад.

Она не сказала мне, что бабушка умерла. Уехала, будто в командировку, оставив меня на попечение соседкам. Я догадывалась, что бабушки больше нет, – мама вернулась почти совсем седая, с обстриженными волосами. Седой короткий ежик вместо густых черных волос до плеч. Складка между бровями залегла так глубоко, что уже не разглаживалась. Мама даже не плакала. Она заморозилась. Я знала, что это такое – пока мамы не было, я отморозила себе руки. Снаружи ничего не чувствуешь, а изнутри тебя колет иголками так, что хочется оторвать конечности. Ты трогаешь рукой палец, а пальца нет. Внутри же все взрывается тысячью, миллионами уколов. Мама тогда была такой. Сверху она ничего не чувствовала, а внутри горела от боли.

Мама рассказала мне о смерти бабушки спустя два года.

– Я знаю, больно – это не когда ноет или тянет, когда горит – это больнее всего.

Мама кивнула.

– А где секреты и ящики дяди Шамиля? – спросила я. – Ты их не

забрала?

– Думала, успею. Потом заберу. Не могла тогда, после похорон, сил не было.

Не прошло и двух месяцев со смерти бабушки, как ее муж женился снова. На женщине, которая была младше его на тридцать лет. Эта женщина не стала церемониться с вещами предыдущей покойной супруги, складывать их на чердак или в ящики. Она вывезла все на пустырь и сожгла. В этом костре сгорел и секретер бабушки, и ящики дяди Шамиля, которые она так трепетно хранила. Тетя Бэлла с дядей Эльбрусом вытащили из костра только папку с бабушкиными рукописями. Ее единственную книжку про совхоз имени Ленина, которой она так гордилась, сохранила Альбина. Подушечку с орденами и медалями забрала Варжетхан. Эльбрус из уже полыхавшего костра смог спасти несколько фотографий, где бабушка со мной – на первомайской демонстрации, в редакции, и на вручении очередной медали. Все это они отдали маме, а мама отдала мне. Я хранила эти папки вместе со своими учебниками и тетрадями. Теперь храню вместе с фотографиями моих детей, их первыми рисунками и каракулями в прописях.

У меня есть дом. Я строила его по кирпичику. Больше всего на свете я хотела иметь свой дом, с постоянным адресом. Настоящий, раз и навсегда. Один-единственный. В котором я буду первой и последней хозяйкой. Из которого меня никто и никогда не сможет прогнать. Я говорю своим детям: «Бегом домой. Скорей бы домой. Надо убрать дома». Это я сделать смогла. Но когда мне больно – у меня не ноет, не тянет, не колет. У меня внутри все горит.

Это были еще цветочки

С цветами у меня никогда не складывались отношения. Я пыталась, но все бесполезно. Никогда у меня не будет на балконе прекрасной оранжереи. Никогда я не буду выбирать горшки и пересаживать в них цветы. Из всех растений у меня прижился только лавровый лист – уже нанизанный на нитку. Связка висит на стене кухни в качестве полезного аксессуара – и красиво, и можно оторвать листик и бросить в суп.

Этим летом я оказалась в чудесном доме, где нам позволили провести отпуск. Сад был прекрасен. Мушмула, апельсиновое дерево, роскошная пальма, ухоженные кусты. Цветы в кадках, без кадок, розарий. Главной достопримечательностью сада и главной ценностью считалась герань. Хозяева дома попросили ухаживать за ней. Цветок, подаренный маленьким росточком, вырос до размеров почти куста и недавно отметил тридцатилетие. Эта герань была дорога хозяевам дома. Собственно, ничего сложного делать не требовалось – поливать сад раз в день, переставить герань в тень на специальный постамент и тоже поливать из специальной лейки. Да, еще розовый куст, роскошный, цветущий, тоже переставить и поливать. На время отсутствия хозяев цветы в горшках были переставлены в специальные места, и к ним подведены крошечные шланги, любовно уложенные хозяйкой прямо в горшки.

Если честно, у меня началась паника. Я не переживала, что дети перебьют чашки или бокалы – они их давно не бьют, не переживала, что мы что-нибудь обязательно ломаем, поскольку всегда что-нибудь ломаем. Я переживала за герань. За то, что загублю сад.

Тут я должна объяснить. Я знаю, как называется любая часть туши в говядине, и могу отличить один кусок от другого и даже сказать, сколько лет было той корове, когда она умерла. Я умею определять свежесть рыбы по глазам этой рыбы. Я много чего умею делать. Но в цветах не понимаю ровным счетом ничего. Лилию от флоксов не отличу. Олеандр я знаю только потому, что одна из моих соседок по летнему отдыху объявила, что он ядовитый. До этого мы с дочкой спокойно его рвали, ставили в вазы и украшали цветами прически.

Переставленная герань была щедро полита, но ей явно чего-то не хватало. Под крошечным шлангом она выглядела лучше. Я даже сфотографировала ее, чтобы следить за изменениями. Я прочитала все, что нашла в интернете про герань и уход за ней. Но мое сердце лежало к кусту

мушмулы, который я поливала из шланга. И к кустам неизвестного мне растения, которые вдруг зацвели. Герань выглядела уныло.

Через два дня я запаниковала. На цветке появилось несколько желтых листиков, а единственный цветок завял.

«Ладно, если что – покрасим и приклеим цветок», – сказала я сама себе.

Но вдруг вспомнила, что есть понятия «тяжелая рука» и «легкая рука». У нас в селе это называлось «зеленая рука». Когда я жила у бабушки, считалось, что у нее тяжелая рука, а у меня легкая. И наш палисадник, запущенный до крайней степени, поливала и пропалывала именно я. Опять же считалось, что если я прополую грядки клубники, то ягоды будут сочными и крупными. А вот колорадского жука с картошки собирала бабушка – после одного ее прохода по грядкам жук там больше не заводился. Правда, и картошка всегда была мелкой.

– Сима, полей цветок, пожалуйста, – попросила я свою восьмилетнюю дочь.

Она взяла лейку и стала поливать. Ей очень понравилось возиться в саду, и она поливала не только герань, но и все остальные цветы и растения. Через три дня герань пришла в себя и выдала один цветок.

У бабушки был худший палисадник на улице – она к цветам относилась равнодушно, любила только «петушки» – растения на длинных стеблях с ярко-красными цветами, похожие на петушиный гребень. Как они называются правильно – я не знаю и не хочу знать. Для меня они останутся «петушками». Еще она любила пионы. Не сами цветы, а запах. Самые лучшие пионы росли на клумбе перед Домом культуры на центральной площади села. Бабушка забиралась в клумбу, срывала себе один цветок и несла в дом. Каждый вечер. Все знали, что пионы срывает бабушка, и никто ей ни слова не смел сказать. Еще она любила ромашки. За ними мы ходили вдоль железной дороги и обрывали сами цветы, которые потом высушивались и шли на отвары для густоты волос, антисептика, от бессонницы и еще миллиона заболеваний. В ромашку бабушка свято верила. Она мечтала, чтобы на ее участке тоже росли ромашки, и пыталась их посадить. Но у нее в огороде они не приживались.

– Разве я хуже железной дороги? Почему там растет, а у меня не растет? – возмущалась она.

На границе участков соседки обычно высаживали кусты вдоль забора-сетки. У кого-то была малина, у кого-то смородина, но самыми лучшими хозяйками считались те, кто выращивал вдоль сетки кизил. Кизиловое варенье – главное лакомство моего детства, а ягоды – кислые, вяжущие – я

до сих пор ем горстями. Покупаю себе лоток и съедаю. Благо дети не претендуют. Они вообще не понимают, как я могу есть кизил. Они вообще ничего не понимают, хотя я старалась привить им вкусы, запахи, ощущения моего детства.

Однажды сын поехал со мной на рынок – помочь с сумками.

– Мам, а что это за ягода, которая похожа на маленький арбуз? – спросил он.

Я стала дико оглядываться на ряды с ягодами. Ничего похожего не обнаружила.

– Покажи.

Вася ткнул пальцем в... крыжовник. Обычный крыжовник. Я чуть в обморок не упала. И вечером начала проводить инструктаж.

– Что это за трава? – спрашивала я.

– Не знаю.

– Это тархун!

– А нормально как? По-научному?

– Эстрагон. Но это тархун!

Кинзу сын определить смог, а шпинат от щавеля не отличил. Вечерний квест продолжался. Желтый цветок, он же имеретинский шафран, который я обожаю, оказывается, называется «кардобенедикт», как сообщил мне ребенок, сверившись с Гуглом. Но он не знал, что такое ботва! Как такое возможно? Я же пекла ему пироги со свекольной ботвой – любимый пирог моего детства.

Моя дочь называет нават исключительно «фруктовым сахаром». Она пьет с ним чай – ей нравятся кристаллы, которые не сразу растворяются. А для меня это было лакомство и средство лечения. Его в нашем селе из виноградного сока варил сосед-узбек. На московском рынке, где я искала этот сахар, его называют чуть иначе – наво́т. Если я попрошу «фруктовый сахар» – меня никто не поймет. Я в детстве объедалась мушмулой, тутовником и инжиром. Мои дети это не едят. А тутовник – в глаза не видели. Когда я обнаружила на рынке петуха, то завопила от радости на весь павильон. Бульон из петуха – что может быть вкуснее? Сын с ужасом смотрел на тушку, уже очищенную, завернутую в пленку. А я-то в детстве петуха ошпаривала, ощипывала и потрошила. И знаю, что петушиные мозги – самое вкусное, что есть в тушке. Ножом аккуратно надавить и высосать содержимое крошечной коробочки.

Мои дети не умеют свистеть в лук – брать зеленый стручок, разламывать и свистеть, пока не начнет щипать губы. Не знают, что початок кукурузы превращается в куклу, если отогнуть листья. И у них крыжовник

– маленький арбуз!

Про цветы и растения я вообще молчу. Недавно муж принес мне букет ирисов. Сын с интересом взглянул на букет и сказал: «О, какие необычные тюльпанчики». Я онемела от возмущения.

Тюльпаны бабушка не очень любила, но перед зданием ее редакции была высажена целая клумба. Они были огромные, мясистые, яркие. С тюльпанами ходили на демонстрации по случаю Первомая. На Девятое мая – уже с гвоздиками. Ни один мужчина не посмел бы подарить женщине тюльпаны в знак любви. Только розы. Много роз. Огромный букет. Чем больше, тем лучше. Мой муж как-то подарил мне пять роз, и я долго плакала. Неужели он меня любит всего на пять роз? В нашем селе считалось, что мужчина любит настолько, насколько большой букет он преподносит. Язык цветов в нашем селе имел огромное значение. Учителям в школу всегда приносили сирень. Гладиолусы вообще не считались цветами. Очень ценились «ноготки», как называла их бабушка, или бархатцы. В палисадниках их всегда высаживали и потом делали настойку, которая вроде бы лучше всего помогала при артритах. Травы ценились больше цветов. Полынь, чабрец, шалфей считались лучшим подарком.

У бабушки на границе участка росла крапива. Это была даже не крапива, а крапивище. Просто чаща крапивы. Двухметровые кусты. Поскольку крапива служила главным орудием наказания – если девочка плохо развесила белье или не уследила за вареньем, то ей по попе доставалось или мокрым вафельным полотенцем, или крапивой. Я предпочитала крапиву – жжет сильнее, чешется, но проходит быстрее. От полотенца еще ночь будешь на животе спать. Иногда на нашем участке появлялась соседка и показательно срывала несколько стеблей. Она не успевала выйти из наших ворот, как у нее дома царил идеальный порядок. И было развешено белье. И накормлены куры. И двор подметен.

Бабушкина крапива считалась не только самой «болючей», но и самой лечебной. Я помню, как к бабушке приходила Варжетхан, голыми руками срывала несколько стеблей, усаживалась на стульчик во дворе и хлестала себя этой крапивой по ногам. Считалось, что крапива лечит от ревматизма и заболеваний суставов.

Сама Варжетхан в своем палисаднике выращивала кактусы. В нашем селе кактусов не было и в помине. Никто и не знал такое растение. Где Варжетхан брала кактусы – неизвестно, но они у нее разрастались до размеров пальмы. Был один кактус, который дорос выше крыши – тонкий, колючий росток, прислонившийся к шиферу. Бабушка часто отправляла меня к Варжетхан с поручениями, и я каждый раз с ужасом проходила

мимо палисадника знахарки. Да и все остальные женщины, которые ходили к Варжетхан, пробегали мимо палисадника пулей. Там росли кактусы разных размеров и разных форм. Разлапистые, с мелкими колючками и с крупными. С шапками вместо цветов и без. Варжетхан своим палисадником наводила ужас и не оставляла сомнений в том, что она настоящая колдунья, которая может предсказать будущее, нагадать сына и отварами вылечить от любой женской хвори.

Для своих секретных снадобий Варжетхан использовала бабушкин палисадник, о чем никто не знал. У бабушки рос огромный цветок алоэ, к которому вообще никто не имел права приближаться. Там же росли другие лечебные травы, неприметные, куцые с виду.

– Почему ты у себя их не выращиваешь? – удивлялась бабушка.

– У меня репутация, а тебе, с твоей тяжелой рукой, уже все равно, – смеялась знахарка.

Бабушка все-таки не могла смириться с тем, что у нее тяжелая рука, и не оставляла попыток заняться садоводством. Она попросила маму прислать ей семена из Москвы. Самые лучшие. Мама, ничего не смыслившая в цветах, просто поехала на рынок в Подмоскowie, где бабули торговали семенами, и набрала всего понемногу. Тогда ярких одноразовых пакетиков, с описанием цветка и инструкцией, как за ним ухаживать, не было. Поэтому мама отправила в посылке несколько газетных кульков, в которые ей щедро отсыпали не пойми чего.

Бабушка, как и все в те годы в селе, была уверена – если что-то привезено из Москвы, то обязательно это что-то будет хорошим. Все соседки собрались и рассматривали семена. Все как одна заявили, что таких семян сроду не видели, хотя вроде бы очень похожи на местные. Но, конечно, если из Москвы, то обязательно экзотические. Сажать семена бабушке помогали тоже все соседки – уж очень им хотелось увидеть невиданные цветы, а то у Марии еще и не вырастет ничего. Первой взошла непонятная трава. Соседки удивлялись – трава странная. На цветы совсем не похожа. Когда трава достигла приличного уровня, одна из соседок, не удержавшись, сорвала пучок, растерла на ладони и попробовала.

– Это ж укроп, только мелкий, – объявила она.

Тут же все соседки стали рвать траву и хохотать – укроп, только какой-то странный. Неужели в Москве такой укроп едят? Его ж даже в салат не положишь. Только детям, чтобы в суп играли – насыпать песок в формочки, присыпать травой и кормить кукол. Над «мэлким» укропом потешались долго и с нетерпением ждали остальных всходов.

Следующими проклюнулись странные ростки, стелившиеся по земле.

Они быстро выдали неприглядные цветочки. Как называется цветок, никто не знал. Но поскольку вид растения имело жалкий, то про него быстро забыли.

– Что это? – спросила бабушка у Варжетхан, которая знала про все неприглядные травы и цветы.

– О, это же бегония! – восхитилась бабушкина подруга.

– А почему она такая... страшная?

– Не туда посадили. На самое пекло. А так она красивая. Мне нравятся бегонии.

– А мне нет. Надо мной уже все соседки смеются!

Когда стал проклевываться еще один росток, бабушка не стала рассказывать об этом соседкам, а сразу побежала к Варжетхан за консультацией. У дома знахарки стояла очередь из клиенток – кому погадать, кому отвар дать, и она была занята.

– Я тебе что, природоведение? Сходи в школу и возьми учебник. Там про цветы читай! – отрезала Варжетхан.

Бабушка пошла в сельскую библиотеку и взяла все имевшиеся в наличии книги про цветы. Первым делом она нашла иллюстрацию с бегонией. С книжкой в руке она подошла к грядке и стала искать хоть что-то общее. Общее, несомненно, имелось – строение и форма листьев, однако то, что бабушка видела на картинке, можно было назвать бегонией. А то, что она видела у себя в палисаднике, – нет. Какая-то... недобегония. Даже дети для игры не сорвут.

Но оставалась еще призрачная надежда на тот самый, еще один проклюнувшийся росток. Определить по листьям, что это за цветок, бабушка не смогла. Но образец уверенно рос, даже быстрее, чем ожидалось. И вскоре достиг очень даже приличных размеров. С виду цветок выглядел странно – какая-то палка. Бабушка снова разочаровалась и поливала его, скорее, по привычке. Росток превратился в маленькое деревце, размером с вишню. Так, во всяком случае, описывала его бабушка. Что из него может вырасти, она и предположить не могла.

Зато вдруг, под осень, зацвели флоксы. То, что это флоксы, сомнений не было никаких. Бабушка с тоской смотрела на цветы. Судя по энциклопедии, они должны были пахнуть медом, но они не пахли медом, скорее наоборот. Бабушка считала, что они пахнут... туалетом. Точнее, выгребной ямой. Видимо, у нее была какая-то индивидуальная непереносимость запахов, как иногда бывает с лилиями – кому-то нравится, а кто-то с ума сходит от отвращения.

Так вот, у бабушки такое возникло с флоксами, которые, как назло,

цвели пышным цветом, разрастались и вызывали зависть соседок. Те приходили смотреть на флоксы и восторгались запахом. Вот эти цветы – точно московские. Так пахнут, так цветут!

Бабушка уходила на задворки участка, где чудом зацвела ромашка, которую бабушка еще год назад без всякой надежды на успех щедро разбросала где попало. Теперь она смотрела на ромашку и чуть не плакала. Какой из нее садовод-любитель, если она готова взять тяпку и выкорчевать все прекрасные флоксы, лишь бы они уже не пахли. Отчего-то флоксы были посажены в том месте палисадника, куда выходило окно бабушкиной спальни. И запах преследовал ее и днем и ночью.

Ночью бабушка вооружилась тяпкой и выкорчевала все кусты флоксов. Безжалостно. Все списала на меня, внучку. Мол, забежала в палисадник, играя в прятки, и все потоптала. Я пыталась возражать, но бабушка выдала мне рубль на кино и мороженое, так что я покорно стояла, повесив голову, и слушала от соседок причитания, что я пошла в мать и никогда не выйду замуж в селе. А буду жить в городе и есть «мэлкий» укроп.

Каково же было удивление соседок, когда торчащая в палисаднике палка оказалась георгином. Как она смогла вырасти такой здоровенной, никто понять не мог. Георгины бабушка просто ненавидела. Когда палка зацвела георгиновыми цветами, она расплакалась и пошла жаловаться Варжетхан.

– Это она специально прислала мне семена, которые я не люблю, – объявила бабушка, имея в виду свою дочь.

– Вот уж сомневаюсь, – рассмеялась Варжетхан, – Ольга в цветах меньше тебя понимает. И вообще, зачем тебе цветы?

– Всегда хотела заходить в собственный сад и срезать цветы, ставить их в вазу. А потом срезать новые. Чтобы каждый день у меня были в доме свежие цветы в вазе.

– Ты и так пионы рвешь, тебе мало?

– Я хочу собственные пионы рвать. В собственном палисаднике. Варжетхан, посади мне что-нибудь, я тебя умоляю. Ты же можешь. Ну хоть однолетние какие-нибудь цветочки. Пусть у меня хоть один сезон цветы будут.

Так, с легкой руки Варжетхан и, как считали соседки, не без применения заклинаний у бабушки появились розовые кусты. Несколько штук в палисаднике и один за туалетом. Тот, который за туалетом, выдавал особенно красивые бутоны. Впрочем, розы в палисаднике хоть и были помельче, но не менее красивые. Бабушка их не срезала, а всячески оберегала – и сухие листья подрезала, и поливала.

У мамы тоже была тяжелая рука. Но я помню, что у нас всегда стояла фиалка на окне. Обычный цветок, подаренный кем-то из гостей. Мама эту фиалку то заливала водой, то засушивала, то сбрасывала в нее пепел, промахиваясь мимо пепельницы, но фиалка цвела. Никакие другие цветы в доме не приживались. Фиалка, пережив засуху, наводнение, отравление табачным дымом, заморозки (мама как-то оставила на время отъезда открытую форточку), умерла не своей смертью.

Соседка тетя Люся оставила нам на хранение, или, как теперь принято говорить, «на передержку», своего кота Максика. Чем думала тетя Люся, прекрасно знающая мою маму и ее любовь к цветам и животным, я не знаю. Возможно, она рассчитывала перевоспитать Максика, который был наглым котятрой, метил все вокруг, гадил в тапки, ел только хек и говядину и измотал тетю Люсю своим поведением. Мама честно отказывалась взять Максика на воспитание, но тетя Люся не стала ее слушать. Она уехала в Крым. Ей было все равно. Она мечтала о Крыме последние пять лет, и даже любовь к Максику не могла ее остановить. Надо же было такому случиться, что спустя два дня после отъезда тети Люси, в течение которых кот пометил все мамины туфли, исцарапал обивку на кресле и воротил нос от хека, маму отправили в срочную командировку. Меня, как и Максика, на время маминых командировок тоже отправляли на «передержку» или к бабушке, или к друзьям. Или к друзьям друзей.

Мама быстро нашла для меня временное пристанище (дети вызывают большее сочувствие, чем животные), но Максика, о несносном поведении которого мама успела рассказать в подробностях всем близким и дальним знакомым, брать никто не хотел. И уж тем более кормить его хеком и говядиной.

Маме ничего не оставалось, как оставить Максика одного в квартире. Из всего живого там была только фиалка. Но фиалка привыкла к разгрузочным дням и аскетичному образу жизни, так что даже не рассчитывала на то, что ее отдадут в добрые руки.

Мама завалила кухню хеком – отварным и мороженым, набросала в тарелку колбасы и старых сосисок, налила воды в супницу, чтобы Максик не умер от обезвоживания, и уехала в командировку.

Командировка затянулась. Тетя Люся прислала телеграмму, что тоже задерживается еще на неделю. А может, и на две. Друзья друзей готовы были меня удочерить еще хоть на год. Так что все складывалось удачно. Только не для Максика и фиалки. Про них все забыли напрочь, включая законную хозяйку кота, которая даже не спросила, хорошо ли Максик

кушает хек.

Возвращаясь из командировки, мама заехала в овощной магазин – купила свеклы, капусты, морковки, лука, чтобы довезти все на такси, а не тащить потом самой. Когда она открыла дверь квартиры, то увидела промелькнувшую тень. Мама, успев бросить сумки в коридор, захлопнула дверь с другой стороны. Про Максика она не сразу вспомнила. Решила, что в квартире завелись крысы. Когда она снова осторожно приоткрыла дверь, ее догадка подтвердилась – в сумке с овощами сидело существо и жрало капусту. Мама вошла, изо всех сил пнула ногой сумку, и оттуда выскочил Максик с капустным листом в зубах.

Максик исправился. Он больше не просил свежего хека и говядины. Он соглашался на все – фрукты, овощи, макароны и котлеты. Он перестал метить территорию и вел себя как кастрированный кот – ел и спал, ел и спал. И полюбил капустные листья и морковку, только не чистую, вымытую, а грязную.

Максик ластился к вернувшейся из Крыма хозяйке, чего раньше за ним не водилось, и позволял тягать себя за хвост внуку тети Люси. За страдания ему выдавали докторскую колбасу и наливали сливки.

Мама не стала рассказывать соседке, что Максик может питаться даже фиалкой. Он объел несчастный цветок до земли. Ни листика не осталось. Мама не стала выбрасывать горшок и использовала его как раньше – в качестве пепельницы.

Но тема цветов на этом в нашей семье не исчерпалась.

В период увлечения бабушки цветоводством у нее появился поклонник. Тут я должна объяснить. То, что бабушка вышла замуж, ничего не значило. Она, как и прежде, продолжала засиживаться на работе, ездить в командировки и вести тот образ жизни, к которому привыкла.

У бабушки всегда было много почитателей ее таланта. К мужчинам она относилась как к друзьям и очень удивлялась, если они вдруг видели в ней женщину. Нет, никаких романов у нее не было. Может, поэтому ее муж спокойно относился к тому, что к бабушке приезжали мужчины всех возрастов из города, из соседних сел. Или он просто привык и смирился. Бабушке, скорее всего, и в голову не приходило, что ее мужу могут быть неприятны визиты незнакомых мужчин.

У бабушки в тот день был день рождения. Она проснулась утром, умылась, оделась, удивляясь, откуда доносится такой прекрасный запах. То ли воздух так пах, то ли соседи траву покосили – бабушка очень любила запах свежескошенной травы. Когда она вышла на летнюю кухню, там сидел ее поклонник, будем так его называть, специально приехавший из

города пораньше. На столе в красивой хрустальной вазе стояли розы. Бабушка ахнула. Розы были свежайшие, чуть ли не с каплями росы на лепестках.

– Какая красота. Никогда у меня таких роз не было! – воскликнула бабушка, будучи уверена в том, что ее поклонник купил цветы в городе и каким-то чудом их довез.

– А? Розы? Нет, я тебе вазу подарил! – удивился в свою очередь поклонник.

Бабушка уставилась на хрустальную бадью.

– А цветы откуда? Ты ведь и цветы... привез? – уточнила бабушка.

– Нет. Зачем? Не довез бы! У тебя срезал. Ты же сама говорила, что срезаешь в палисаднике цветы. Тебе нравится ваза? Я хотел в коробке вазу подарить, но коробка помялась. Некрасиво. А так – красиво.

Помимо гладиолусов бабушка ненавидела хрусталь во всех видах, который ей исправно дарили на день Победы и майские праздники «от лица сельсовета». Хрусталь пылился или в ее кабинете в редакции газеты, или использовался не по назначению. В конфетнице могли храниться нитки, в вазе для фруктов – мишура для Нового года, а одну из ваз – здоровенную бандуру размером с бочонок для засолки огурцов – бабушка использовала как пресс-папье.

Так вот, бабушка медленно встала из-за стола и пошла сначала к туалету, все еще надеясь на то, что поклонник, которого она считала умным и интеллигентным мужчиной, срезал именно «туалетные» розы. Но тот куст по-прежнему цвел. Тогда бабушка вышла в палисадник и увидела обглоданные палки на месте цветущих кустов. Она взяла секатор и вернулась к поклоннику. Он все понял без слов и поспешил удалиться. Больше его в селе не видели.

Бабушка еще долго плакала над уничтоженными кустами. Соседки предлагали ей новые клубни, Варжетхан обещала лично посадить любые цветы и заговорить их на цветение, но бабушка отказалась. Больше она не предпринимала попыток заняться садоводством. В нашем палисаднике остался цветок алоэ, не опознаваемые ни одним справочником травы знахарки и здоровенная палка гладиолуса. В углу огорода по-прежнему росла крапива, цвели редкими всполохами ромашки, и единственным напоминанием о личной трагедии стал «туалетный» розовый куст.

– Почему ты больше не захотела цветов? – спросила у бабушки ее подруга.

– От них одни неприятности, – ответила бабушка и как в воду глядела.

Возложэнэ, или Ленин живет всех живых

Поскольку я росла с бабушкой, то цветы и прочие растения тоже не очень различала и относилась к ним равнодушно. Более того, поскольку я считалась московской девочкой, о многих традициях просто не знала. А бабушка не считала нужным меня просвещать. Скандал разразился там, где не ждали – на торжественной линейке в честь приема в пионеры.

В селе подобные праздники отмечались с размахом и относились к ним со всей серьезностью. Клятву пионера учили назубок, галстуки утюжили, и для такого дня девочкам обязательно шили новый белый фартук. Почему шили? Потому что в селе все шили – и школьную форму, и фартуки. Купить можно было только в городе, но кто же будет тратить время и уж тем более деньги на форму? Форменное платье шили «на вырост», рубашки для мальчиков «удлиняли» или «укорачивали», переставляя манжеты. А пионерские галстуки и вовсе считались семейной ценностью, переходящей от старшего сына или дочери, ставших комсомольцами, к младшим братьям и сестрам. Мероприятие, как правило, было приурочено к очередному съезду партии или другой знаменательной дате. В пионеры принимали на площади около Дома культуры, где стоял памятник Ленину. Ленина тоже готовили – мыли, протирали тряпочкой и всячески полировали.

Все, естественно, собирались семьями – в пионеры отдавали, как замуж. На площади толпились родители, бабушки-дедушки, все двоюродные и троюродные родственники. Дома даже накрывали столы по случаю праздника. И все шли с гвоздиками. Никаких других цветов на приеме в пионеры не было. Откуда взялась эта традиция, никто не знал, но соблюдали ее строго.

Младшим школьникам, особо отличившимся в учебе или в художественной самодеятельности, вменялась почетная обязанность – дарить гвоздики ветеранам войны, ударникам труда и руководству села. То есть всем тем уважаемым людям, кто стоял на трибуне, повязывал галстуки и принимал клятву. Поскольку я была внучкой главного редактора главной районной газеты и у меня были настоящие, а не сшитые фартук и банты, привезенные из Москвы, я вошла в элитную группу «цветочниц».

Девочкам-«цветочницам» велели прийти заранее. Перед нами лежала здоровенная охапка гвоздик – цветы были грудой свалены на лавочке. Пионервожатая – любимица всего села, самая красивая девушка села (за

что и была назначена пионервожатой), дочка главного врача села (и за это тоже она была назначена пионервожатой), которую звали Лиана, инструктировала – взять цветы, преподнести. Если кто-то скажет речь, тоже взять цветы из кучки и преподнести. Быстро убежать. Чтобы никто не остался без цветов. Всем улыбаться.

Я немного успокоилась – ничего сложного, взять цветы из кучки, отдать, вернуться.

– А для тебя особое поручение, – остановила меня Лиана в тот момент, когда я уже собиралась сбежать за мороженым, пока не начался прием в пионеры.

– Почему для меня?

– Потому что ты внучка уважаемого человека, главного редактора газеты. Разве не понятно? Тебя избрали для самого главного и ответственного возложения.

– Кто избрал? – проямлила я, поскольку не понимала, что такое «возложение». Лиана произносила это слово как «возложэнэ», а попросить объяснить мне по-осетински я не решилась. Все взрослые говорили со мной по-русски, все подружки и одноклассники – по-осетински. И иногда я лучше понимала по-осетински.

– Я избрала! – гордо ответила Лиана.

Я хотела ей сказать, что она ошиблась с выбором, но она меня не слушала.

– Значит, так, возьмешь цветы из кучки и положишь их к памятнику Ленина. Поняла? Иди медленно и торжественно. Выходи, как только услышишь гимн. Цветы выложи с достоинством, а не просто бросай на постамент. Возложэнэ должно быть красиво. И медленно возвращайся сюда, к лавочке. Все поняла?

– Нет, – прошептала я, но Лиана уже убежала отдавать распоряжения по поводу выноса знамени.

Когда зазвучал гимн, я уже жалела о том, что являюсь внучкой уважаемого человека. Мне было страшно, и гора гвоздик плыла перед глазами. Я взяла из кучки гвоздики и пошла к памятнику. Я честно старалась идти медленно и торжественно. Цветы, как мне казалось, я положила красиво, но потом наклонилась и поправила. Медленно пошла назад. Еле доплелась до лавочки и закрыла глаза.

Очнулась я от нависшей надо мной тени. Даже двух. Надо мной стояли бабушка и Лиана. Бабушка была в парадном костюме, с рядами медалей, которые сверкали на солнце. Лиана стояла с перекошенным лицом. Кажется, у нее даже глаз дергался.

– Что ты сделала? Это же позор! – прошипела бабушка.

– Я ей все рассказала, как надо, – пискнула Лиана. Она чуть не плакала от ужаса.

– Нет, я все-таки отправлю тебя назад к матери, – продолжала шептать мне бабушка, – ты вся в нее.

Я искренне не понимала, что натворила. Шла слишком медленно? Слишком быстро? Некрасиво возложила цветы?

– Бабушка, что я сделала?

– Смотри, – прошипела бабушка и показала на Ленина.

На постаменте лежали мои гвоздики.

– Их две! Ты положила две гвоздики! – Лиана сдерживалась из последних сил. – Как ты могла Ленину две гвоздики положить? Он же живее всех живых!

Я таращила глаза, поскольку не понимала, чем обидела Ленина.

– Два цветка на похороны несут. Ленину надо было три положить или пять. Ты считать умеешь? – бабушка покраснела от гнева.

– Но он же умер... – пролепетала я, – значит, можно и две.

Бабушка охнула, Лиана прижала руки к губам, чтобы подавить крик.

В это время на трибуне для почетных гостей тоже шла жаркая дискуссия. Почетным гостям было скучно в двадцатый раз выслушивать клятву пионера, и они обратили внимание на то, что на постаменте лежат две чахлые гвоздички, причем одна – со сломанным стеблем. Это я сломала, пока несла.

– Почему две? – спросил кто-то из важных гостей из города, у которого в нашем селе жила троюродная тетка, и соответственно троюродный племянник в данный момент из последних сил держал на согнутом локте галстук, ожидая торжественной повязки.

– Не знаю, – ответил второй, – лишь бы никто не заметил. Если в газете появится, будет скандал.

Второй чиновник явно не знал, что пресса в этот момент находилась в непосредственной близости от источника сенсации и брала интервью у главной героини этой сенсации.

– Всегда три было или пять, – продолжал рассуждать первый чиновник, – может, распоряжение вышло?

– Может, и вышло, – ответил второй, – регионы иногда быстрее узнают новости, чем мы, тем более здесь.

– Почему? – не понял первый.

– Как почему? Вон Мария стоит – главный редактор местной газеты, у нее дочь живет в Москве, юристом работает, а эта девочка, которая две

гвоздики положила, ее дочь, то есть внучка главного редактора. Вот и думай сам. Что мы не знаем, что они знают.

– А что тут думать? Надо остальным сказать, что теперь по две гвоздики надо Ленину класть, а то узнают, что мы до сих пор по три кладем, – скандала не оберешься.

– Да, я тоже думаю, что это неспроста. Но почему нас в известность не поставили?

– Значит, кто-то недоработал. Надо узнать кто. И уволить, пока не поздно. Если спросят, мы отчитаемся, что виновные понесли заслуженное наказание.

Что было дальше, я не знаю, честно. То есть на республиканском уровне. А на местном уровне бабушка бегала за мной с крапивой по всему огороду и обещала отправить к матери первым же поездом. Лиана быстро приняла предложение выйти замуж за бывшего одноклассника, которого еще до этой торжественной линейки считала недостойным своей руки. Уже через месяц она ходила беременная. Поскольку замужняя женщина, тем более беременная, не могла быть пионервожатой, Лиана с радостью уволилась из школы и погрузилась в домашний быт. Как ни странно, ее скоропалительный брак оказался счастливым.

Бабушка с тех пор шарахалась не только от букетов гладиолусов, но и от гвоздик.

Зато полюбила маки. Тогда выращивание маков не считалось уголовно наказуемым преступлением, и я прекрасно помню, как обрывала головки дикорастущих маков в поле. Помню вязкую жидкость, похожую на молоко. И запах, от которого кружилась голова. Бабушка бросила копать картошку и засадила грядки маками. За маковыми семечками для пирога к ней приходили все соседки.

Пять свадеб

Главными светскими событиями в нашем селе были свадьбы и похороны. На них съезжались родственники, близкие и дальние, из других сел и городов. Приглашались и все жители села, автоматически считавшиеся родней по месту жительства. На свадьбах молодые люди присматривали себе пару, девушки старались показать себя в лучшем ракурсе и продемонстрировать умение танцевать, так что к следующим за свадьбой похоронам родители потенциальных жениха и невесты готовились особенно тщательно – на поминках можно было договориться о приданом. Незамужняя девушка свадьбу даже четвероюродной племянницы ни за что бы не пропустила. Ее мать, а также бабушка, прабабушка, двоюродная бабушка, тетя по отцу, тетя по матери и прочие золовки и снохи, ни за что не пропустили бы похороны, к которым полагалось шить отдельное платье. Где, как не на похоронах, можно обсудить счастье «девочки» и разузнать, кто из достойных молодых людей ищет себе невесту. То есть свадьбы и похороны становились не столько поводом для радости или горя, сколько деловой встречей, на которой стояла задача найти партнера, обсудить финансы, детали договора и масштабы выплат в случае его расторжения. В переводе на сельский язык такие массовые сборища были лучшим способом показать дочь, обсудить, сколько баранов она может принести в семью, поторговаться насчет телевизора – черно-белого или даже цветного в качестве выкупа, возможно, попросить еще ковер или пианино. Никто не шел на свадьбу как на свадьбу. Никто не шел на похороны как на похороны. Это был бизнес, ничего личного.

Опять же, согласно традициям, на свадьбах и похоронах было принято оставлять деньги в конвертах на специальных подносах, которые стояли на видном месте. Поскольку оба «мероприятия» длились как минимум три дня, эти деньги покрывали стоимость проведения действия. Все гости старались приехать в первый день, чтобы оставить конверт – родственники из этих конвертов, как правило, оплачивали церемонию зарезания бычка и баранов, услуги плакальщиц. Эти же деньги шли на музыкальное сопровождение, услуги тамады и прочее. Лучшей свадьбой считалась та, в которой родственники «вышли в плюс» – то есть не только оплатили праздник, но еще и молодым осталось...

На свадьбах, как и на похоронах, требовалось неукоснительно

соблюдать все традиции – и национальные, и советские. Невеста, потупив глаза в пол, должна была стоять в углу дальней комнаты, а покойник – лежать в гробу в центральной комнате дома на самом большом столе. К невесте подходили женщины, поднимали фату и плевали ей в лицо – от сглаза. К покойнику тоже подходили, кидались на гроб, плакали, рвали волосы и иными способами выражали горе. Если усопший был важным человеком в селе, то к нему приводили пионеров, комсомольцев, организовывали заход и выход, по времени, чтобы люди не толпились в комнате. Пионеры проходили, отдавали пионерский салют, комсомольцы прикладывали руку к значку на груди. Октябрята, по счастью, были избавлены от такой повинности. Поскольку похороны, как и свадьбы, в селе случались регулярно, то пионеры проходили мимо гроба организованной цепочкой, быстро салютовали и выходили, чтобы не задерживать движение. Как на параде.

Гроб стоял в комнате три дня, и ближайшие родственники должны были скорбеть днем и ночью, сидя рядом.

Покойника торжественно выносили на руках и на руках же несли до кладбища. Уже там заколачивали крышку, давая возможность родным и близким проститься еще раз. Вдовы, согласно традиции, непременно в последний момент перед заколачиванием кидались на грудь покойного и умоляли похоронить себя вместе с усопшим супругом. Специально для того, чтобы отрывать женщин от гроба, на изготовку стояли двое мужчин из числа родственников.

Многие вдовы совершенно не собирались хоронить себя заживо. Уже на поминках они имели право со светским видом обсуждать планы «Залины, дочки Аслана» на брак с «Аликом, сыном Батраза». Залина и Алик в это время смотрели друг на друга из разных концов двора. Тут же, на поминках, выяснялось, что Алан сделал предложение Фатиме и свадьба будет через два месяца. Из чего следовало, что женщинам срочно нужно новое платье.

Если девушка была красивой, то сумма выкупа за нее существенно снижалась, если была умной, то повышалась: умная невестка – горе свекрови. Если девушка умела танцевать или играть на осетинской гармошке, то торг считался уместным. Если же потенциальная невеста происходила из богатой семьи или уважаемого, пусть даже и не очень богатого рода, была хороша собой, умела танцевать и играть на гармошке, училась в институте, то уже она сама решала – за кого ей выходить замуж. И тогда на чужой свадьбе потенциальный жених должен был ее «завоевать» – устроить показательный танец или сделать что-нибудь

выдающееся. Если же девушка была из бедной семьи, но при этом слыла покорной, вежливой, да еще и красавицей, то уже она должна была «показать» себя. Так станцевать, поднести угощение, чтобы юноша из уважаемого рода обратил на нее внимание.

Девушки, оказавшиеся невостребованными, не расслаблялись. Они могли претендовать на внимание вдовцов, пожилых мужчин (которым было едва за тридцать) и прочий залежавшийся товар. Впрочем, когда Феруза, считавшаяся старой девой в свои двадцать четыре года, вышла замуж за сорокалетнего вдовца Артура, очень богатого и уважаемого человека, и зажила так, как никто и мечтать не смел, многие девушки стали ей завидовать. И никакие материнские угрозы не заставили их «одуматься». Было одно такое лето, когда девушки хотели выйти замуж только за богатого вдовца. И соглашались временно оставаться старыми девами ради такого замужества. Артур с Ферузы пылинки сдувал, а когда она родила ему сына, так такой гарнитур подарил, что все село и весь город об этом гарнитуре говорили – серьги с бриллиантами и кольцо.

Свадьбы игрались регулярно, с разным размахом. Но никому и никогда не удавалось позвать на свадьбу больше гостей, чем собиралось у дяди Салама. Он был счастливым отцом пятерых дочерей. Его жена тетя Римма очень старалась родить мальчика, но так и не смогла. Зато девочек рожала исправно, с разницей в год-полтора. Все девочки считались красавицами. И у каждой был талант – одна пела, другая танцевала, третья играла на осетинской гармошке. Или нет, третья шила и вышивала, а четвертая танцевала. Пятая умела делать все одинаково хорошо. Дядя Салам еще переживал до третьей дочери, а потом смирился. Он жил в раю – о нем заботились все дочери. Все были одинаково ласковы и послушны. Свою жену дядя Салам любил больше собственной жизни. Поэтому, когда у нее случался «приступ», как считали все в селе, он только пожимал плечами. «Приступ» заключался в том, что имена дочерям тетя Римма выбирала сама, наплевав на мнение родственников. Она даже пошла против традиций и ни одну из дочерей не назвала в честь бабушек-прабабушек. И все девочки носили имена на букву «з». Заира была старшей. Потом Залина, Зарина, Зарема и Земфира.

Девочки подросли и стали выходить замуж так же, как рождались – с разницей в год-полтора. Все родственники знали, что в мае-июне будет свадьба. Женщины думали о новом наряде – нельзя же появиться на свадьбе в том же платье, в котором была в прошлом году. Свадьбы у дяди Салама стали традиционным светским мероприятием. И когда младшая Земфира пропустила срок – она вышла замуж на два года позже, чем ее

сестра, все родственники очень нервничали. Как так? Платья куплены, подарки тоже, все дела отложены, что думает себе эта девочка? Почему замуж не выходит? Все женщины подходили к тете Римме и спрашивали, когда Земфира выйдет замуж?

– Когда захочет, тогда и выйдет, – отвечала Римма.

– Не надо когда захочет! Пусть скорее выйдет! – умолял кто-нибудь из соседок. – У снохи сестра не замужем. Она так на эту свадьбу рассчитывала! Если Земфира о себе не думает, пусть о сестре моей снохи подумает!

– Племянник из города в отпуск приезжает, – просила другая соседка, – такой мальчик хороший. Надо его женить. Что Земфира себе думает? Мальчик отпуск специально под ее свадьбу взял.

У Земфиры был поклонник, готовый жениться еще вчера. Но она оказалась гордой и хотела проверить чувства жениха.

– Слушай, меня уже все замучили, – просила тетя Римма свою младшую строптивую дочь, – зачем их ждать заставляешь? Давай уже свадьба будет. И я хоть вздохну свободно. Соседки говорят, что твой Казик еще и передумает – другую невесту себе найдет, поговорчивее.

Это была ошибка. Гордая Земфира отложила свадьбу еще на полгода. И вышла замуж не как сестры – весной, а осенью. На той долгожданной свадьбе все веселились так, что вслед за этим сразу четыре сыграли.

Дочки дяди Салама во многом пошли в свою мать. Их замужества тоже можно было считать «приступами». Старшая Заира вышла замуж за русского из Москвы, Залина нашла свое счастье с армянином, Зарина вышла замуж за осетина, но городского, а Зарема вообще за еврея. Дядю Салама, как и тетю Римму, уже ничем нельзя было удивить. Так что младшей и любимой Земфире, можно сказать, повезло. Она могла выйти замуж за инопланетянина, и ей бы никто слова не сказал. Даже бровью бы не повели, а стали бы расставлять столы, стулья и резать баранов. Но Земфира вышла замуж за местного – Казика, который еще в первом классе был в нее влюблен. Все дочери разъехались, а Земфира в селе осталась.

Подготовка к свадьбе с каждым разом занимала меньше времени – все было отлажено, как часы. Тетя Римма могла вести мастер-классы – как рассадить гостей, что приготовить, сколько нужно араки и пива, сколько вина. На чем сэкономить и как все это пережить. Если на первых двух свадьбах тетя Римма еще нервничала, то на третьей вошла во вкус и вела себя как профессиональная теща. Слезы умиления – и те были тщательно спланированы до минуты.

Что самое удивительное? Именно на свадьбах дочерей дяди Салама

было весело. Как бы это объяснить... Не на всех свадьбах, как, впрочем, и на других мероприятиях, бывает весело. Да, надо сходить, отметить, выказать уважение. Но никакого удовольствия, сплошное напряжение – кто как посмотрит, кто что скажет, кто какую давнюю сплетню вспомнит. А если женщина, например, похудела или поправилась, то шушуканья за спиной не оберешься. И каждая из соседок выдвинет свою версию, почему это произошло. Самое удивительное, что и худобу, и прибавку в весе объясняли исключительно нервами. А главной причиной нервов считалась неверность мужа, пусть даже призрачная, ничем не подтвержденная.

– Ох, неужели даже у Анжелы муж на сторону посмотрел? Бедная. Лица на ней не осталось. И так-то была не красавица, а сейчас смотреть страшно...

То, что Анжела меньше полугода назад родила двойню и чуть сама на тот свет не отправилась, в расчет не принималось. То, что ее муж мог смотреть исключительно на новорожденных сыновей-близнецов (редкий и удивительный случай в селе) и даже дышать боялся над двумя колыбельками, тоже не считалось.

– Ох, вы видели, как поправилась Фатима? Всегда костлявая была, даже после рождения детей, а сейчас – толще сестры стала. А сестра ее всегда такая толстая была, как она замуж вышла? Платье, поди, еле натянула. Неужели Батраз на сторону посмотрел? – переключались соседки на другой повод.

– Ей же уже пятьдесят. Имеет право поправиться, – робко возражал кто-то из женщин.

– Нет, это точно Батраз виноват.

– Да Батраз ее любит, как никто не любит! Такие серьги ей на юбилей подарил! Там бриллианты размером с грецкий орех!

– Откуда у него деньги? Наверняка подделка. А раз подарил, значит, точно на сторону посмотрел.

– Бриллианты настоящие – моя племянница в том магазине работает, где он серьги покупал. Она сказала – точно не подделка!

– Прямо с грецкий орех?

– Ну меньше! Какая разница?

– Это вообще не Фатима! Это ее толстая сестра!

– Ох, да, они так похожи стали, одно лицо!

Так что к свадьбам женщины старались быть в форме.

А вот у дяди Салама всегда было весело до одури. И легко. Поэтому на свадьбы съезжалось столько гостей. Повеселиться. То ли двор дяди Салама был «веселым», то ли тетя Римма – смешливая, добрая, яркая, искренняя –

умела все замечательно устроить, но к ним ехали те, кто вообще никем никому не приходился ни по одной из линий родства.

К тому же пошел слух, что у дяди Салама – «хороший дом». Девушки, которые познакомились с парнями на свадьбах дочерей дяди Салама, непременно выходили замуж в ближайшее время, и все как одна удачно. Так что на торжество съезжались все незамужние девушки из всех ближайших сел. Потенциальные женихи приезжали аж из города. Тетя Римма, став профессиональным организатором свадеб, умела рассадить за столом так, что все оставались довольны. Она умела так свести женщин, что им находилось о чем посплетничать. И так поставить на стол кувшин с аракой, что мужчинам тоже было о чем поговорить. Совершенно случайно будущие родственники, сваты, оказывались рядом за столом и успевали пустить слезу умиления, глядя на танцующих молодых.

– Какая красивая пара, – восхищалась Римма и делала это так искренне, что все соглашались – да, очень красивая пара. Странно, что раньше детей не познакомили, ведь столько было возможностей. Как не разглядели пару?

Когда-то Римма организовала самую первую свадьбу, «как все» – старшая дочь Заира стояла в углу, женщины сидели отдельно, тамада вел свадьбу, шли нескончаемым потоком тосты. Родственники со стороны жениха, которые приехали из самой столицы, сидели в легком ступоре.

– Все, не хочу так больше! – объявила Римма и уже следующая на выданье дочь Залина выходила замуж «весело». Римма разрешила танцевать кто как хочет и когда хочет, а не как «положено». Идею танцев до упаду местные поначалу восприняли настороженно – женщины уже поглубже вдохнули, чтобы высказать неодобрение, но развлечение всем понравилось.

Уже на второй свадьбе танцевать вышла дважды вдова Венера, мечтавшая выйти замуж в третий раз.

– Венера, поимей совесть! – кричал ей тамада Давид, пришедшийся Венере племянником по первому покойному мужу. Они были ровесники, даже в одном классе в школе учились. Давид так и не смог перестроиться, когда «Венерка» вышла замуж за его дядю, скончавшегося спустя три года после счастливой свадьбы и счастливого, пусть и недолгого, брака.

– Ты и так счастливая женщина! – надрывался Давид. – У тебя было целых два мужа, зачем тебе третий? Дай другим возможность стать счастливыми хотя бы один раз!

– Давидик, я так давно не танцевала! Ты не разрешал! Почему только молодые танцуют? – умоляла его Венера. – Так хочу замуж, что за тебя бы

вышла!

– Венера, уйди. Вдовы, тем более такие, как ты, не танцуют с молодыми парнями. Нужны молодые девушки. Невинные.

– Давидик! Я такая невинная, что ты даже представить себе не можешь! Мои мужья так быстро умирали, что я даже не успевала понять, что замужем. Можно я буду танцевать с молодыми?

– Хорошо, оставайся. Но запомни, я не буду вести твою третью свадьбу, даже не проси. Вот прямо сейчас перед всеми отказываюсь. Я и вторую твою свадьбу не хотел вести! Как я переживал тогда! Как я теперь переживаю! Если ты выйдешь замуж в третий раз и твой муж опять умрет – что скажут про меня? Что у меня плохой глаз?

– Давидик, угомонись, при чем тут твой глаз? Ты дальше своего носа вообще ничего не видишь! А если бы видел, то сам бы на мне женился!

– Как я могу жениться на женщине, у которой вел свадьбы? Что ты говоришь?

– Давидик, ты же был в меня влюблен в школе. Разве забыл? – залиvisto хохотала Венера.

– Не позорь меня, я работаю, между прочим, а ты мне мешаешь. Мой бедный дядя был таким дураком, что на тебе женился. Бедный Тамик был таким дураком, что на тебе женился. Ты хочешь, чтобы я тоже был дураком и быстро умер?

– Очень хочу, Давидик. Пойдем, потанцуем.

– Бабушка Иза! Вы-то куда встали? Уйдите! Вам зачем замуж? – переключался Давид.

– Мне тоже с молодыми танцевать нравится. Вечно вы меня сидеть заставляете или старика какого-нибудь подсовываете. Может, я замуж хочу, – хихикала полуслепая и полуходячая бабушка Иза.

– Бабушка Иза, разве мы вам в прошлом году плохо юбилей отметили? Так хорошо отметили ваши восемьдесят пять лет, что даже в газете про это написали. Сядьте спокойно. Вам нельзя сердце нервничать и нагрузку делать! Давайте мы будем отмечать ваши юбилеи. Зачем вам свадьба?

– Давидик, зачем ты бабушку расстраиваешь? – возмущалась бабушка Иза. – Тебе что, жалко, если я немного кости разомну? Разве можно так со старшими разговаривать?

– Бабушка Иза, я вас очень уважаю. Так уважаю, что боюсь за ваши кости!

– Давидик, хватит языком чесать, лучше сам уже женись! – припечатывала тамаду бабушка Иза.

– А вот это правильно! – радовалась Венера. – На мне женись,

Давидик! На мне!

– Бабушка Иза, а что скажет уважаемый дедушка Габо? – Бедный Давид подскакивал к бабушке Изе и пытался усадить ее на скамью. – Он хоть в курсе, что вы собираетесь тут... разве вы можете танцевать лезгинку? Бабушка, уйдите, пока у меня инфаркта не было! Вам все равно, а у меня репутация! Что скажут люди? Что тамада довел бабушку Изу до лезгинки и у нее приступ случился?

– Какой ты, Давидик, жадный. Весь в своего дедушку пошел. Тот тоже был жадный, – бабушка Иза вышла из круга, – а твой дедушка мог на мне жениться, если бы не был таким дураком!

Тамада обводил взглядом собравшихся женщин и снова принимался кричать:

– Детей уведите! Дети пусть отдельно танцуют!

– Давидик, ты уже бабушку Изу обидел, зачем теперь детей обижаешь? Пусть танцуют, где хотят.

– Нельзя. Вы забыли про традиции?

– Ну брось им что-нибудь, иначе они не уйдут, – советовала тетя Римма.

Давидик бросал в толпу мелкие монетки и конфеты – дети подбирали мелочь, сладости и убегали.

Римма, понаблюдав за гостями, ввела новшества. И на следующей свадьбе уже пели певцы, весь вечер играли музыканты, тосты сократились до неприличного минимума. Тамада страдал.

– Как вести ваши свадьбы, я не знаю! – кричал он.

– Ты хочешь выпить? – уточняла Римма.

– Очень хочу.

– Ты же знаешь, что, пока говорят тост, пить нельзя?

– Знаю.

– Сделай так, дорогой, чтобы ты мог выпить!

Давид пресекал затянувшиеся тосты и вел свадьбу так, что все успевали выпить и потанцевать. Римма пошла дальше и придумала, что нужно пригласить профессиональных танцоров, которые затеряются среди гостей, но в нужный момент выйдут и привлекут остальных к танцам. Идея сработала. Никто и не заподозрил в танцорах профессионалов. Но они создали атмосферу: танцевать вышла и Венера с потенциальным женихом – вдовцом из города, и бабушка Иза вместе с дедушкой Габо. Они танцевали, молодые танцоры были на подхвате. Им все так хлопали, как никому никогда не хлопали. Залина не стояла в углу, а танцевала вместе с мужем. Когда женщины набрали побольше воздуха в легкие, чтобы выразить

возмущение – невеста была в европейской фате, лицо открыто, да еще и сидела рядом с мужем за общим столом, Римма кивнула музыкантам.

Залина с мужем вышли в круг и так танцевали, что самые строгие женщины – поборницы традиций расчувствовались и расплакались. Тетя Римма была первой, кто придумал традиционный «свадебный танец», без которого спустя сорок лет не обходится ни одна свадьба.

На третьей свадьбе Римма пошла еще дальше и предложила Саламу станцевать с дочерью. Тогда рыдали все. Это было настолько трогательно, что никто не посмел и слова поперек сказать. Римма плакала, когда смотрела на мужа и дочь.

Церемония похорон тоже была «принятой» раз и навсегда. Подготовка к поминкам мало отличалась от свадебной – резали бычка и барашков, пекли пироги, сладости, делали закуски, резали овощи, выкладывали зелень. Но если женщинам еще позволялся хоть какой-то выбор спутника жизни – всегда можно было договориться с возлюбленным, чтобы тебя «украли» по традициям, и тогда родным деваться было некуда, то покойникам выбора не оставляли. Три дня в родном доме, похороны на местном кладбище, памятник, посадка растений... Ни о каких кремациях, принятых в городе, в селе тогда и не слышали. Как можно сжечь человека? И что делать с пеплом? Кому тогда носить цветы на кладбище? И кому ставить памятник? И, главное, если нет тела, то кому сдавать деньги? Покойника вроде как и не существует.

Для оповещения и приглашения на торжества – поминки, свадьбы, крестины, юбилеи – нанимались мальчишки, которые за мелкое вознаграждение обходили все дворы, стучали палкой в ворота и сообщали, где состоится «мероприятие». Нам, детям, было все равно, куда бежать – везде кормили конфетами, вареной кукурузой с крупной солью, сладким хворостом и прочими вкусностями. Дети относились к свадьбам и похоронам с одинаковым энтузиазмом. На свадьбе можно было еще и монеток насобирать, которыми невесту обсыпали. Или станцевать так, что тебе под ноги денежку бросят, но это для старших девушек. Нам только мелочь доставалась. На похоронах же можно было разжиться едой про запас. Наестся так, что дышать не можешь, что с нами случалось редко. Мы бегали вечно полуголодные, а запасы делили на всю компанию – устраивали вечерний костер, шли в поход, бегали на речку и делились добытым провиантом на всех.

У нас даже был спор – кто соберет больше денег на свадьбе. Я танцевала в народном ансамбле, однако боялась выходить в круг. Но как раз

на свадьбе младшей дочери дяди Салама я стала «чемпионом» – собрала больше всех денег. Начиналось все как обычно – тетя Римма сделала знак Давиду, и тот объявил «танцы». Земфира вышла танцевать с мужем, но вдруг появился мужчина, который оттеснил Казика и занял его место. Мужчина был облачен в традиционный мужской костюм. На ногах – специальные сапоги.

Если в русском балете на пальцах танцуют женские партии, то в осетинском народном танце на пальцы, точнее, на плюсну становятся мужчины. Это не просто тяжело, а дико тяжело. Выстоять хотя бы две минуты на плюсне – невозможно больно. Пройти в круге – немыслимо. Специальные сапоги, накладки в сапогах не спасают от боли. Поэтому все танцоры-мужчины считаются чуть ли не гениями. Их больные, изуродованные ноги дарят зрителям возможность увидеть чудо. В центр двора вышел мужчина, который умел танцевать на плюснах. Как бы это объяснить? Нужно встать так, чтобы подвернуть все пальцы внутрь. И идти на этих пальцах. Долго. Поворачиваться, прыгать и снова вставать на согнутые к стопе пальцы.

Мужчина отстранил Казика – тот и сам быстро ретировался. Потом профессиональный танцор вытащил из толпы меня и заставил танцевать. Да, у меня были высокие полупальцы (женщины встают в танце на полупальцы, и чем они выше, тем лучше), но считались плохими руки – локти я вечно держала напряженными и не могла ими изобразить крыло птицы. Но тот мужчина, который повел меня в танце, что-то сделал, и мои руки стали крыльями, я опустила плечи и поплыла по кругу. Гости стали так аплодировать, как будто мы исполнили опасный цирковой трюк. Я увидела, как мне под ноги бросают не монетки, а купюры. Танцор вел меня, девчушку, в танце, и я вспомнила все движения – отходила, кружилась на месте. Музыканты продолжали играть. Сил у меня уже не осталось. Но я продолжала идти. Вдруг мужчина позволил мне застыть на месте и хлопать в ладоши – так начиналась мужская сольная партия. Партнерша отходит и хлопает, едва обозначая жест, а мужчина или делает прыжки, или сложные пируэты. Так вот, мой партнер крутился на месте и приземлялся на колени, потом вскакивал и снова делал пируэт, приземляясь на колени. И снова, и снова. Это было похоже на фуэте, которое делает балерина. В самом конце, приземлившись в последний раз на колени, мужчина сорвал с себя папаху. Все гости застыли. Музыканты оборвались на полупhrase. Вся свадьба замерла, тишина стояла гробовая. Танцором оказалась моя мама. Тетя Римма начала аплодировать первой. И все остальные гости устроили нам с мамой овацию. Нам набросали столько

денег, что у меня не хватало рук, чтобы их собрать.

Потом я сидела за детским столом – на праздниках для детей всегда накрывался отдельный стол – и подсчитывала заработанное.

Еще позже, случайно, я заметила, как за женским столом плачет бабушка.

– Бабуль, ты чего? – спросила я.

– Ничего. Твоя мать... я ничего о ней не знаю... даже не подозревала, что она умеет...

Мама тем временем развлекала гостей со стороны жениха. Тетя Римма специально вызвала ее на эту свадьбу. И сюрприз подготовила. Римма, которая училась с моей мамой в одной школе несколькими классами старше и танцевала с ней в одном ансамбле, прекрасно знала, что мама никогда не станцует женскую партию, потому что занималась с мальчиками, и мало кто из мальчиков умел танцевать так, как она. Римма хотела сделать моей бабушке приятное. Но бабушка проплакала всю свадьбу. Мама подошла ко мне и отдала свою папаху, в которой были деньги. Много денег.

– Это твое, – подмигнула мне она.

Я тогда тоже готова была заплакать. Я не хотела знать, что мама умеет танцевать так, как никто из молодых мужчин. Я хотела, чтобы моя мама была как тетя Римма – шла по кругу и красиво поводила руками. Или хотя бы как Венера – она танцевала суетливо, дергано, но так, как положено женщине. Знала рисунок танца и не пыталась превзойти своим умением мужчину.

Я села рядом с бабушкой и насупилась.

– Ну что опять не так? – спросила мама, одетая в приличное платье, которое мы на ней раньше никогда не видели. Видимо, тетя Римма постаралась.

– Шут гороховый, а не дочь! Почему ты осталась? – вскрикнула бабушка и ушла со свадьбы. Я поплелась следом, крепко прижимая к груди мамину папаху с деньгами.

Бабушка родила четверых детей. Все умерли в разном возрасте, по разным причинам. Осталась одна мама. Бабушка любила всех своих детей. Но мама вообще не должна была появиться на свет – бабушка ее не хотела, не ждала. И каждый раз бабушка спрашивала: «Почему ты осталась? Почему ты из всех?»

Больше никогда я не видела, как танцует моя мама...

Иногда случались такие свадьбы, что все село с ума сходило. Невеста в дорогом платье, с настоящим серебряным поясом. Еды городской,

необычной, редкой, дорогой – завались. Кавалькада машин, которые проезжали по селу и гудели. Машины в лентах, на капоте – кукла-невеста. Эти куклы потом хранились на чердаках, страшные, пыльные, грязные, со всклокоченными волосами. На каждом чердаке можно было обнаружить кладбище мертвых кукол из фильмов ужасов. Моя подружка Фатимка как-то завела меня на чердак в их доме – она играла с куклами, украшавшими машины многочисленных теток. Я тогда чуть сознание не потеряла от страха – на меня смотрели эти куклы в платьях невест, с выпученными глазами, отклеенными ресницами, дырами вместо щек, с залысинами и застывшим ужасом в стеклянных глазницах.

...И одни похороны

Похороны тоже бывали роскошными. Особенно если умирал уважаемый человек.

Так было и тогда. Умер бабушкин однополчанин, ближайший друг, ветеран войны, герой – Тимур Робертович. Умер в собственной постели, в окружении детей, внуков и правнуков.

– Похороны надо делать, – вздохнула Алина, вдова, едва Тимур Робертович испустил дух, – а денег нет. Откуда взять?

– Принесут, не волнуйся. В первый день принесут, расплатишься за остальные дни, – сказала бабушка.

– Может, как-нибудь скромно? В кругу семьи? Только близкие? – без всякой надежды спросила вдова. – Я не выдержу. Зачем он умер? Он же знал, что я ненавижу ходить на похороны! – Алина заплакала, хотя до этого держалась.

– Придется. На похороны из города приедут, – напомнила бабушка.

– Тогда надо у Альбины в кафе еду заказывать... откуда деньги брать? Зачем он умер? Зачем?

Бабушка смотрела на Тимура. Они подружились еще в госпитале. Тимур служил танкистом – контузия, тяжелое ранение. Чудо, что он вообще дожил до правнуков. Ему давали от силы недели две. Но он выжил, вернулся в село. Только бабушка знала, что он не слышит правым ухом. Она, после контузии, не слышала левым. И они всегда за столом или на лавочке садились так, чтобы бабушка могла слышать правым, а Тимур – левым.

– Место на кладбище нужно хорошее. На нашем, старом, ведь уже не хоронят? А он здесь хотел. Венки надо заказать – от детей, внуков. И гроб. Надо ведь гроб дорогой... – Алина говорила сама с собой. – Ну что ему не жилось? Разве плохо было? Правнуку всего месяц. Нашел время умирать. В другой день не мог умереть? Через год или два. Все деньги на младшего сына ушли – он в институт уехал учиться. Ты же знаешь. А как мальчику в городе без денег? Он мне говорил – еще пару лет потерпеть, и тогда для себя проживем. А сейчас мне для кого жить? Мария, ты ведь поможешь с кладбищем? Если он здесь хотел, а дадут не здесь, то что делать?

Бабушка обняла Алину. Она была младше Тимура на тринадцать лет, но оказалась настолько мудрой, что они хорошо жили.

– Иди поспи или хотя бы полежи, – сказала бабушка. – Хочешь,

Варжетхан тебе травы принесет?

– Как я могу спать, если он здесь, в этой комнате? Зачем так мучить родственников? Зачем я должна его видеть мертвым? Его можно куда-нибудь отвезти? Он для меня не умер. Зачем я должна помнить, какой он мертвый? Я хочу запомнить, какой он был, когда мне предложение делал.

Место на старом кладбище, где хоронили только очень уважаемых людей – для простых почивших оно было закрыто, – выделил, естественно, сельсовет. Бабушка договорилась. Сельсовет же выписал вдове и материальную помощь, которой на пышное прощание все равно не хватало. Люди, как и предполагала бабушка, стали приходить в первый день и оставляли деньги на подносе, который стоял в комнате. В первый день скопилась сумма, которой хватило и на гроб, и на поминки. Варжетхан все-таки принесла Алине отвары и заставила выпить. Вдова сидела у гроба мужа, согласно традиции, но плохо понимала, что происходит вокруг.хлопоты взяли на себя соседки, старшие сыновья, невестки и моя бабушка, которая встречала гостей из города. Ради этих гостей пришлось нанимать и плакальщиц, которые должны были читать молитвы, петь и провожать усопшего в последний путь до кладбища. Алина вздрогнула, когда одна из плакальщиц начала петь, устроившись в комнате для женщин.

– Не надо. Пусть замолчит! – вскрикнула Алина, и Варжетхан пришлось влить в нее еще одну порцию отвара. Вдова провалилась в спасительное забытие.

Сыновья Тимура договаривались про баранов – сколько нужно зарезать, сколько столов поставить. Невестки и соседки хлопотали на кухне. Гости прибывали и прибывали. Конверты на подносе тоже появлялись, так что смогли заказать и венки, и машину, чтобы не нести гроб на руках. Бабушка сбилась с ног – со всех городов приезжали однополчане Тимура, друзья по госпиталю, которых полагалось встретить, где-то устроить – гостиниц в селе, конечно, не было.

Все шло согласно традициям. Алина сидела у гроба, благодаря травам Варжетхан. Гости сидели за столами, ели, пили, поминали, баранов вроде бы на всех хватало.

Уже совсем поздно, ночью, к нам в дом ворвалась Варжетхан. Бабушка только успела прилечь.

– Пойдем, там Алина кричит. – Варжетхан держала чемодан, в котором носила свои снадобья и отвары на экстренные случаи.

– Я ушла от нее два часа назад. Что могло случиться? Я хочу спать, – ответила бабушка.

– Пойдем. Ее сын Алан ко мне прибежал.

В этот же момент в дом влетел Алан.

– Мама кричит, – сказал он бабушке.

Алина, очнувшись от полусна – видимо, действие отвара закончилось, принялась разбирать документы Тимура. Хотела найти фотографию для памятника. И наткнулась на папку, в которой лежал один-единственный листок. Можно сказать, завещание. Тимур писал, что младшего сына надо непременно доучить в институте – пусть получит образование. Старший сын может забрать мотоцикл. Средний сын пусть закончит ремонт крыши на гараже – закажет еще шифер.

Отдельной строкой шла приписка: «Для Марии». Поскольку Мария в селе была одна – моя бабушка, то стало понятно, кому адресована последняя воля. Когда Алина прочла эту волю, то начала кричать. Сыновья и невестки пробовали узнать, почему она кричит и что такого ужасного написал отец в завещании, но Алина прижала листок к груди и никому не показывала.

Когда прибежали бабушка и Варжетхан, Алина передала им завещание с последней волей покойного. И там обнаружилось страшное, страшнее ничего не могло быть. Тимур завещал себя кремировать. И развеять свой пепел над Тереком, в том месте, где купался, когда был маленьким. С обрыва, на который любил приходить. На том самом месте, где назначал свидания Алине.

– Что такое развеять? Это как? – спросила Алина у бабушки. – И где я должна его сжечь? Что он написал? Переведи!

В тот вечер бабушка в первый и последний раз перешла на осетинский, который прекрасно знала, но не использовала в разговорной речи. С Алиной она говорила на ее родном языке. То, что бабушка заговорила по-осетински, отрезвило Алину, и даже Варжетхан выпучила глаза.

– Кремировать – это значит сжечь, – ласково и подбирая слова, объясняла бабушка, представив себе масштабы бедствия. – Ты получишь пепел. Его и надо развеять. Ты ведь понимаешь, что такое пепел? Есть такая традиция. Во многих странах. Пепел тоже можно захоронить. Или даже оставить в доме. Или развеять, как пожелал Тимур. Ты понимаешь, что такое развеять?

Алина кивнула.

– Пепел хранится в специальной урне. Так это называется. Его мало. Ты понимаешь?

Вдова опять кивнула.

– Проблема в другом, – продолжала бабушка, – деньги на похороны

уже получены и потрачены. Место для захоронения готово. Людей собралось больше ста человек, и еще не все приехали, – и мысленно продолжила: «И что теперь делать с главной традицией – когда на кладбище, перед тем, как забьют гроб, все родные должны непременно броситься на покойника, залить его слезами? Люди выкладывают цветы внутрь гроба, подходят, прощаются...»

– Что теперь делать? – спросила Алина у бабушки и Варжетхан. – Они же все захотят забрать деньги. А мы их уже потратили.

Алина в своем полубомбочном состоянии смогла осознать и главную проблему. Если люди не увидят усопшего, они захотят забрать деньги. На какую-то урну с прахом никто и не стал бы их давать. А если деньги уже потрачены, то как отдавать? Традиции не соблюдены.

– Давай не будем кремировать, – предложила Варжетхан, – ему уже все равно. Тебе решать, как лучше сделать.

– Нет, если он хотел, чтобы его сожгли, значит, так и надо сделать, – сказала Алина. – Но почему он мне говорил, что ему нравилось наше кладбище? Он меня обманывал? Зачем он захотел себя сжечь?

– Он горел в танке. И выжил. Наверное, он думал, что должен умереть от огня. Раз тогда не погиб, то сейчас... – сказала бабушка.

– Нет! – воскликнула Алина. – Он просто не хотел, чтобы я страдала. Чтобы не было этих венков, плакальщиц, столов и людей. Он хотел, чтобы мне было легче!

– Может, и так, – ответила Варжетхан, – что мы будем делать? Кремируют только в городе. А похороны уже послезавтра.

– Надо кремировать, раз он так захотел, – решила Алина. – Если бы он был жив, я бы ему все сказала, что я думаю.

– Ты уверена? Не хочешь подумать до утра? Или с сыновьями поговорить? – спросила Варжетхан.

– Если Тимур так хотел, я сделаю. Как я могу не исполнить его волю?

– Ладно, попробую позвонить знакомому в город. Он мне не откажет. Но надо везти сейчас. Ночью. Чтобы никто не узнал. – Бабушка тут же принялась действовать. – Алина, ты точно решила? Не передумаешь?

– Зачем он умер? Зачем не подождал еще несколько лет? Разве ему плохо жилось? Разве я о нем не заботилась? Почему он меня оставил? – вновь заплакала Алина.

– А кого мы хоронить будем? Кого людям показывать? – вернула их к реальности Варжетхан.

– Я не знаю, – залилась слезами Алина.

– Да какие проблемы? – В комнату вошел младший сын-студент,

вызванный срочной телеграммой. – Давайте гроб здесь заколотим, и все.

– Что ты такое говоришь? – ахнула Алина.

– А он правильно говорит, – улыбнулась Варжетхан, – пусть сыновья заколотят гроб дома, и мы сделаем вид, что хороним Тимура.

– И как мы объясним это? – уточнила бабушка.

– Люди его видели? Видели. Простились? Простились. Скажем, что Алина совсем с ума сошла и не могла видеть мужа в гробу. Этому тоже все поверят. Я ей дам настойку, чтобы она вообще была не в себе, – сказала Варжетхан.

– Да, так и сделаем, – согласилась Алина.

Ночью бабушка прокралась в свой кабинет в редакции, чтобы позвонить другу-однопольчанину, который работал врачом в городской больнице – при больнице был крематорий, – и договорилась о том, что привезет ему тело, да, да, Тимура, который завещал себя кремировать.

Бабушка вызвала своего верного редакционного шофера Эльбруса, и они вместе с сыновьями Тимура перевезли тело, и уже на рассвете была исполнена воля покойного. Алине выдали прах в красивой урне. Самой лучшей из имеющихся. Бабушка лично каллиграфическим почерком написала табличку – годы рождения и смерти.

Алина прижимала к груди эту урну, похожую на небольшую коробку.

– Когда развеем прах? – спросил младший сын. – Может, прямо сейчас?

Все поехали к обрыву, Алина открыла коробку, сыновья зачерпнули по горсти и пустили прах по ветру. Завещание Тимура было исполнено. Алина, наконец, перестала плакать и даже улыбнулась. Она знала, что Тимур ее бы похвалил – за храбрость, за то, что пошла против традиций, но исполнила его волю. А приходить она может и сюда. Стоять на обрыве, самом красивом на всем берегу реки, и вспоминать Тимура.

– Пора, – шепнула Варжетхан. – Нам еще один день надо продержаться.

Варжетхан оказалась права – легенду о том, что Алина не могла видеть мужа в гробу и поэтому гроб пришлось заколотить раньше положенного, все приняли с уважением. И даже легким восхищением – какая у Тимура жена! Какие сыновья, раз так позаботились о матери! Женщины из числа вдов перешептывались и сокрушались, что сами до такого не додумались. Это же какое облегчение! И причина такая весомая, что никто и слова поперек не сказал.

Все шло как полагается, пока в село не нагрянул давний друг Тимура Георгий со своей женой Зариной. До них поздно дошла телеграмма, и они

успели приехать в последний день. И сразу пришли в дом, чтобы проститься с умершим. Когда Георгий увидел заколоченный гроб, он вообще ничего не понял. Ему объяснили, что жена так страдала, так не верила в смерть любимого мужа, что сыновья, ради здоровья матери, заколотили гроб. Да, покойного все видели, простились. Георгий успокоился, но его жена нет. Она посмотрела на Алину, которая сидела спокойная и даже улыбалась собственным мыслям. А думала она о том, как Тимур хорошо придумал с кремацией, какой это хороший обряд и почему он не принят у них в селе? Алина радовалась и благодарила мужа за то, что ей не придется лежать на гробу на глазах у всех собравшихся на кладбище, не придется рвать на себе волосы. Она для себя уже похоронила Тимура, и это были самые лучшие похороны в ее жизни. Алина побывала на многих, так что она могла сравнивать. Она даже тихонько заплакала – Тимур так ее любил, что сделал все для нее. Он всегда сначала думал о ней, а потом о себе.

Зарина, увидев вдову, которая выглядела чуть ли не счастливой, пошла к женщинам во двор и начала расспрашивать. А отчего умер Тимур? А сколько человек его видели в гробу? А почему вдова так хорошо выглядит?

Женщины все ей рассказали, но Зарина не успокоилась. Да она на собственной свадьбе не выглядела такой красивой и такой довольной, как Алина на похоронах. Нет, тут дело нечисто.

Она вернулась в комнату, где стоял гроб и вдруг случайно на полке увидела коробку с датами рождения и смерти. Зарина взяла коробку, думая, что там лежат ордена и награды, но коробка оказалась пуста. Только на дне какая-то странная пыль осталась.

Георгий в это время уже поднимал тост за верного друга и каялся, что не приехал раньше. Он положил достаточно увесистый конверт с деньгами на поднос.

– Там много денег, – шепнула Алина бабушке.

– Вряд ли. Наверняка Зарина разменяла мелкими, чтобы произвести впечатление. А сумма-то небольшая. Всегда ее терпеть не могла. Сплетница, каких поискать, – сказала бабушка.

– А где она, кстати? – Варжетхан смотрела на женщин, сидящих за отдельным столом. Зарины среди них не было.

– Ох, не дай бог, – подскочила бабушка и побежала в дом. За ней бросились Алина и Варжетхан. – Если она что-нибудь заподозрит, беды не оберешься.

В тот момент, когда они вбежали в комнату, Зарина нюхала внутренности урны, пытаясь понять, что в ней находилось.

– Я сразу поняла, что вы всех обманули! – объявила она. – Может, ты отравила Тимура? Откройте гроб. Я хочу знать, что мои деньги пошли на похороны.

– Зарина, ты сейчас говоришь ужасные вещи, – сказала бабушка, – подумай своей головой, люди простились, видели тело, что тебе неймется?

– А это что? – Зарина держала в руках коробку из-под праха.

– Это? Коробка такая. Можно сережки класть и браслеты, – сказала бабушка первое, что пришло в голову.

– А почему на ней годы жизни, как на памятнике?

– Зарина, давай не будем устраивать скандал, я тебя прошу. Прояви уважение к вдове. – Бабушка все еще не оставляла попыток успокоить гостью.

– Нет уж. У Георгия то похороны однополчан, то свадьбы дочерей однополчан, то еще что-нибудь. Сколько денег уже на это потратили? Разве он столько зарабатывает, сколько мы отдали в конвертах? Последний раз отдали на свадьбу, так молодые развелись! Девочка не могла детей иметь и скрыла это. Я хочу знать, что в гробу есть покойник. Иначе заберу конверт. И всем остальным скажу, чтобы забрали. Если вы не соблюдаете традиции, то и хороните за свой счет. Мне никто не дает деньги просто так!

– У тебя нет детей, и Георгий, слава богу, жив, – напомнила бабушка.

– Откройте гроб!

Пока бабушка вела переговоры, Варжетхан рылась в своем походном сундуке со снадобьями.

– Голова болит, – объяснила она, – надо отвар выпить.

– У меня тоже голова болит, – тут же отвлеклась Зарина. – Я про вас слышала, у вас хорошие отвары. Я сюда приехала, чтобы к вам попасть на прием. Я же и не знала, что вы та самая знахарка. У меня голова болит все время.

– Так зачем на прием, если я уже здесь? – улыбнулась Варжетхан так, что только бабушка поняла – знахарка что-то придумала. Бабушка называла эту гримасу «улыбкой кобры».

– Только я все равно не отступлюсь. Дайте мне отвар, а потом я при всех потребую, чтобы вы гроб открыли, – заявила Зарина.

– Я же знахарка, должна лечить, – ласково сказала Варжетхан. – Давай тебе головную боль снимем, а потом с остальным разберемся.

– Да, да, – горячо поддержала бабушка, – у Варжетхан такой отвар для головы, что боль как рукой снимает! Все про ее отвар знают! Да, Алина?

Алина, не понимая, что вообще происходит, послушно кивнула.

– А вы мне погадаете? Я слышала, что вы так гадаете, что все будущее

видите. – Зарина решила воспользоваться ситуацией и урвать все услуги, которые могла предложить ей знахарка.

– Конечно, погадаю. И на бобах, и на картах, – пообещала Варжетхан.

Она подала знак Алине, и та принесла чашку и воду.

– Вот, мелкими глотками пей. Все выпей, – подала знахарка Зарине чашку.

Зарина послушно выпила.

– Пойдем на свежий воздух, надо подышать, – сказала Варжетхан, и Зарина послушалась. Варжетхан довела ее до женского стола, усадила на стул в тенечке. Зарина сидела вроде бы спокойно, но была как не в себе. Не спала, но и вряд ли понимала, что происходит.

– Что ты ей дала? – уточнила бабушка.

– Отвар, который для Алины приготовила. Только Алине он не понадобился. А для этой скандалистки пригодился.

– И долго она такая будет? – уточнила бабушка. Зарина улыбалась ласково, кивала и с восторгом рассматривала кусок пирога, который ей положили на тарелку.

– Часа четыре. Потом можно еще влить.

Георгий с некоторым удивлением поглядывал на жену. Она ему улыбалась. Он продолжал выпивать, а жена ему по-прежнему улыбалась.

Похороны прошли достойно. Пустой гроб захоронили согласно традициям. Алина не кидалась на него, а стояла – красивая, немного бледная, рядом с сыновьями, и все женщины восхитились ее выдержкой и достоинством, с которым она проводила мужа. Можно сказать, Алина стала законодательницей новой моды – как вести себя на похоронах. Киданием на гроб уже никого нельзя было удивить, а проводить мужа, выглядя при этом так хорошо, и с таким хладнокровием... Так себя вести в горе, в самый тяжелый день в жизни – разве это не настоящий женский кавказский характер и образец для подражания? Даже мужчины восхитились. Ведь проявление эмоций никогда не считалось женским достоинством, а чтобы вдова себя так держала... Да любой покойник мечтал бы о такой вдове. И только бабушка, Варжетхан и сыновья Алины знали, что она уже находится не здесь, на кладбище, а там, на обрыве, с которого был развеян прах.

Зарина же покорно шла среди женщин, положила цветы, немного всплакнула, помогала накрывать на стол. Через четыре часа Варжетхан влила в нее еще порцию отвара. И Зарина вдруг превратилась в идеальную женщину – кивала, молчала, снова кивала. Не сразу реагировала, если к ней обращались, но потом усердно мыла посуду в тазу. И продолжала улыбаться.

Георгий несколько раз подходил к жене, которую не узнавал, и спрашивал, как она себя чувствует.

– Все хорошо, – отвечала Зарина и смотрела на мужа глазами подбитой лани.

Где-то часов через шесть Георгий заподозрил неладное. Как раз тогда, когда увидел свою жену, отмывающую в тазу грязные тарелки. Георгий, который был давно знаком с моей бабушкой, подошел к ней.

– Что ты с ней сделала? – спросил он.

– Это не я, – честно ответила бабушка.

– Скажи, что, – потребовал Георгий.

– Отвар ей дали, от головной боли, больше ничего. Ты недоволен? Нам ничего не оставалось, она собиралась устроить скандал. Разве Тимур захотел бы скандал на собственных похоронах?

– Мне нужен этот отвар. Много, – заявил Георгий.

– Я не знаю. Это редкие травы. А твоя Зарина мелкие купюры в конверт положила. Даже не хватит за пироги заплатить.

– Я так и знал. Опять она меня опозорила. Она на свадьбу внучки моего друга тоже мелкие купюры положила. Я чуть друга не потерял. Потом приехал, без Зарины, гарнитур золотой девочке подарил.

– Она сказала, что ты мало зарабатываешь.

– Ей все мало. Она жадная стала. Я говорю – ты для кого собираешь? У нас нет детей, так пусть дети и внуки друзей будут довольны. Ты дашь мне это снадобье? Что нужно вдове? Я вижу, гараж надо достроить. И за сына младшего я заплачу. Тимур мне говорил, что мальчику нужно учиться.

– Почему ты с ней живешь?

– Она болеет. Все время на голову жалуется. А сейчас ей хорошо.

– Ты к врачам ее водил?

– Водил, конечно. Они таблетки прописывают, а она не пьет. Знаешь, она ведь меня после госпиталя выхаживала, учила заново ходить, как с младенцем со мной носилась – кормила с ложечки. Я для нее и муж, и ребенок, и друг. У нее никого нет. Родственники, когда узнали, что она родить не может, отвернулись. Один врач сказал, что у нее мигрень и это от нервов. Что ее характер – это не она, а ее болезнь. Ее надо лечить. Как я могу ее лечить, если не знаю таких слов?

– Варжетхан знает.

– Она другой была. Веселая, все время смеялась. Троих детей она вынашивала и так ни одного не родила. Всех потеряла. Сначала меня винила, потом себя, а потом совсем злая стала. Все мои родственники говорят, чтобы я себе другую жену нашел. Она со всеми поругалась. Ты не

думай, Зарина хорошая, просто забыла об этом, – признался Георгий.

– Я попрошу Варжетхан. Она сможет ей помочь, – пообещала бабушка.

Георгий с Зариной не уехали после похорон. Они остались на время жить у Алины. Бабушка договорилась об обследовании в городе. Варжетхан подбирала травы, в которые так верила Зарина. Дело было в гормонах, в функциях щитовидной железы. Зарина, как оказалось, панически боялась таблеток, и Варжетхан смалывала их в пыль, подмешивала в свои травы и раскладывала по маленьким кулечкам, которые скручивала из пергаментной бумаги. Зарина менялась на глазах. Она даже подружилась с Алиной. Георгий возился с крышей гаража, менял забор, а Зарина помогала по хозяйству.

– Скажи мне, откуда эта коробка? – спросила она однажды.

– Тимур завещал его кремировать, – призналась Алина. – Это когда тело сжигают, а прах развеивают. Он не хотел лежать в земле. Мы все сделали так, как он просил. Похоронили пустой гроб. А Тимур теперь над Терekom. Там, где обрыв. Хочешь, я покажу тебе это место?

Они пошли на обрыв, и Зарина долго стояла на самом краю, глядя на бурлящую внизу реку, на камни, стремительно заходящее солнце.

– Я тоже хочу так же. Чтобы как Тимур. Пусть меня сожгут, и я буду летать над Терekom. Это такое счастье, – сказала Зарина.

– Тебе еще рано над Терekom летать, – рассмеялась Алина. – Если за тебя взялась Варжетхан, тебе еще рожать придется.

Зарина заплакала. Потом она часто плакала, но уже от счастья. Она не только смогла забеременеть, но и родить сына. Зарина считалась чуть ли не старухой. В ее возрасте уже внуков нянчили, а не детей рожали. Ей был всего сорок один год. Варжетхан очень гордилась своей работой, а ее слава колдуньи, которая даже сухую ветку заставит плодоносить, после этого разнеслась с новой силой.

Телеграфный стиль в хозяйстве

Бабушка не оставляла попыток заняться обычными женскими делами, которые у нее никак не получались, – копаться в саду, готовить, шить, вязать, закатывать банки, рукодельничать. Меня, внучку Лермонтова, соседки всячески опекали, поскольку считалось, что бабушка скорее потеряет ребенка, чем уследит за ним. И все в селе пытались научить меня готовить, вязать и вести хозяйство, чтобы я выросла обычной женщиной, а не Лермонтовым.

Почему бабушка стала Лермонтовым? То ли она от природы была безразлична к быту, то ли сказалось влияние военных лет, то ли ее способность к домохозяйству отняла профессия, которая была важнее всех детей, мужей и супов, вместе взятых.

Я прекрасно помню, как бабушка шла к Альбине в ее «кафэ» и приносила оттуда ведро бульона. Обычное белое эмалированное ведро, но с бульоном, налитым по самый край.

Альбина, как и бабушка, хранила и переносила продукты в неподходящих емкостях. И это ни у кого не вызывало удивления. Если в эмалированных ведрах хранился бульон, то араку – местный вариант водки – Альбина предпочитала держать в здоровенных алюминиевых флягах для молока. Если Альбина катила в чей-то дом флягу, а она отчего-то сама их катала, не позволяя никому помочь ей, то жди очередного праздника. В кувшинах для вина хозяйка «кафэ» переносила соус цахтон для отварной картошки, а томатный соус для мяса требовал непременно бельего тазика. Творог и сыр она и вовсе носила в наволочке. Хотя нет, последнее совсем неудивительно, в наволочках вообще много чего хранилось – от сушеных трав до запасов гречки. Девочек на уроках труда первым делом учили шить не фартуки, а наволочки.

Бульон Альбина отливала специально для бабушки, чтобы она могла сама поесть и меня накормить. К бульону прилагались лепешки из кукурузной муки, которые в грузинской кухне называются мчади, а у нас в селе – чади. Чади пекла лично Альбина. И таких чади я больше нигде никогда не ела.

– Ты опять Машу кормишь бульоном из ведра? – спрашивала мама, когда вызывала бабушку на переговоры на почту. Конечно, это звучало как упрек, и бабушка обижалась.

Лермонтов очень хотела стать как все – варить варенье, закатывать

огурцы (обычно она забывала положить соль). Банки у нее взрывались все по очереди или одновременно. Если из подвала доносилась канонада, соседки не волновались – у Марии банки опять взорвались. Бабушка мечтала научиться готовить мясо так, чтобы оно было мягким, отваливалось от костей, печь пироги так, чтобы тесто просвечивало сочной начинкой, и варить бульон, чтобы хотя бы отдаленно он был похож на Альбинин. Но бабушку все время отвлекала работа – не было времени стоять над кастрюлями. Надо было бежать в редакцию, ехать в соседнее село, брать интервью, верстать номер. Бабушка с облегчением и даже радостью выливала кошкам недоваренный суп, накрошив туда хлеба. Да, больше всего на свете она любила горбушку серого хлеба-кирпича, натертую чесноком. Лук, репчатый, могла есть просто так, откусывая большими кусками. И даже не морщилась. Еще она любила какао, могла пить его литрами. А кофе не любила и не умела варить. Альбина, приходившая к бабушке неожиданно, каждый раз закатывала глаза и хваталась за сердце.

– Что ты ешь? – ахала она и пыталась вырвать из бабушкиной руки кусок засохшей горбушки. – Разве я плохо готовлю, чтобы ты так ела? Разве тебе не стыдно?

Бабушка показывала Альбине результат своих попыток испечь пирог. Альбина брала кусок и била им об стол. Звук раздавался громкий.

– Зачем продукты испортила? – возмущалась повариха. – Зачем меня позоришь?

– Ты-то тут при чем? – не понимала бабушка.

– А кто тебе рецепт дал?

– Ну, может, он вкусный, – обижалась бабушка.

Альбина, перестав тарабанить по столу тестом, отрывала кусок и с отчетливо выраженным на лице презрением и даже ужасом клала в рот. Потом морщилась и выплевывала.

– Что ты туда положила?

– Соду, кажется.

– Содой стаканы чистят, зачем в пирог класть?

В этот момент я выносила во двор свое произведение домоводства – очередную наволочку.

– Дидина, девочка, – умилялась Альбина, – дай бог тебе мужа богатого! Какое счастье, что девочка пошла...

Тут Альбина запинаясь, поскольку никто не знал, в кого я пошла. Точно не в маму и не в бабушку. Всегда можно было сказать, что девочка пошла в тетку, в троюродную бабу, свекровь, сестру свекрови или

племянницу свекрови, но не в нашем случае. У меня и отца-то не было.

– Ох, бедная девочка, – тут же начинала жалеть меня Альбина, – сиротка. Ничего, я тебя всему научу. Будешь такое тесто делать, что твой будущий муж станет толстым и уважаемым.

В селе считали, что, если мужчина оставался худым, значит, жена его плохо кормит. Или так плохо готовит, что мужчина приготовленное есть не может. Мужчина с животом – признак хорошей хозяйки. Но я не помню ни одного случая, чтобы женщина не умела готовить. Готовили все. И столы накрывали. Разница была лишь в «коронных» блюдах. Кто-то лучше пек, кто-то быстрее резал, у кого-то фарш оказывался вкуснее, но готовили все... кроме моей бабушки.

Моей маме, своей дочери, которая жила в Москве, бабушка жаловалась на то, что ничего не успевает. Вот бы нашлось такое приспособление, в которое все закидал, закрыл и через пятнадцать минут вытащил готовым. Бабушка смотрела далеко в будущее, но в те годы мультиварки еще не были изобретены. И хлебопечки, которые делали идеальное тесто, тоже. Не существовало и микроволновок, чтобы быстро подогреть еду. Поэтому подача блюд гостям в нужный момент считалась особым навыком, даже даром.

Однако прогресс не стоял на месте. Мама на день рождения отправила бабушке посылку. Заказной бандеролью. Чуть ли не все женщины села сбежали на почту смотреть, что за ценный подарок прислали из Москвы. Бабушка открыла коробку и торжественно достала нечто похожее на кастрюлю и даже с крышкой, но странной. Никто из соседок не знал, что это за агрегат такой. Но выглядел он красиво – кастрюля была красная и даже сверкала.

– Может, это сепаратор, сметану делать? – предположила Альбина, которая первая придумала держать теплой еду на свечках, а не разогревать на сковороде. И хранила этот способ в страшной тайне, о которой поведала только бабушке и Варжетхан.

– Нет, это для сыра, – предположила еще одна соседка.

– Точно для закрутки, – выдала версию третья.

Бабушка тут же заказала срочный разговор с Москвой.

– Что ты мне прислала? – прокричала она в трубку.

– Это скороварка, как ты и просила, – ответила мама. – Еле достала, кстати.

– И что она делает? – уточнила бабушка.

– Готовит. Быстро. Забрасываешь мясо, закрываешь крышку, сверху там колесико специальное, крутишь его и уходишь. Через пятнадцать

минут все готово.

Слышимость в переговорной будке была идеальной. Соседки дружно загалдели.

– Тут соседки говорят, что мясо за пятнадцать минут не сварится, – прокричала бабушка.

– В скороварке сварится. Потому что она – ско-ро-вар-ка.

– А Вика спрашивает, варенье тоже можно? – передала бабушка вопрос из зала.

– И варенье, и овощи, и каши, все, что хочешь, – ответила мама.

– Алина спрашивает, а можно кукурузу?

– Можно. Там есть инструкция, все написано. Читать-то ты умеешь. Разберешься. Если что – звони.

Бабушка торжественно понесла скороварку в дом. Соседки недоумевали – как так можно, чтобы в одной кастрюле, пусть даже с необычной крышкой, варить и мясо, и варенье? Как варить кашу под крышкой? Ее же мешать надо.

К посуде и бытовой утвари, кстати, в селе относились очень трепетно. Существовали специальные сковороды для пирогов – чугунные, круглые, без ручки, для специальной прихватки. «Молочные» кастрюли никогда не использовались для приготовления мясного фарша. Ковши для вина на полке не стояли рядом с ковшом для воды. Суп мог вариться исключительно в специальной кастрюле и ни в какой другой. Для сыра и сыворотки выделялись отдельные тазы – не дай бог перепутать и не в тот слить сыворотку. Скалками никто не пользовался – для таких целей подбирали тонкий прут, тщательно очищенный от коры, идеально ровный. Но не слишком тонкий и не слишком толстый. Моя подруга, выросшая в Батуми, рассказывала, что там женщины ищут специальный камень для ступки – чтобы толочь специи. И идеальный камень, гальку, подобранную на пляже, хранят как зеницу ока и передают по наследству. Можно прожить жизнь и так и не найти «свой» камень, безукоризненно лежащий в ладони, безупречно закругленный, достаточно тяжелый, но не слишком. В нашем селе женщины точно так же искали «свой» прут, который позволял так раскатывать тесто, что все соседки с ума сойдут от зависти.

В каждом дворе также стоял пенек. Он считался хозяйственным. И к пню таких претензий, как к посуде, не предъявлялось. На пне делали все – резали мясо, отрубали головы курам, шинковали лук и овощи. Я не помню, чтобы пень хоть раз кто-нибудь мыл – сметали рукой на землю остатки предыдущих заготовок и приступали к приготовлению новых. Опять же отдельно никто не резал лук, например, для фарша. Сначала рубилось мясо.

(Мясорубками пользовались в городе, в нашем селе насчитывалось две мясорубки – у моей бабушки и у Варжетхан. Ни та, ни другая ими не пользовались. Бабушка не умела, а Варжетхан считала, что порубить мясо быстрее, чем перекрутить, мясорубку же еще и отмывать потом.) И уже в нарубленное в клочья до состояния фарша мясо «врубался» сверху лук и чеснок. Поверху.

Изучение инструкции к скороварке не помогло. Поскольку телефонные переговоры стоили дорого, бабушка стала слать телеграммы в Москву.

«Закрыла зпт ничего тчк».

Мама звонила из Москвы, поскольку оттуда дозвониться было проще, а она знала, что бабушка сидит в редакции чуть ли не до ночи, и кричала в трубку (связь одинаково плохой была в обоих направлениях):

– Ты ее к розетке подключила? Она от розетки работает!

Поскольку розеток в сельских домах было мало, как-то не принято – одна под холодильник, еще одна под утюг на зимней кухне, а для всех остальных нужд тянули удлинители и втыкали тройники, то бабушка носилась с этой скороваркой по всему двору, пристраивая чудо-агрегат в удобное место. Но все равно получалось неудобно – резать то же мясо или лук было сподручнее на кухне (чудо-пня у нас во дворе, естественно, не имелось). Бабушка кромсала мясо и овощи и с разделочной доской выходила во двор. Скороварку она пристроила на лавочке. Пару раз бабушка спотыкалась об удлинитель, и мясо оказывалось на земле. Бабушка ни с первой, ни со второй попыток не смогла приготовить ничего путного, зато кошки и собаки, включая соседских, налопались на всю оставшуюся жизнь. Даже куры ужинали мясом.

«Дымит тчк сырое тчк», – отправляла бабушка маме очередную телеграмму.

Мама, которая поняла, что разорится на телефонных разговорах, посылала ответные телеграммы: «Покрути вскл».

«Доливать?» – приходила телеграмма от бабушки.

Мама, расписываясь в получении очередной телеграммы, уже кляла себя за то, что отправила бабушке скороварку. Лучше бы сапоги себе купила.

Скороварка продержалась недолго. Бабушка решила, что раз она шипит и дышит паром, то воду надо доливать непременно. В тот раз она решила сварить варенье из абрикосов. Привыкшие к традиционному ужину тем, что бабушка роняла на землю, окрестные кошки, собаки, куры и даже козы, уже собрались вокруг скороварки. Раздался взрыв. Все животные были в абрикосовой смеси. Даже коза, которой варенье прилетело прямо в

морду. Несколько кур получили ожоги средней степени тяжести. Крышка отлетела в сторону курятника – петух от страха с тех пор больше не кукарекал и даже на кур не смотрел. Его пришлось пустить на суп за неисполнение служебных обязанностей. Хорошо, что во время взрыва бабушки рядом не было – она ушла в дом записать в блокнот пришедшую в голову мысль для очередной статьи. И хорошо, что скороварка стояла во дворе, а не в доме.

На взрыв прибежали соседки. И каждая спросила: «Ты что – гранатой орехи решила колоть?» В принципе колоть грецкие орехи гранатой – вполне в бабушкином стиле.

Ошпаренных кур пришлось зарезать, а кошки еще долго вылизывали остатки варенья из шерсти.

Да, кстати, про телеграммы. Мама с бабушкой предпочитали этот вид общения. Телеграммы были странного содержания. Учитывая то, что обе пытались сэкономить на тексте, где каждый предлог считался словом, то понять что-либо было практически невозможно. Свой спешный брак в возрасте шестидесяти пяти лет бабушка анонсировала так: «Свадьба. Адрес письмом. Связь редакцию. Экстренно».

Мама уже знала о бабушкиных матримониальных планах, но хотела узнать подробности, а потому тут же позвонила в редакцию. Бабушка ответила, но сделала вид, что ничего не слышит. «Не слышу. Ничего не слышу», – прокричала она в трубку.

Но настоящий ужас у мамы вызвала другая бабушкина телеграмма: «Люблю вскл Целую вскл Вышли триста тчк Верну».

Мама побежала доставать билеты на ближайший поезд. Если бы не подозрительные «Люблю! Целую!» и еще более подозрительное «верну», мама бы просто выслала деньги и успокоилась. Когда она с выпученными глазами, готовая сразу ко всему, сосредоточенная и деловая, появилась на пороге редакции, выяснилось, что бабушка просто была в хорошем настроении – закончила большой репортаж про героев труда. И на творческом и душевном подъеме отправила маме лирическую телеграмму.

Но настоящий скандал случился, когда мама приехала навестить меня и бабушку не летом, а в ноябре. Бабушка всегда всем отправляла поздравительные открытки. С каждым праздником. Друзья у нее были разбросаны по всему Союзу, и она отправляла целую пачку открыток. С Новым годом, с Восьмым марта, с Днем Победы, с Первомаем. И, конечно, в числе праздников значился День Октябрьской революции 1917 года, который отмечался 7 ноября. Главный советский праздник, демонстрации в каждом селе и городе. Бабушка сдавала номер,

посвященный достижениям села и передовикам производства, и не могла оторваться ни на секунду. На почту вызвалась пойти мама. Помочь, так сказать. Бабушка выдала длинный список адресатов, которых следовало поздравить открыткой, и отдельный список близких друзей, которым требовалось отправить поздравительную телеграмму.

Мама, равнодушная ко всем праздникам, кивала, выслушивая инструкции. На почте она закупила внушительную пачку открыток и вернулась в редакцию – спокойно и быстро отпечатать адреса получателей на пишущей машинке. Бабушка чуть в обморок не упала – такой важный праздник, а ее дочь решила печатать на машинке! Она потребовала, чтобы мама написала поздравления от руки. Пером и чернилами, а не ручкой.

– Что писать-то? – спросила мама, с ужасом глядя на стопку открыток и с еще большим ужасом на перьевую ручку и наполненную до краев чернильницу, которые ей выдала бабушка.

– Так и пиши. Поздравляю с 7 ноября, праздником Великой революции, – ответила бабушка и унеслась в типографию.

Мама подписала пару посланий и плюнула. Она проложила несколько открыток копиркой и вставила получившуюся конструкцию в пишущую машинку. Бойко начала стучать по клавишам. Работа стала двигаться заметно быстрее. Четыре копии машинка уже не тянула, но три открытки выглядели вполне прилично. Чтобы как-то придать открыткам душевность, мама ставила бабушкину подпись, которую мастерски научилась подделывать еще в третьем классе, а к десятому достигла совершенства исполнения.

Она отпечатала стопку и со спокойной душой пошла на почту. Там быстренько все отправила и пошла домой пить вино.

Скандал случился аккурат на «красный день календаря» – открытки, отправленные заранее, дошли вовремя. Бабушкин редакционный телефон разрывался. Звонили со всех концов Советского Союза. Телефонистка Лариса, дежурившая на почте, чуть с ума не сошла от ужаса, первой заподозрив неладное. Столько звонков – значит, что-то случилось.

А случилось следующее. То ли мама была уставшей (это она настаивала на этой версии, я-то думаю, что просто начала пить вино еще в поезде и по приезде продолжила), но на открытках – через одну – в слове «ноября», вместо буквы «эр» стояла «эл». Я подозреваю, мама про себя ругалась этим самым словом, печатая поздравления, поэтому «л» невольно опечатывалось, и не один раз. Что кричало подсознание, то пальцы и выстукивали по клавишам. Естественно, текст она не проверяла. Хорошо, что бабушкины друзья обладали чувством юмора, а ведь тогда за такую

опечатку можно было и в лагерь загреметь. Бабушка с мамой после этого месяца два не разговаривала.

Сейчас уже мама пишет мне эсэмэски – можно сказать, в современном телеграфном жанре – странного содержания. Обычно подписывается инициалами. Иногда может написать: «навекы ваша», из чего я заключаю, что она хорошо себя чувствует, может, новый шланг для полива на дачу купила. Моему мужу, своему зятю, журналисту, она пишет: «Читала. Гений. Горжусь знакомством. Насос». Это означает, что у мамы на даче полетел какой-то очередной насос и надо перевести ей деньги на карту. Если сумма перевода оказывается существенно больше той, чем она ожидала, то зять получает эсэмэс: «Никогда в тебе не сомневалась». Мы уезжали в отпуск, и муж отправил теще, так сказать, «матпомощь» сразу на несколько месяцев вперед и немедленно получил ответ: «Спасибо за внуков и счастливую старость!»

Мой шестнадцатилетний сын тоже предпочитает жанр эсэмэс. Мои сообщения он зачитывает друзьям. Это залог наших с ним добрых отношений. Когда он задерживается, я пишу «Хьюстон, у нас проблемы?» «Папа едет домой. Или скажи, когда ты будешь, или – версия для печати». «Рыба уже пять раз умерла своей смертью. Когда домой ужинать?» «С тебя бутылка. Прости, не тебе». «Когда домой? (читать с тревожно-вопросительной интонацией)». «Папа спрашивает – ты как? Хор и норм я уже сказала от твоего имени. Нужны подробности, когда придешь». «Ты ел? Что ты ел? Где ты ел? Там и ночевать оставайся!» «Ты не голодный? Не замерз?» «Или ты отрываешься от девушки и идешь домой, или она прочтет о себе в следующей книге». И ответ: «Мам, это шантаж. И вообще – тебя интересует только мой желудок? Подумай о моей душе!»

Прививка от профессии, или Чего хотят женщины

Главным смыслом жизни для бабушки была профессия. Районная газета, в которой бабушка служила главным редактором, стала для нее и семьей, и страстью, и любимым делом. Всем. Бабушка много лет страдала бессонницей. Просыпалась в два часа ночи, во сколько бы ни легла вечером, и не могла сомкнуть глаз. Она думала, писала мысленно репортажи, строила планы по развитию газеты. Я помню, как однажды проснулась ночью от грохота и увидела бабушку, которая вытирала пыль. Ходила по дому в ночной рубашке, что-то сама с собой обсуждала и терла полки книжного шкафа, смахивала невидимые пылинки с телевизора. Ей не нужен был фонарик или дополнительное освещение – каждую ночь она протирала пыль. Я вскоре привыкла. Но когда приезжала мама, она пугалась и заставляла бабушку принять таблетку или выпить капли и непременно лечь в постель.

– Я не могу. Ночью я думаю, днем пишу. Я так привыкла, – объясняла бабушка.

Но мама беспокоилась о ее здоровье и настаивала на каплях.

– Если я буду пить капли, ничего не напишу утром. Не смогу думать. Мне нужна моя бессонница, иначе мне не хватит времени.

Днем бабушка была занята редакционными делами, а ночи посвящала собственному творчеству. Она придумывала идеи для книги или репортажа. Самые лучшие заголовки для статей ей тоже приходили в голову только по ночам.

– Я же хожу в темноте, никому не мешаю, – говорила бабушка, но мама подарила ей сначала торшер, а потом ночник. Бабушка благодарила, но никогда не включала ни тот, ни другой.

Когда мама была молодой, бабушка мечтала передать ей страсть к профессии. И всячески привлекала к делам редакции. Она даже пошла против своих принципов – а больше всего на свете бабушка не терпела кумовства – и устроила свою дочь стажером в редакцию. Мама протерлась на работе где-то месяц с небольшим.

Ей в помощь бабушка назначила младшего корреспондента Романа. Тот немедленно влюбился в свою подопечную и слова ей поперек сказать не мог. Все статьи писал за маму Роман. Бабушка, конечно, все знала, но не

оставляла надежд пробудить в дочери творческую жилку.

– Поедешь в соседнее село. Там коровник. Дают такие показатели по дойке, что об этом нельзя не написать. Передовики производства. Уникальная технология. Напишешь заметку, – объявила бабушка маме.

– Я не хочу к коровам, – сказала мама.

– Ты репортер. Мало ли куда ты хочешь ехать, а куда не хочешь. Надо. Без репортажа не возвращайся.

– Роман со мной поедет?

– Да, он поедет с тобой. Но только потому, что речь идет о важном материале. Статью напишешь ты, а не Роман, и текст должен лежать у меня на столе утром. И учти, я знаю, как пишет Роман. Он будет тебя контролировать, но не вмешиваться.

Мама не стала напоминать бабушке о том, что у нее в жизни было только два страха – она панически боялась гусей и коров. С возрастом появился еще один – высоты. Наша московская квартира находилась на восьмом этаже, и мама никогда близко к окну не подходила. Если надо было задернуть занавески, она всегда просила меня. Помыть окна даже с внутренней стороны для нее казалось немыслимым испытанием, их тоже мыла я. Отчего-то мама не боялась, что ребенок может вывалиться. Я совершенно не боялась высоты – и мне нравилось мыть окна. Два раза в год – весной и осенью – под нашими окнами собиралась толпа народу и соседи начинали звонить в милицию, сообщая, что маленькая девочка стоит в раскрытом настежь окне. После очередного милицейского рейда мама все-таки додумалась просить мыть окна или соседок, или «службу быта».

Откуда у нее появилась последняя фобия, я не знаю до сих пор, зато про гусей и коров мама мне рассказывала. У бабушки жил гусь Руслан (ей нравилось это имя. Я застала кота Руслана, петуха Руслана и козла Руслана, правда, не нашего, а соседского. Но поскольку он пасся у нас в огороде, то считался вроде как общим). Как считалось общим и персиковое дерево, которое росло на соседском участке, но главной своей веткой, на которой вызревали лучшие плоды, клонилось в нашу сторону.

Так вот, любимый бабушкин гусь Руслан жил во дворе редакции. Поначалу он жил в нашем дворе, но не нашел общего языка с козлом, тоже Русланом. Те друг друга терпеть не могли безо всякой на то причины. Старались вообще не встречаться на одной дороге и в одном огороде. А если встречались – начинался скандал. Гусь орал до хрипоты, козел блеял так, что закладывало уши. Они не дрались, просто стояли и орали. Поэтому бабушка перевела гуся в редакцию. Какую он приносил пользу, никто не

знал. Но он прекрасно себя чувствовал. Бабушка ласково звала его Русик (впрочем, как и кота, и петуха, и козла), кормила, поила, и тот даже позволял погладить себя по крылу. Опять же было удивительно, что гусь «ничего не делал», а в селе все животные должны были отрабатывать свою похлебку с крошеным хлебом и уж тем более дорогой и дефицитный комбикорм и пшеничную кашу, которой кормили маленьких детей, цыплят, утят и других ценных членов семьи.

Петухи, которые не исполняли свой долг, отправлялись на бульон. Куры, которые не несли яйца, отправлялись туда же. Козы, коровы, бараны, которые не отрабатывали свой корм, отправлялись в «кафэ» Альбины на задний двор, где их резал однорукий фотограф Алик.

При чем здесь фотограф? И почему однорукий? Алик потерял руку в аварии. До аварии он был мясником, профессионально резал бычков, баранов. Жарил мясо. После потери руки Алик не мог понять, как жить дальше. Потеря руки его волновала меньше, чем потеря смысла жизни. Он не знал, как жить дальше в глобальном смысле слова. Больше всего его угнетало то, что та авария была совсем странной – дорогу он знал как свои пять пальцев, был трезв как стекло, ехал аккуратно. И почему так? Алик спрашивал у себя, почему он потерял руку, зачем потерял руку и что это значит? Поскольку никто в селе дать ответ на этот вопрос не мог, да и не задавался никто философскими вопросами, Алик в поисках истины добрался до редакции и задал сакраментальные вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?» моей бабушке, женщине образованной, тонко чувствующей и странной. Бабушке в тот момент было совершенно плевать на психологию, философию и прочие душевные страдания. Ей не давала покоя одна проблема – в редакции отсутствовал фотограф-репортер. И бабушка с ног сбилась в поисках какого-нибудь молодого парня, который бы умел снимать комбайны, уборку урожая, разрушенный дом в селе, лица, движения, пейзажи, реки, детей, делал бы случайные зарисовки из жизни обычных сельских жителей.

Официальный фотограф в селе, конечно, был. И фотоателье имелось. Руководил им бессменный и главный фотомастер села, уважаемый Альберт Асланбекович. Дядя Бети, как его все называли, считал, что снимать можно только очень нарядных детей и очень нарядных родителей, которые стоят смирно, держат позу, не улыбаются и всем своим видом выражают кавказское достоинство. К дяде Бети приходили сняться для семейного торжественного портрета, который бы занял достойное место в рамочке на стене спальни. Часто он фотографировал молодых девушек, чтобы потом

этот портрет матери, тетушки, бабушки и прочие сватья показывали на торжествах и восхваляли неземную красоту потенциальной невесты. Дядя Бети работал долго и тщательно – младенцы успевали сто раз поплакать, женщины уже не делали достойный вид, они едва на ногах держались, мужчины так усаживались в кресло, что казалось – никакая сила их с места не сдвинет. После съемки портрет, с точки зрения мастера, требовал доработки. В некоторых случаях это имело смысл. Дядя Бети вооружался красками и кисточками и «дорисовывал» губы женщинам, убирал «лишнюю» бровь над переносицей, делал младенцев упитаннее, дорисовывая складочки и ямочки на щеках, а мужчинам придавал отсутствующую солидность. Кому надо – морщины пририсовывал, кому не надо – убирал. У меня сохранился портрет моей мамы руки дяди Бети – мама там точная копия актрисы Натальи Варлей и на себя не похожа совершенно. Но красивая. С шеей, губами, бровями, глазами. Если дяде Бети не нравилась прическа, он мог и косы женщине пририсовать, и лысину мужчине закрасить. На фотографии у моей мамы волосы до плеч, пририсованные дядей Бети. И такой гордый и одновременно покорный взгляд, что я не знаю, как он добился такого эффекта.

Однажды он пририсовал косы Варжетхан. Бабушка настояла на этой съемке. Ей хотелось написать материал про свою подругу. Знахарка всегда ходила в платке. Но бабушка уговорила ее сняться без платка.

– Все в платке, зачем ты в платке будешь? – горячилась бабушка. – Я хочу твой натуральный портрет!

И Варжетхан сняла платок, под которым у нее обнаружился короткий седой ежик.

– Какая ты красивая, – восхитилась бабушка, – зачем ты платок носишь?

Бабушка была уверена, что портрет Варжетхан займет достойное центральное место на газетной полосе. Когда она получила фотографию, то ее чуть кондратий не хватил. Дядя Бети мало того, что выкрасил волосы Варжетхан в иссиня-черный цвет, так еще и косы ей приделал. Широкие такие густые косы ниже пояса. Бабушка начала хохотать. Еще дядя Бети убрал у Варжетхан усы, по которым ее мог опознать даже младенец. С фотографии на бабушку смотрела женщина с косами, с гладким лицом без единой морщинки. Дядя Бети даже заретушировал знаменитую родинку на щеке гадалки, из которой во все стороны торчали волосы. И эта родинка тоже считалась ее отличительным признаком, характерной чертой, которой отмечают только знахарки и гадалки. Я, кстати, очень боялась этой родинки, похожей на паука, и вообще старалась глаз не поднимать, когда

разговаривала с бабушкиной подругой. Те же ощущения испытывали и клиентки знахарки. Они впадали в ступор, глядя на усатую женщину со здоровенной волосатой родинкой во всю щеку.

– Очень красиво, спасибо, Бети, – сквозь приступ смеха поблагодарила фотографа бабушка.

– Я так старался, как ни для кого не старался, – сказал фотограф, и это было правдой. Ему потребовалось много усилий, чтобы убрать особые приметы своей клиентки.

Поход в фотоателье считался важным, можно сказать, историческим событием для всей семьи, к которому готовились, наряжались, отмывали детей до скрипящего блеска, надевали фамильные драгоценности, никому не давали есть и пить, чтобы не сорвать съемку. Сельские жители шарахались от любых других фотосессий. Стоило кому-то, пусть даже моей бабушке, появиться с фотоаппаратом, мужчины села принимали искусственную позу, таращась в объектив фотокамеры, а женщины скрывались в доме с криками: «Мария, ты с ума сошла? У меня даже прически нет!» «Репортерская» съемка, о которой так мечтала главный редактор газеты, срывалась.

Бабушка пыталась наладить сотрудничество с дядей Бети. Но тот даже животных норовил выстроить в ряд и заставить их принять достойную позу. Бабушка пыталась объяснить, что она хочет «естественности», «живых эмоций», «натурализма», но дядя Бети обижался, особенно на «натурализм», и говорил, что такие фотографии – позор на его голову.

В редакции имелась оборудованная комната для проявки снимков, бабушка выбила в горсовете деньги на покупку хорошей камеры, бумаги и реактивов. Не было только фотографа. Так вот, в тот день, когда Алик искал смысл жизни, бабушка искала хоть кого-нибудь, кто бы съездил в соседнее село и снял зацветшую плантацию орешника, которая обещала дать урожай-рекордсмен. Еще бабушка хотела сфотографировать работников совхоза, а также пионеров-активистов, которые были готовы собирать этот урожай. Еще в том же селе организовали швейную мастерскую, где собирались женщины и девушки-добровольцы – шить перчатки специально для сбора и очистки орехов.

Настоящие молодые грецкие орехи – современные дети их не знают. Для детей, росших в селе, они считались лакомством. Отправляясь в орешник, мы брали с собой наволочку и устраивали целые грабительские рейды. Естественно, все знали о наших набегах. Скрыть преступление не представлялось возможным. Молодые грецкие орехи окрашивают руки в коричневый цвет. Как будто ты измазался йодом в несколько слоев. Чтобы

очистить орех, нужно приложить усилия. Но когда добираешься до сочной мякоти, орешек внутри белый, а не коричневый, – это просто наслаждение. Но сначала надо снять все пленки между ядрышками – они горчат. Пока очистишь, с ума сойдешь, но затраты того стоят. Ворованный урожай уносился в наволочке на берег реки, недалеко, потому что сил не было терпеть – так хотелось поскорее поесть орехов. И наутро мы шли в школу в коричневых разводах – на лице, на руках. Ореховый окрас держался долго, почти как хна. И не выводился керосином, не оттирался дустовым мылом, его не брали ни сода, ни известка. Все детство мы с подружками пытались изобрести состав, который бы позволил избавиться от коричневых рук и лица. Так и не изобрели. За воровство орехов нам, естественно, попадало – мы в обязательном порядке шли в орешник и собирали орехи уже на нужды совхоза. Отрабатывали ворованное. Я еще удивлялась, почему бабушка, прекрасно зная, куда я отправилась с наволочкой наперевес, не останавливала меня. А утром устраивала показательное представление, размахивая крапивой и обещая мне наказание по заслугам – собрать столько, сколько унесла. Но я же видела, что она не злилась. Только потом я узнала, что детей всегда отправляли помогать собирать орехи. Для взрослых стимула не было – за орешник платили мало, то ли дело сбор кукурузы, который оплачивался вполне прилично – рубль за день. Мы все наперегонки бежали собирать кукурузу. А провинившихся детей было проще заставить проявить сознательность. Побочный эффект тоже имелся – я, например, долго не могла понять смысл фразы: «попало *на* орехи». Я всегда считала, что попасть может «*за* орехи».

Перчатки для сбора орехов, чтобы руки оставались чистыми, – это же новшество, новаторство и забота о работниках сельского труда! Бабушка не могла упустить такой материал.

Почему мы, дети, не додумались до перчаток? Да мы и не знали, что это такое. Даже у меня перчаток никогда не было. Только варежки, огромные, связанные и подаренные кем-то из соседок. А перчатки были только у моей мамы – настоящие, кожаные и единственные. Мама их протирала растительным маслом, чтобы они блестели...

– Поехали, – велела бабушка Алику, который что-то говорил про смысл жизни, – поснимаешь. Больше никому.

– Как я буду снимать? – Алик показал свою изувеченную руку, рассчитывая на понимание и сочувствие.

– Ты же можешь на кнопочку нажать другой рукой, – отрезала бабушка.

Алик, на которого никто из жителей соседнего села не обращал

внимания, поскольку он никого не выстраивал в ряд, не требовал сделать умные и достойные лица, а пытался разобраться с фотоаппаратом, крутил диск настройки левой рукой, жал на кнопку, ругался сам с собой, – в результате сделал замечательный репортаж. Он вообще не понял, что произошло. Бабушка отвела его в проявочную комнату, показала лампы, реактивы и тут же оформила фотографом на полставки. Алик, может, и хотел бы еще поговорить о смысле жизни, но увлекся фотографией. Он попросил у бабушки учебную литературу, и она выдала ему пособия, несколько альбомов и обещала выписать из Москвы все, что потребуется. Алик поселился в проявочной и обрел новую жизнь. В кратчайшие сроки он не только изучил основы профессии, но и захотел стать профессионалом. Он с детским сумасшедшим восторгом рассматривал фотоальбомы, которые подкладывала ему бабушка. Алик снимал, проявлял, снова снимал и снова проявлял. Он тренировался на гусе Русике, на моей маме, на водителе Эльбрусе и на всех тех, кто попадался под руку и не хотел обижать фотографа отказом. Ему вообще редко кто отказывал, поскольку люди сочувствовали его горю и прекрасно помнили, какое мясо получается при готовке, если барана или бычка зарезал именно Алик.

Фотографий сельчан – обычных, портретных, за едой, во время отдыха – у бывшего мясника накопилось огромное количество. Бабушка только успевала заказывать реактивы и бумагу. В селе к новому увлечению Алика быстро привыкли и вообще перестали реагировать – женщины продолжали стирать и развешивать белье, дети бегали и играли, даже козы с коровами не отрывались от обеда. У Алика обнаружилось удивительное свойство – он умел расслабить «героев» съемки. Обсуждал погоду, спрашивал про здоровье детей и старших родственников и в это время успевал снимать. Он делал комплименты, внимательно слушал и щелкал затвором камеры. Бабушка считала его гениальным фотографом. Алик снимал одной рукой так, что, казалось, у него есть пять рук и десять глаз. Он так видел кадр, что главный редактор ахала от восторга. У бабушки заходило сердце – на фотографиях была сама жизнь, без прикрас. Но оказалось, что у Алика есть еще один талант – светлый глаз. Его работы заставляли улыбнуться, рассмеяться, и от них не веяло тяжестью и безнадежностью. Он умел видеть счастье, красоту, юмор. Односельчане, которым Алик иногда просто так приносил и дарил фотографии – не выбрасывать же, сначала не понимали, что такого красивого в том, как Мадина вешает белье, а ее маленький сын Эдик тащит кота за хвост. На стенку такие фото не повесишь. Но именно эти фотографии рассматривала по вечерам сама Мадина и улыбалась.

Конечно, не обошлось без скандала. Когда Алика стали звать снимать свадьбы и похороны, фотографировать новорожденных младенцев, счастливую молодую мать, старшего брата с младшей сестрой, старшую сестру с младшим братом, сразу пятерых детей, дядя Бети обиделся страшно и неделю не разговаривал с бабушкой и Аликом. У него появился конкурент, который отбирает заказы. И сколько бабушка ни демонстрировала разницу между работами дяди Бети и фотографиями Алика, маститый фотограф считал себя преданным. Но скандал, который должен был разгореться, заглох в самом начале. Алик вернулся к своей основной специальности – резать кур, баранов и быков во дворе «Кафэ-Рэсторана» тети Альбины. Возвращался сначала тяжело, мучительно, но оказалось, что одной рукой он орудует ножом намного лучше, чем многие мясники – двумя. Альбина чуть ли не на коленях умоляла его вернуться, уволив троих претендентов на вакантную должность.

Снимал же Алик, когда хотел и что хотел. Поскольку на свадьбы, юбилеи его все равно звали – зарезать и обработать туши, то быстро нашлось компромиссное решение. Пока Алик занимался мясом, дядя Бети снимал «парадные» портреты. Когда Алик освобождался, он брал камеру и снимал все, что хотел, а потом дарил фотографии семье. Он снимал детей, которые ловят конфеты, невесту, которая вдруг позволила себе улыбнуться и состроить смешную рожицу младшей сестре. Тещу, которая плачет от счастья. Свекровь, которая ест как не в себя. Все хохотали и ждали этих фото. Повторю – они были добрыми. Даже если он снимал уснувшего на стуле с раскрытым ртом тамаду или младшую сестру невесты, которая с завистью смотрит на старшую. В них не было злости, только добро и юмор. Конечно, все стали звать Алика на мероприятия. Если и не предполагалось резать барана или бычка, то все равно решали резать – чтобы пришел Алик. Дядя Бети брал деньги за парадные портреты. Алик брал деньги за работу мясника, а фотографии шли в подарок. Но ему платили за «мясо» столько, что Алик мог купить и нужную бумагу, и особые приспособления для съемки. Алик вдруг стал очень обеспеченным человеком.

– Слушай, почему я раньше не хотел снимать? – спрашивал Алик у бабушки, которой был благодарен за свою новую жизнь.

– Надо было что-то потерять, – отвечала она совершенно серьезно. – Я после контузии стала слышать музыку в словах. Раньше не слышала. Просто писала как положено, как надо. А сейчас слышу, как красиво. Глухая на одно ухо, а слова слышу.

Да, мама сто раз предлагала бабушке купить слуховой аппарат, готова была заплатить любые деньги, но та отказывалась. Она хотела слышать

музыку текстов. Алику предлагали сделать протез. Но он тоже отказался.

Еще одна важная деталь. Алик прошел всю войну. Служил на флоте. До войны он никогда не видел моря и даже не умел плавать. Почему его призвали на флот, по какой такой ошибке, было непонятно. Но после войны любой шум, напоминавший Алику волны, вызывал нервные приступы. Варжетхан сделала ему настойку, но она не очень помогала. Если случалась сильная гроза и дождь лил стеной, Алик мучился дикими головными болями. Он никогда не выходил на берег реки. Никогда не плавал. И не снимал воду, за исключением колодцев и колонок. У каждого были свои фобии – мама боялась коров и гусей, Алик – воды.

– Почему я ничего не боюсь? – кричала бабушка. Она хотела отправить Алика снять новый мост через бурлящую реку. Фотограф отказался категорически.

– Потому что ты Лермонтов, – парировал Алик.

Фотограф сохранил свой военный кортик и им же резал животных. Алик был умельцем, который делает людей красивыми, и был палачом, который умеет красиво убивать. Алик официально нигде не работал, был независимым наемным работником, сейчас бы сказали фрилансером, хотя бабушка сто раз приглашала его в редакцию на полную ставку главного фотографа, а Альбина сто раз приглашала стать главным мясником. Другими ножами, кроме своего кортика, Алик не пользовался. Разве что специальным топором, сделанным умельцем-кузнецом из соседнего села по заказу бабушки. Рукоять топора была изготовлена по мерке с руки Алика – мясник этот топор любил не меньше своего кортика. Алик сказал бабушке и Альбине, что не может сделать выбор между двумя своими профессиями. И обоим пришлось смириться.

Когда Алик шел по сельской дороге, животные затихали, будто что-то чувствовали, а женщины расцветали улыбками. И как раз из-за фотографии женщины разразился грандиозный скандал. В моей квартире на стене гостиной висят фотографии – прадедушек со стороны мужа, прабабушек с его же стороны. Фотографии старые – конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Есть фото моей свекрови и ее лучшей подруги, которая стоит на лыжах и с сигаретой в зубах. На стене – двоюродные бабушки мужа, еще гимназистки, в красивых платьях и с белыми бантами, троюродные дедушки в костюмах-тройках. А вот фотография бабушки у меня сохранилась одна-единственная – она в пляжной панамке, улыбается. Панамка съехала набок. Есть и фотография мамы, того времени, когда она пыталась работать у бабушки в газете, жила в селе и еще не сбежала в Москву. Мама стоит в поле. У нее короткие волосы, сарафан с глубоким

декольте, из которого вываливается грудь. Есть еще одно фото – она лежит в поле, в мини-юбке. Хорошо видны ноги и грудь. И взгляд – совершенно неприличный. В общем, не случайно мама не прижилась в селе...

Автором фотографий был Алик. Вот уж действительно «репортерская» съемка. Если бы кто-то узнал, что Алик снимает мою маму, дочь главного редактора газеты, в таком виде, маму бы точно сбросили в Терек. Фотографии невероятно красивые – Алик увидел в молоденькой девушке и страсть, и амбиции, и тщеславие.

Так вот – как разразился скандал.

Мама говорила, что ее «крали» в качестве невесты дважды. Но на самом деле эпизодов было больше. «Сбежавшая невеста» – это точно про мою маму. Но официальных, оставшихся в местных легендах-сплетнях похищений было три. Первые два мама вспоминает со смехом. Сначала ее украл друг маминого одноклассника Жорика. Он тоже участвовал в похищении, но до последнего момента пытался остановить своего друга – Жорик прекрасно знал, на что способна его одноклассница. Незадавшийся жених вернул невесту прямо к воротам дома, поскольку мама за сто метров, что они успели проехать, уболтала его так, что жених принял единственно верное решение – вернуть ненормальную девушку к родным. Жорик лично доставил маму бабушке и надеялся на то, что его роль в этой истории останется незамеченной. Куда там! Бедный Жорик, как его с тех пор называли, боялся, что бабушка его никогда не простит, а Варжетхан отравит, но все в селе жалели маминого одноклассника. И в глазах потенциальных невест он растерял все достоинства. Ну кто выйдет замуж за бедного Жорика, который вернул украденную невесту? Да еще и под ее давлением. Жорик собирался было броситься в Терек от позора, но его остановила моя мама.

Вторым самоубийцей, который рискнул украсть строптивую дочь главного редактора, стал сын председателя колхоза. И эту историю обсуждают чуть ли не до сих пор. Маму он решил украсть на лошади, не полагаясь на другие транспортные средства. Лошадей мама любила с детства – в селе регулярно проходили скачки, и мама держалась в седле не хуже мужчины, а то и лучше. Лошадь невеста остановила и повернула туда, куда ей было надо – домой. Та подчинилась и привезла к воротам сбежавшую невесту с несчастным и опозоренным женихом, который болтался в седле, как тряпичная кукла. Мама лихо спрыгнула с лошади, погладила ее по загривку и дала сахар, который всегда носила в кармане на всякий случай. Лошадь ела сахар и не реагировала на седока, который пытался тянуть поводья, чтобы побыстрее скрыться. Сын председателя

колхоза, наконец, вспомнил, что у него есть кнут, и ударил лошадь. Мама и кобыла с некоторым недоумением уставились на седока. И лошадь взбрыкнула, выбросив очередного мамино жениха в поддон с щебенкой – соседи ремонт затеяли.

Ну а третьим женихом стал Сослан. Поскольку он был городской, из богатой семьи, знатного рода, то отказов не признавал. И ему удалось увезти маму дальше предыдущих претендентов – в дом к родственникам. Когда он вошел в комнату, где сидела украденная невеста, то ожидал чего угодно, только не того, что в результате случилось. На стене в комнате висел ковер – с ружьями, кинжалами, пистолетами. Вместо того чтобы рыдать, оплакивая свою судьбу, мама разобралась с оружием и нашла ружье с одним-единственным патроном. Рядом на кровати она выложила кинжалы и ножи – затупившиеся от времени, но вполне годные для самообороны. Кинжалы не понадобились. Когда жених вошел в комнату, мама сделала один-единственный выстрел и почти попала. Потом она говорила, что специально стреляла в ногу, а не в причинное место. Но кто же ей поверит? Все говорили – «слава богу, Ольга промахнулась». Промахнулась на несколько сантиметров, иначе знатному роду, из которого происходил Сосик, пришел бы конец. Наследников произвести он уже не смог бы при всем желании.

Мама сама добралась до дома. На машине «Скорой помощи», которую сама же и вызвала. Показала ружье, объяснила, куда попала пуля, и отчиталась об оказании первой помощи при ранении. Все было исполнено идеально.

Сосик, выйдя из больницы, решил отомстить. Он зашел в редакционную фотолaborаторию и увидел снимки моей мамы – те самые. С декольте и в мини-юбке. Он стал ходить по дворам и показывать эти снимки. Требовал, чтобы Ольгу, наконец, уже сбросили в Терек.

Конечно, нашлись те, кто считал – Сосик прав. Нашлись и те, кто считал – Сосик не прав. Были и воздержавшиеся, сомневающиеся. Бабушку этот скандал обошел стороной – она была в командировке. Мама срочно паковала чемоданы. И тогда произошло то, чего никто не ожидал. Алик собрался в город к семье Сосика – показать свои другие снимки, фотоальбомы, книги по искусству и объяснить, что ничего непозволительного или недозволенного в его съемке не было. Эльбрус вызвался его везти. И тут к машине подошел дядя Бети и сказал, что тоже поедет.

– Зачем, дядя Бети? – спросил Алик. – Это моя съемка, и мне отвечать.

– Молчи, ты мальчик против меня, прояви уважение! – обиженно

ответил дядя Бети. – Если кто-то и может доказать, что твои фотографии хорошие, то только я.

Дядя Бети всю дорогу молчал. Молчал и Алик. Дядя Бети, который был знаком с дедом Сосика, показал ему снимки, поговорил. Алик мялся во дворе, как младший сын, который всегда должен быть готов бежать туда, куда скажут старшие. Невестки суетились и только успевали приносить блюда и араку для старших.

– Спасибо, дядя Бети, – сказал Алик, когда старый фотограф вышел из дома.

– Мы с тобой коллеги. Должны защищать друг друга. Если ты перестанешь снимать, я лично тебе вторую руку отрежу! – отозвался дядя Бети, и это был самый лучший комплимент.

Мама сидела в комнате на чемоданах. Бабушка вернулась и узнала о произошедшем. Мама уехала в Москву. Дядя Бети стал приглашать Алика в ателье снимать парадные портреты и считал его наследником – сыновей у старого фотографа не было, а женщинам в те годы разрешалось держать только скалку и веник. Дядя Бети снимал всех красиво, а Алик – как дети ползают по полу, как глава семейства пытается выпить, как невестка стоит, обернувшись, и у нее такие плечи, что можно сойти с ума. В кадр Алика попадали ноги, руки, глаза и другие части тела – Алик и не подозревал, что снимать тело так интересно. По вечерам дядя Бети рассматривал фотографии своего ученика и улыбался. Они ему нравились.

Бабушка призналась Варжетхан, что даже благодарна судьбе за то, что она подтолкнула Ольгу к отъезду. Сосик больше в селе не показывался. Ходили слухи, что его быстро женили, но брак оказался неудачным.

Позже, когда уже родилась я, когда мама официально стала главной головной болью всего села, его проклятием и позором, получила звание «падшей женщины» и своим появлением в селе производила фурор, она сделала подарок Алику. Подарила фотографу-мяснику набор ножей, профессиональных, настоящих, в специальной коробке, из уникальной спецстали. Где уж она их достала? Алик плакал, когда развернул подарок. Плакал и не мог успокоиться. Он смотрел на эти ножи и вытирал слезы, льющиеся по щекам. Он ими так и не воспользовался. Раскладывал на столе, смотрел и снова убирал.

Еще одна прививка от профессии, или В мире животных

Все в редакции и селе говорили, что гуся Русика давно пора отдать Алику. Но бабушка сопротивлялась как могла. Русик, когда видел бабушку во дворе, бежал к ней, растопырив крылья. Она гладила его, брала на руки, он закрывал глаза и млел, давая почесать себе шею. Бабушка кормила гуся грецкими орехами. Русик, я думаю, имел большие проблемы с печенью, что не мешало ему быть счастливым. За грецкие орехи готов был отдать жизнь. Хорошо что Альбина ничего не знала про фуа-гра, а так бы Русику точно пришел бы конец.

Когда на пороге редакции появилась моя мама, Русик, расставив крылья, кинулся защищать двор. Мама пнула наглого гуся ногой и пошла дальше. Но гусь кинулся в атаку и вцепился маме в попу. Мама бегала по двору, но Русик вцепился крепко и не отцеплялся. Клюв он разжал только после того, как во дворе появилась бабушка и бросилась спасать и успокаивать – нет, не свою дочь, а любимого гуся. У мамы на всю жизнь остался рубец на мягком месте. И еще неделю после укуса она вынуждена была спать на животе, поскольку ей на попу Варжетхан наложила повязку с мазью.

Но даже после этого бабушка не отдала Русика Алику. Зато отчитала вопящую и держащуюся за больное место маму, что она бедного гуся напугала.

– Для тебя гусь важнее дочери! – кричала мама.

– Да, – соглашалась бабушка. – Ты даже текст не можешь написать. А Русик меня понимает.

Бабушка гладила гуся, а тот прижимался к ней и гоготал – жаловался на жизнь. Мама пыталась приклеить на попу лист подорожника.

Не только с гусями, но и с коровами отношения у мамы не сложились. Коровьи лепешки считались традиционной детской забавой. Если в городах дети играли в «сифак» или «сифу» – кидались мокрой грязной тряпкой со школьной доски, то мы в деревне кидались застывшими коровьими лепешками. Правила те же. Предмет другой. Если городские дети мазались в лагерях зубной пастой по ночам, то мы, сельские, мазали друг друга свежим коровьим дерьмом. Подложить в кулек (именно так, кулек, а не пакет, не сверток), сложенный из газеты, бараньих какашек вместо изюма –

любимый розыгрыш. Девочки с раннего детства знали, как появляются на свет телята, и помогали держать коровий хвост, если требовалось. Мама никогда не рассказывала мне про свою фобию, зато рассказала бабушка. Когда Ольга была маленькой, кто-то из соседок решил ее развлечь (у нас собственной коровы никогда не было). Маме, которой только исполнилось четыре года, дали в ладошку кашу и велели покормить теленка. Тоже ничего необычного – девочек с раннего детства приучали ухаживать за скотиной. Но теленок вместе с кашей решил съесть и мамину руку. Прихватил сильно и чуть ли не по локоть. Жевал и не отпускал. Все смеялись, поскольку встали на сторону теленка, а не маленькой девочки. И чего она орет? Теленка испугает. Подумаешь, беда какая.

Позже, когда маму учили доить корову – обязательный ритуал для девочек, корова пнула ее копытом. Не сильно. Маме опять попало – молоко из ведра расплескала, не успела вытащить из-под коровы. И корову испугала своим воплем. Когда Ольгу отправили пасти коров, раз уж она с дойкой не справилась, одна из них ткнула ее рогом. Тоже не сильно, но ощутимо. Корова отказывалась идти куда следует, и мама решила ее направить в нужном направлении, хлестнув по бокам прутом. Кто был виноват? Конечно, Ольга. Корову следовало ласково уговорить, а не поднимать на животное прут.

– Я должна была разговаривать с коровой? – не понимала мама, когда соседки вызвали ее «на ковер», то есть во двор для серьезного разговора и избрания наказания.

– Моя Роза понимает лучше тебя. С ней разговаривать интереснее, чем с моим мужем, – рассердилась тетя Бэлла, хозяйка обиженной коровы.

– Она – корова. Она не понимает. У нее нет мозга, – стояла на своем мама.

– Что ты такое говоришь? Это у тебя нет мозга, раз ты такие слова произносишь! Роза тебя своим молоком выкормила! – кричала на весь двор тетя Бэлла.

– Вашей Розе всего четыре года, она не могла меня своим молоком выкормить. – Мама не собиралась сдаваться.

– Ее мать, моя прекрасная Лаура, тебя молоком выкормила, а значит, и Роза!

Согласно сельским традициям, правда была на стороне тети Бэллы.

– Твоя Роза тупая и Лаура была тупой, потому что они – коровы! – отрезала мама.

Женщины загалдели, гадая, какое ужасное наказание для мамы может искупить ее ужасный поступок и еще более ужасные слова. Шить

наволочки для хозяйственных нужд? Чтобы тете Бэлле до конца жизни хватило! Или пусть Ольга свяжет двадцать, нет, тридцать салфеток крючком. Нет, не подходит, она их так свяжет, что позору не оберешься, только нитки переведет.

И тут вступилась бабушка, до этого молчавшая.

– Пусть у меня в газете отработает. Младшим стажером.

И женщины загладели снова. Да, это хорошее наказание. Больше, чем бытовые женские дела, мама ненавидела писать в газету или что-то еще делать для редакции. Наказание сочли соответствующим тяжести содеянного. Тогда-то мама и поступила на работу в газету. Бабушка ее даже официально оформила, чтобы ее непутевая дочь что-то там осознала. Мария свято верила в корпоративную честь – нельзя подвести коллектив, частью которого ты являешься. Нельзя не явиться на работу, где у тебя заведена трудовая книжка. Нельзя не выполнить задание, данное начальником.

Первой командировкой, что получилось не специально, для мамы оказалась поездка в соседнее село – в коровник-ударник, побивший все рекорды надоя. В нем ввели уникальную систему доения, которая позволяла увеличить надой на пятьдесят процентов. Требовалось срочно написать небольшой репортаж про коров-рекордсменок с указанием кличек, взять интервью у доярок, которые бы поделились уникальным опытом доения, и описать коровник, в котором чуть ли не музыка играла для повышения надоев. Заметка должна была выйти на первой полосе, чтобы остальные доярки, коровы и хозяйства переняли опыт и повысили показатели.

Поскольку про детские психологические травмы в нашем селе вообще ничего не знали, бабушке и в голову не пришло, что мама плохо относится к коровам. Наоборот, она считала, что таким репортажем ее дочь сможет загладить свою вину перед тетей Бэллой и особенно перед коровой Розой и ее матерью, давно почившей коровой Лаурой.

Мама с Романом приехали в село. Романа немедленно отвели в дом председателя совхоза, где напоили парным молоком, потом аракой, потом еще раз аракой и познакомили с дочкой председателя совхоза.

Про младшего корреспондента стоит рассказать поподробнее, поскольку он, как и бабушка, считался немного Лермонтовым. Столичный мальчик, из города, окончил институт, но приехал работать в село, чтобы постичь основы профессии непременно у моей бабушки. В родной семье к нему относились так же, как в селе к моей бабушке, – как к больному, но все равно любимому ребенку. Да, Роман умудрился родиться в богатой и

знатной семье, но отказался от всех благ ради любимого дела. Он жил в комнате, которую предоставила ему редакция, питался в «Кафэ-Рэсторане» у Альбины (за питание мальчика родным не стоило беспокоиться) и не собирался возвращаться домой, в семью. Он считал себя пока недостойным столичной прессы. Тот факт, что его отец – Казбек Асланович – был одноклассником главного редактора столичной газеты, а двоюродная сестра его матери была женой главного редактора, что позволяло юноше занять сразу должность редактора отдела газеты, причем любого, на выбор «мальчика», Романа никак не привлекал, а только раздражал. Семье он объявил, что вернется в город только тогда, когда почувствует себя достойным писать в масштабах города. А поскольку лучшим журналистом во всей республике он считал мою бабушку, то приехал в село и попросился на самую низшую должность.

Бабушка немедленно позвонила Казбеку Аслановичу, которого привыкла называть Казик, и она была единственной, кто так его называл, поскольку даже жена обращалась к нему по имени-отчеству. Конечно, бабушка с Казиком были знакомы, они дружили много лет, и, конечно, он тоже считал бабушку лучшим журналистом республики. Так вот бабушка спросила, знает ли Казик, где его мальчик находится и чего он хочет. Отец проявил мудрость и сказал, что не будет мешать сыну – пусть учится, живет, работает. Если Мария будет рядом, то он тем более спокоен. Но если Мария сделает так, чтобы мальчик перестал хотеть стать журналистом, а захочет, например, стать экономистом, работать в горсовете у троюродного дяди, и вернется в семью, то его отцовская благодарность не будет знать границ. Бабушка делала все, чтобы мальчик расхотел быть журналистом – давала сложные задания, заставляла переписывать текст по десять раз, придумывать заголовки, но Роман лишь смотрел на нее восхищенными глазами, как смотрит ученик на любимого учителя, которого считает богом, гуру, мастером, гением и так далее. Придаться к Роману было решительно не за что, и его отъезд в родной город и возвращение в семью откладывались на неопределенный срок.

Бабушка уже всячески издевалась над корреспондентом и отправляла на невыполнимые задания. Например, взять интервью у старейшины, который молчал последние двадцать лет из принципа – просто не хотел делиться мудростью с этим ужасным миром. Но мальчик оказался умным и талантливым. Трудолюбивым и настойчивым. Он умудрился разговорить старейшину, знаменитого «немного долгожителя», как называли его все в селе, и бабушке пришлось писать внеплановый репортаж о том, что «немой» старейшина готов делиться мудростью веков. К старейшине тут

же потекли потоком желающие узнать будущее, и семья, которая сначала поверила в «чудо» и чуть ли не на руках Романа носила, уже его проклинала. Дедушка как открыл рот, так не мог наговориться. А слушатели все приезжали и приезжали. Пришлось даже отвести специальную комнату для общения дедули с посетителями, которые вдруг записали долгожителя в пророки, и его слава предсказателя разнеслась по всем окрестным селам. Можно понять семью – одно дело иметь в доме «немного старейшину», другое дело – пророка. Дедуля наслаждался нахлынувшей на него славой и сыпал предсказаниями с невероятной скоростью. Поскольку дедуля давно был слеп – от старости и почти не ходил – тоже от старости, то словам такого старца тем более верили безоговорочно. Все члены семьи ходили к Роману и умоляли его заставить дедулю замолчать тем же способом, которым он его разговорил. Юноша очень страдал – он никому не хотел доставлять неприятности, лишь выполнял задание. И пришел советоваться к бабушке. Бабушка долго смеялась и произнесла фразу, которую Роман запомнил на всю жизнь:

– Помни, каждая твоя буква, каждое твое слово может иметь последствия. Или ты это примешь, или уходи из профессии. Ответственность. Ты должен нести ответственность за то, что сделал. А также за то, что не сделал.

Бабушка была уверена, что Роман уволится. Но тот пошел к дедуле и заперся с ним в комнате. Потом выскочил, сбегал к Варжетхан и притащил ее к старику. Они вышли только через два часа.

– Что вы там делали? – спросили женщины семьи провидца, который еще месяц назад провидцем не являлся, а спокойно ел, спал и молча сидел на лавочке во дворе.

– Все будет хорошо, – улыбнулся Роман. Варжетхан вообще промолчала.

Женщины начали волноваться. Но оказалось, Роман буквально воспринял совет своей начальницы и решил, что должен до конца нести ответственность за дедулю. Подумав, что еще он мог бы сделать, быстро нашел выход.

Обретший способность говорить старейшина стал приносить семье деньги, о которых те даже не мечтали. До этого ведь одни траты незапланированные – ожидающих людей нужно накормить, вина налить, опять накормить. Хорошо хоть скамейки и стулья из амбара принесли. Но все равно неудобно перед людьми – забор старый, дом надо побелить, крышу новым шифером покрыть. Да и в комнате поприличнее все оборудовать. Стулья новые купить для посетителей.

Первой обнаружила перемены внушка провидца. Ей уже самой было под шестьдесят, и она отвечала за распределение средств на хозяйство. В тазу, который она по недосмотру оставила рядом с входом в дом, нашлось несколько конвертов с деньгами. И тут же она пришла к дедуле с вопросом – что делать? Если он провидец, то пусть скажет – откуда эти деньги появились и как их вернуть.

– Крышу сделай, стулья купи, стаканы, чтобы вино и воду наливать, – велел некогда немой старец.

Опешившая внушка послушалась и закупила не только стаканы, но и тарелки. И каково же было ее удивление, когда каждый день она обнаруживала все новые и новые конверты в тазу. На них она оформила долгосрочный заказ у Альбины на пироги и вино – чтобы подавать посетителям. Отремонтировала забор, побелила двор и купила дедуле красивую палку, украшенную позолоченной головой льва. Немой старец стал зарабатывать столько, сколько за всю свою жизнь не заработал. И постепенно вся семья включилась, поверила в легенду о провидце, всячески ее поддерживала и развивала. Поток благодарных клиентов не иссякал, как и конверты в бельевом тазу, ставшем священной тарой.

Именно Роман тогда подсказал дедуле «заработать» на своем открывшемся даре – исключительно чтобы успокоить домочадцев, которые уже муку по соседям ходили просить. А Варжетхан выступила в качестве экономиста – объяснила, сколько стоит консультация, сколько молитва, сколько гадание, в случае с дедулей – предсказание. Бабушка сначала решила возмутиться, а потом приняла доводы Романа – никаких конкретных сумм дедуля не просил, пожертвования носили добровольный характер, а то, что семья, наконец, зажила хорошо – так что в этом плохого? Если в предсказания старейшины верили, то он в этом не виноват. Люди верят в то, что приносит облегчение их душе. Кто-то верил в гадания Варжетхан и ее снадобья, кто-то – в разговор с провидцем. Так зачем лишать людей веры? Бабушка даже позвонила отцу Романа – Казику и рассказала про случай с немым старцем и про то, как Роман вышел из ситуации. Отец очень гордился сыном.

– Нет, ты не понимаешь, – объясняла бабушка, – он делал это искренне. Он считал, что должен так поступить.

– Да, да, конечно, – отвечал Казик. – Позвоню брату, пусть готовит место экономиста в гороно.

– Казик, дорогой, ты так ничего и не понял! У твоего сына есть душа. Редкое свойство для журналиста. Пусть мальчик пишет! Я больше не могу его мучить! Он очень талантливый.

Роман после этого случая стал лучшим интервьюером районной газеты. На все сложные интервью бабушка отправляла только его. Роман не отказывался ни от каких командировок. У него оказалось и еще одно качество, которым не обладала бабушка, – он блестяще говорил по-осетински. Он мог взять интервью по-осетински, перевести на литературный русский, не растеряв скрытого смысла, шуток, идиоматических оборотов. Роман был прирожденным переводчиком. Ему это особенно нравилось – переводить. Бабушка стала часто обращаться к нему за советом. Они даже вместе переводили непереведенные стихи поэта Хетагурова с осетинского на русский – бабушка ввела в газете литературную рубрику. Роман переводил предельно точно, бабушка находила нужный оборот в русском. Иногда юноша сам переводил стих, и бабушке не к чему было придрататься. Она ставила в газете подпись – перевод Романа такого-то. Люди быстро разнесли новость, и молодой человек стал востребован в качестве переводчика. Карьера Романа развивалась успешно. Его все любили. Бабушка назначила его старшим корреспондентом и повысила зарплату. Альбина не брала с него деньги за еду, поскольку Роман переводил ей рецепты: бабушка подарила Альбине книгу Молоховец, и повариха мечтала готовить по легендарным рецептам.

Роман ездил домой и привозил подарки матери – то колечко, то гарнитур. Казик мечтал о том, чтобы его сын уже стал экономистом – такой талантливый мальчик, такой дар пропадает! И звонил моей бабушке регулярно. Но бабушка уже тоже не могла обойтись без столь редкого кадра в своей газете.

– Ничего не могу с ним сделать. Мальчик так хорошо писать начинает. Я его еще месяц помучаю, ладно? – просила она.

– Ну что? – звонил Казбек Асланович еще через месяц.

– Казик, дорогой, я тебя очень люблю, но у тебя такой талантливый сын. Ты просто не читал его последний репортаж! И он прирожденный интервьюер. Так берет интервью, что даже я не понимаю, как ему это удастся.

– Мария, верни его домой. Его мать страдает.

– Хорошо, хорошо, верну. Еще немного помучаю и верну, – обещала бабушка.

Главный редактор получила в свои руки идеального ученика и не могла от него отказаться. Много позже она гордилась успехами Романа больше, чем своими, своей дочери и даже моими, своей внучки. А Роман всегда помнил о бабушке, называл ее своим учителем и преклонялся перед ней. Он был одним из мужчин, которые несли гроб бабушки на кладбище.

Тогда, в коровнике-ударнике, выполнявшую редакционное задание пару – Романа и Ольгу – разлучили. Юношу завели в дом, где познакомили с дочкой председателя (все же знали, что он из города и чей он сын, и мечтали заполучить такого зятя), а маму под каким-то предлогом завели в коровник, чтобы не мешала устраивать смотрины. Мама дошла по деревянным мосткам до середины коровника и застыла. Конечно, никакой музыки, которая способствует дойке, она не услышала. А услышала истошный вой и мычание. А еще как захлопывается дверь коровника. Вряд ли в том селе знали о маминых страхах, но точно знали, что Роман должен увидеть дочку председателя совхоза, влюбиться в нее немедленно, посвататься и сыграть свадьбу. Собственно, идея с коровником пришла в голову председателю совхоза не просто так. Он, чего и следовало ожидать, прекрасно знал мою бабушку и понимал, что только ударный труд и высокие показатели заставят ее отправить в совхоз корреспондента. Председатель совхоза как любящий отец, желавший счастья своей дочери, рассчитывал на Романа и не рассчитывал на мою маму, в которую молодой репортер был влюблен безнадежно и безответно. Уж что-что, а это в селе считывали сразу. Но опять же все в селе и в других селах, и даже в городе знали, что моя мама – ненормальная и никогда не станет хорошей женой. Оставалась надежда на то, что Роман увидит «хорошую» девушку, его разум возобладает над чувствами и «мальчик сделает правильный выбор». На это, возможно, рассчитывала и мать Романа, и его бабушка, и его старшие сестры, и даже его девяностодевятiletняя прабабушка, дай бог ей кавказского долголетия. Только отец Романа Казбек Асланович знал, что его сын не женится ни на дочке председателя совхоза-ударника, ни на дочке председателя сельсовета, ни на какой-нибудь другой девушке из приличной семьи. Когда-то давно Казбек Асланович был влюблен в мою бабушку и прекрасно понимал чувства сына. И не без внутренней гордости думал о том, что у его сына больше смелости, чем было у него в молодости. Его мальчик сам решает, что ему делать – где жить, где работать, в кого быть влюбленным. Конечно, в будущем он образумится, вернется домой, никуда не денется, и, возможно, женится на «хорошей девушке», чтобы не расстраивать мать, а сейчас – пусть живет, пусть чувствует, дышит свободой, занимается любимым делом и наслаждается жизнью. И в том, что он влюбился в Ольгу – дочку Марии – тоже нет ничего удивительного. Об этой девице даже в городе наслышаны – дерзкая, яркая, отрезала косу и ходит с короткой стрижкой. Шикарная фигура. Язык – что лезвие. Если рот откроет, то все – полоснет, как кинжалом. Любого мужчину за пояс заткнет. А уж как стреляет из винтовки в тире, как играет в шахматы, как ножи

метаает – мужчины ходят бледные от стыда за поражение. Какие дети у такой женщины будут! Вся страсть, огонь и таланты им передадутся от такой матери. Сыновья настоящими джигитами станут. Смелыми, ничего бояться не будут. На этой мысли Казбек Асланович себя обрывал – хуже женщины, вон до чего додумался, о чем размышлялся.

Казбек Асланович ошибся в своих предсказаниях во всем. У моей мамы родился не сын, а дочь. И мне не передались ее таланты ни в малейшей степени. Я не стреляю, не играю в шахматы, не завораживаю одним взглядом и не отрезаю волосы. Я совсем не смелая, а даже трусливая. Я стала писать, как бабушка. Я не перебираю женихов и рано вышла замуж. И живу с одним мужем уже двадцать лет. Хочу прожить еще как минимум столько же. Я готовлю, натираю полы и могу несколько часов посвятить выбору сковородки. Умею шить, вязать, доить, выбирать мясо на рынке, силиконить ванную, выкладывать винтовую лестницу, прибивать, штукатурить и вязать крючком. Умею делать отвары и варить сыр. Мама считает, что я скучная, серая и неинтересная, ограниченная примитивной тематикой – дом, муж, дети. Я не спешу ее переубеждать, потому что действительно такая. У меня узкий угол обзора.

Роман, кстати, в будущем действительно стал главным экономистом в горсовете. Женился поздно, почти в тридцать пять, когда вся семья уже и надежду потеряла и все завидные невесты получили решительный отказ. Роман выбрал в жены обычную русскую девушку – «туристку», которая случайно оказалась в тех местах. Девушка потом стала работать в городской газете, и Роман жалел только об одном – что она не успела познакомиться с моей бабушкой, лучшим журналистом в республике. Брак, надо признать, был на редкость счастливым. Девушка родила ему двоих детей – мальчика и девочку, которым Роман читал по вечерам книги и пытался привить любовь к литературе и творчеству...

А тогда Роман застрял за празднично накрытым столом, мама же застыла в самом центре коровника, на, можно сказать, перекрестке. Назад пути нет – дверь захлопнулась. До следующей дойки – пять часов. Впереди имелся просвет, но нужно было пройти еще половину коровника между коровами. Но одна из них вдруг рогами проломила деревянное ограждение. Нет, из загона она не вышла, хотя и могла. Ольга сначала стояла на перепутье, потом сидела, потом легла на деревянный помост. Она не могла выйти. Ей было так страшно, как никогда в жизни. Коровы мычали, стонали, бились о ограждения.

Позже выяснилось, что в этот день им сделали прививки, чем и объяснялось агрессивное поведение. Надо отметить, что председатель

совхоза прививки не подстраивал, так уж совпало. И доярки вовсе не запирали дверь, а лишь прикрыли. То есть маму никто нигде не запирал. Из коровника на руках ее вынес Роман. Бережно уложил в машину. Отказался от бидона парного молока и приглашения приехать еще раз, не по долгу службы, так сказать. Роман суетился над мамой, которая была ни жива ни мертва от страха. Она прижималась к Роману, как к спасителю, и тот млел от счастья.

– Ничего, она очухается и покажет свое настоящее лицо. Он вернется, – сказал председатель совхоза, провожая редакционный «уазик».

– Он так ее любит, как никакую другую девушку не будет любить, – сказала жена председателя совхоза.

– Какая разница, кого он любит? Женится он на другой. И пусть этой другой будет наша дочь.

– Ты тоже любил другую, а женился на мне? – спросила жена.

– Да, и не жалею, – ответил председатель совхоза.

Русская девушка принялась бы выяснять отношения – это в кого это был влюблен муж? Кого до сих пор хранит в сердце? Но осетинские женщины страдают молча. Тем более что жена председателя все знала заранее – сообщили родственницы. Своего рода это тоже счастье – знать все про своего мужа заранее. Про то, чем переболел в детстве, в кого был влюблен в шестом классе, кому назначал свидания на берегу реки. Сейчас есть соцсети, тогда были соседки, дальние родственницы, которые при желании могли припомнить все.

Я прекрасно помню, как спрашивала свою будущую свекровь о наличии или отсутствии наследственных заболеваний. И она чуть ли не в обмороке лежала, считая, что я перешла грань дозволенного. Но для меня это считалось нормальным. Никто не выходил замуж и не женился, пока не узнавал, кто чем болел до седьмого колена. Никто не делал скрининги, анализы ДНК и прочие исследования – тогда их просто не существовало. Но еще до заключения договора о браке родственники будущих молодоженов собирали полную информацию. Именно поэтому моя мама слыла завидной невестой, хотя и считалась незаконнорожденной. Ее биологический отец был князем из знатного уважаемого рода. А я была внучкой князя из знатного рода, поэтому ко мне сватались чуть ли не с рождения.

Тогда же бабушка, конечно, устроила маме скандал за сорванный репортаж. А все село получило новый повод для шуток. Где бы ни появлялась мама, ей обязательно кричали: «Ольга, приходи к нам, мы тебе молочка нальем, парного».

Чтобы как-то реабилитировать дочь перед всем селом, бабушка нашла ей новое задание, в котором не было никаких домашних животных.

Кровь за кровь

В районе, а бабушкина газета считалась районной, а не сельской, объявили указание партии и правительства – сдавать кровь в больницы. О почетных донорах писали заметки, делали репортажи с портретами, выделяли путевки в пансионаты и льготные места в институте. За сдачу крови полагались горячий обед, стакан кагора и отгул. Мама тут же согласилась сдавать кровь чуть ли не каждый день, чтобы не появляться в редакции. Бабушка велела ей не только сдать кровь, но и написать о том, кому эта кровь понадобится, взять интервью у медсестер, у других доноров и благодарных пациентов, которые выжили благодаря переливанию.

Бабушка заявила, что Роман останется в редакции, хотя он и кричал, что у него редкая группа крови, которой он готов поделиться. Никаких подстраховок. Пусть ее дочь выполнит ответственное задание сама. И мама отправилась в городскую больницу для выполнения высокой миссии. Кровь она сдала. Горячий обед съела. Выпила стакан кагора. Взяла интервью у медсестры. Вышла на крыльцо, где благополучно упала в обморок.

На ней была летняя панамка, которая при падении свалилась на землю. При этом даже платье не задралось. Пока мама лежала в обмороке, ей в панамку накидали мелочи, еды, несколько бумажных купюр. Дали даже больше, чем нищенке, которая всегда сидела у ворот больницы. Собственно, профессиональная нищенка и подняла на ноги врачей. Сначала она переругивалась с соседкой, которая улеглась на ступеньках, да так удачно, что собирала все подаяние. Потом стала ей угрожать. И только потом подошла и увидела, что девушка совсем белая, совсем холодная, несмотря на жару, и почти совсем мертвая. Все это заняло минут пять, не больше. Нищенка, знавшая весь персонал больницы, включая главврача, добежала до его кабинета и заставила выйти на ступени. Мама была уже не белая, а синяя. Ее быстро погрузили на носилки и перенесли в палату. Когда она очнулась, то увидела над собой грязное лицо нищенки. После чего снова отключилась. Профессиональная побирushка обшарила карманы маминого сарафана и нашла редакционное удостоверение. После чего снова вызвала главврача, суя ему под нос удостоверение, настояла на капельнице и даже продиктовала состав препаратов, которые нужно ввести внутривенно. Главврач с ужасом уставился на нищенку, которую видел на ступенях больницы каждый день, каждый день собиравшая ее прогнать, но не решался. Женщина была деликатной, вежливой и нравилась

посетителям – она всегда молилась за здоровье, если ей давали деньги именно на это. Она разговаривала с родственниками больных, и те уходили со двора спокойными.

Главврач больницы, Тамерлан Аланович, был давним другом бабушки. Именно он организовал кремацию Тимура. С бабушкой он был знаком еще по полемому госпиталю, и когда увидел фамилию мамы и название газеты в удостоверении, ему самому понадобилась медицинская помощь. Тамерлан, Тамик для бабушки, положил под язык таблетку валидола и велел медсестрам сделать все, что сказала нищенка. Состав капельницы ему показался идеальным, фронтовым. О таком составе знали только военные хирурги, и то не все, а лучшие.

Молоденькая медсестра пыталась вставить в вену больной катетер. Вены у моей мамы тонкие, и медсестра никак не попадала. Нищенка взяла бутылку со спиртом, быстро вымыла руки над раковиной, вырвала у медсестры иглу и поставила катетер. Подкрутила капельницу. Твердые, профессиональные жесты. Тамик, раскрыв рот, следил за ее действиями. Это был высший пилотаж. Явно медсестра экстренной хирургии.

– Вы кто? – спросил он, сглотнув слюну.

– Ляля. Меня все звали Ляля.

– Почему вы побираетесь?

Ляля пожала плечами.

– У кого вы служили?

– Он умер. Застрелился, – Ляля назвала фамилию гениального военного хирурга, который пустил себе пулю в висок, когда на операционном столе умерла его жена.

Дальше началась фантазмагория. Тамерлан велел Ляле помыться и ассистировать ему на операции. Остальные медсестры стояли столбами. Ляля подавала инструменты еще до того, как об этом ее просил главврач. Бабушке позвонили в редакцию, она приехала уже к вечеру. Мама лежала под капельницей и была уже не такой бледной, даже слегка розовой. Потом они втроем – Ляля, Тамик и бабушка – пили коньяк. Тамерлан плакал и просил прощения у Ляли за то, что столько времени ходил мимо и практически не замечал ее на ступенях больницы.

– Почему ты мне сразу не сказала, кто ты? – причитал Тамик, наконец получив в свое отделение лучшую медсестру, о которой не смел и мечтать. Новенькие, молоденькие, они не такие.

– Не знаю, – честно отвечала Ляля, – стыдно было напрашиваться.

– А сидеть на ступенях не стыдно? – кипятился главврач. – Профессию терять не стыдно?

Бабушка была на стороне Тамерлана. Она тоже считала, что предавать профессию – самый ужасный грех в жизни. Непростительное предательство. Особенно если есть хоть капля таланта. Они дружно осудили Лялю, перевезли ее в общежитие для сотрудников больницы и велели завтра в восемь утра быть в операционной.

Репортаж опять не получился. Ольге запретили сдавать кровь.

Кстати, позже мама все-таки стала почетным донором. У нее был значок и грамота. Кровь она сдавала не по зову сердца, а тогда, когда ей требовался отгул. Если я, маленькая, болела, а сидеть со мной было некому. Если требовались льготные путевки на море – опять же ради меня, родившейся недоношенной. Мама шла и сдавала кровь. Потом сама чуть не умирала. У нее редкая группа крови, можно сказать, уникальная. У меня тоже редкая группа, и мне тоже запретили ее сдавать по медицинским показаниям.

Объявления как жанр, или Как сделать приятное свекрови

У бабушки как у главного редактора газеты были и другие обязанности – прием уважаемых лиц всего района и освещение важных событий районного масштаба. Среди очень важных событий значились юбилеи двоюродного дяди сестры начальника милиции, поздравления с началом нового театрального сезона главной Дездемоны главного и единственного театра села (которая также отмечала полувековой юбилей), поступление в столичный вуз старшего внука директора сельпо и прочие достижения жителей. Если в газете появлялась пусть даже крошечная заметка, ее показывали на торжественном мероприятии всем гостям, после чего хранили в семейном архиве.

Однако главное место на полосе занимали объявления о поминках – в такой-то день, в таком-то доме. В районе однофамильцев было не просто много, а очень много. Объявления выходили в четверг, а уже в пятницу в редакции разрывался телефон. Раньше объявления выходили по пятницам, но день бабушке пришлось изменить, чтобы звонившие могли дозвониться, а не ехали в село в субботу и не искали главного редактора по всем адресам.

Родственники или те, кто считал себя родственниками, а также знакомые и близкие друзья семьи звонили в газету узнать: неужели скончался Теймураз? Только ведь вчера его видели! А если не Теймураз, дай бог ему кавказского долголетия, тогда кто из представителей фамилии?

В редакции на телефоне сидела бессменная секретарша Офелия. Бабушка звала ее Офа. Она плохо печатала, делала миллион ошибок, но у нее нашлось одно бесценное качество – она оказалась просто кладезем информации про всех жителей села в четырех поколениях. И что удивительно – все прекрасно помнила без всяких записей. Бабушка бы давно ее уволила, если бы не пятничные звонки. Офа знала про людей больше, чем ЗАГС, больше, чем роддом, иногда даже больше, чем родная мать про собственного ребенка, и могла пересказать любую сплетню в районном масштабе – хоть старую, хоть новую. И секретарша умела говорить по телефону так, будто сидела во дворе и пила кофе. Только Офа умела успокоить взволнованных родственников по линии «седьмая вода на киселе».

– Да нет, это не ваш Теймураз, пусть он будет здоров! Это другой. Нет, он вам не родственник! – кричала Офа в телефонную трубку. – Если бы он был вам родственник, то я бы первая знала! Нет, он не был женат на троюродной сестре вашего двоюродного дяди. Откуда я знаю? Оттуда, что уважаемый Теймураз был женат на моей тете! И вы думаете, я плохо знаю своего дядю?

– Ох, тетя Мзия, перестаньте кричать, или вы не желаете мне здоровья? Нет, в газете не ошиблись. Точно вам говорю. Да, своими глазами видела. Нет, я не слепая, но если вы не перестанете кричать, то стану глухой. Нет, умер не тот Алик, про которого вы думаете и которого не любите, потому что он женился не на вас, а на Кристине. Да, ваш Алик жив-здоров и все еще женат на Кристине. Это другой Алик. Да, я не хотела вас расстраивать. Если умрет ваш Алик, я первая вам позвоню и обрадую. Что передать Кристине? Нет, в газете это нельзя напечатать. Вы сами можете ей это сказать – выйдите в свой огород и крикните через забор. Да, я знаю, что вы так делаете каждый день. Тетя Мзия, мне нужно работать.

– Здравствуйте, дядя Алик. Я знаю, что вы не умерли. Да, знаю, что тетя Мзия уже всем рассказала, что это вы умерли. Нет, мы не можем опубликовать опровержение. Почему? Потому что вы сами опровержение. Пока шли до почты, вас все видели. Не верят? Так идите домой, и пусть все еще раз вас увидят. Да, долгих вам лет жизни. Что? Кристина хочет что-то спросить? Носить ли ей траур? Нет, вы же живы. Что, ей идет черное и у нее новое платье? Пусть подождет немного, кто-нибудь умрет, и она наденет свое платье. Откуда я знаю, что скоро похороны? Мне положено знать. Я же в газете работаю. Кто именно умрет? Надо родственников предупредить? Нет, не надо никого расстраивать раньше времени. Нет, даже по секрету не скажу.

– Эльдар, ты-то что звонишь? Нет, это не твой родственник. Да, он княжеского рода, а ты нет. Кого ты хочешь обмануть? Он однофамилец. Да, так бывает. Нет, он не приходится тебе дядей. И тетей тоже не приходится. Успокойся уже! Посмотри на себя, какой из тебя князь!

Иногда в объявлениях позволялись вольности, которые бабушка обожала, хотя никогда бы в этом не призналась. Как-то к ней пришла молодая девушка. Долго сидела в приемной, не решаясь войти.

– Что ты хочешь? – Бабушка вышла к ней в коридор.

– Объявление, – испуганно прошептала девушка. На вид ей было от силы лет девятнадцать.

– Надо идти в отдел объявлений, – сказала бабушка.

– Нет, мне надо другое объявление.

Бабушка завела девушку в кабинет и выяснила подробности. Оказывается, девушка, которую звали Юлия, русская по отцу и только по матери осетинка, недавно вышла замуж. И свекровь ее не любит. В этот момент девушка начала плакать.

– Она считает, что я не осетинка, – пожаловалась Юлия. – А правда, так бывает, что по матери национальность считается?

– Правда, у евреев, – ответила бабушка.

– Какая правильная традиция! – обрадовалась Юлия, но потом снова залилась слезами.

У свекрови намечается юбилей – пятьдесят лет. И надо ее поздравить, непременно через газету. А как поздравить таким образом, чтобы свекровь ее полюбила, ну хотя бы немного?

– Я хочу ее лично поздравить, чтобы она поняла, что я хорошая невестка. Понимаете? А муж говорит, что надо подписать поздравление, как положено: «Поздравляем, желаем кавказского долголетия. От детей и внуков».

– Хорошо, – обрадовалась бабушка, получив неожиданный повод для нестандартного творчества. – Я сделаю тебе объявление. Такое, какого ни у кого не было.

– Только чтобы она меня из дома после этого не выгнала, – попросила Юлия.

После ее ухода бабушка ненадолго задумалась и вызвала в кабинет Офу.

– Что ты знаешь про эту девушку и про ее свекровь?

– Юлия такая хорошая, просто подарок судьбы, а не невестка, – тут же начала выдавать информацию секретарша, – а Дзера – это ее свекровь – жизни бедной девочке не дает. Совсем замучила придирками. Просто с цепи сорвалась! И все потому, что у девочки папа русский. Да у самой Дзеры дед был русским! Или она забыла? Так найдутся те, кто напомним!

– Так, а что или кого любит эта Дзера? Дзерасса ведь полное имя?

– Себя она любит больше всего. Даже больше сына. Зачем заставляет мальчика выбирать между женой и матерью?

– Так, а какие комплименты она ценит? Хотя прости, ты, наверное, не знаешь таких подробностей...

– Как это не знаю? Да все знают! Дзера все молодится! Одни себе годы приписывают, а Дзера списывает.

– Так, подожди, у нее же юбилей – пятьдесят лет.

– Ага, тогда мне восемнадцать! – хохотнула Офа. – Шестьдесят ей!

– А ты откуда знаешь?

– Мария, разве я не должна это знать? Разве я зря здесь работаю? – обиделась Офа.

– Прости, просто не перестаю удивляться твоему таланту.

– Моя мама училась с Дзерой в одной школе. Только Дзера на два класса старше была. Вот и считайте.

– Офа, ты гений. Тебе нужно в информационном бюро работать или вести собственные записи. Цены таким сведениям нет!

– Ой, Мария, я хотела, но не могу, как ты. Я писать не могу, устаю быстро. А если говорить, то не устаю. Я хотела записать, но не знаю, с чего начинать. Вот когда у меня спрашивают, то я сразу рассказываю.

– Ты попробуй, попробуй, сразу ни у кого не получается... – сказала бабушка, уже начав составлять текст объявления.

– Мария, у меня просьба есть. Можно мне заранее узнавать про объявления? Ну хотя бы в среду. Чтобы я подготовиться могла к пятнице. Люди-то разные звонят, к каждому особый подход нужен, – попросила секретарша.

– Конечно, можно, вот, возьми полосу, там все есть.

Бабушка начала быстро писать на листе бумаги. В газете вышло объявление, которое вошло в историю села и всего района:

«Любимую и самую мудрую свекровь, красавицу, которой нет равных, Дзерассу, самую молодую в селе бабушку поздравляю с юбилеем. Желаю кавказского долголетия и оставаться такой же прекрасной, как всегда. Невестка Юлия. Сын и внуки присоединяются».

Когда газета вышла, все в селе заговорили, что невестка так любит Дзерассу, что ни одна невестка так не любит свекровь. Надо же было такое объявление написать! Так ею восхищаться! Это же просто счастье – иметь такую невестку. Дзерасса, собиравшаяся что-то возразить, умолкла – раз все село считает, что невестка ее любит, то она тоже должна ее полюбить.

Юлия потом приходила к бабушке и приносила подарки – связанные лично носки на зиму, варенье всех видов. Мне Юля связала юбочку и жилетку, и я ходила самая счастливая.

Эта девушка считалась родоначальницей нового жанра объявлений – лиричного, даже личного. Теперь все сыновья, поздравляя своих матерей, отмечали их мудрость. Все невестки – красоту и молодость.

Объявления бабушка считала очень важным жанром. Каждый текст она отсматривала лично. Однажды пришло письмо: «По случаю юбилея со дня основания селения приглашаются выходцы из села». Главный редактор возмутилась. Разве так можно приглашать? Кто же приедет? А если выходцы уже умерли, а их дети живы и уехали? На помощь, как всегда,

пришла Офелия. Она лично разговаривала со старейшинами села и собирала информацию – какие фамильные кланы жили во время его основания? Кто из детей уехал, кто остался? У кого родились внуки? Каждый старейшина считал, что знает больше остальных и то, что сказал, например, уважаемый Заур – это не он сказал, это его память сказала, которой уже последние тридцать лет нельзя доверять. Уважаемый Заур бил палкой о землю и настаивал – выходцами могут считаться три фамилии. Остальные к селу не имеют отношения. Они – «туристы». А уважаемый Альберт не вспомнит, что ел на завтрак, откуда ему знать, какие фамилии село основали? Офелия провела настоящее расследование и все-таки нашла и выходцев, и их детей, и внуков – все имена, кто кому кем приходится и кто с кем не разговаривает уже лет пятьдесят, кто на ком хотел жениться, кто из женщин лучше всех пек пироги, а кто лучше всех танцевал. Бабушка лично написала объявление: «Алик, Аслан, Тимур, вы же помните, кто были ваши предки, как они основали село, в котором вы появились на свет? Давид, ты же не забыл то дерево орешника, под которым назначал свидание Анжеле? София – о твоей свадьбе до сих пор рассказывают во всех селах, такая ты была красивая! Иза – как ты танцевала, никто после тебя не танцевал! Ваш дом ждет вас!» Ну и что бы вы думали? Конечно, все приехали, обливаясь слезами. Так юбилей села отметили, что все окрестные села обзавидовались. Еще и Дом культуры отремонтировали на деньги «выходцев», целую плантацию орешника торжественно посадили.

Уступал объявлениям только репортаж «Письмо позвало в дорогу». Поскольку газета считалась районной, то бабушка отвечала не только за наше село, но и за соседние. Как раз из соседнего населенного пункта пришло письмо с просьбой написать о семье комбайнеров – ударников труда. Там даже не семья была, а целая династия – и деды-комбайнеры, и внуки, и правнуки. За комбайнеров просили из города – бабушке звонили из горсовета. Кто-то там в горсовете приходился внучатым племянником деду-комбайнеру и хотел сделать ему приятное. Вероятно, по случаю юбилея. Поскольку задание было легкое – поехать, записать имена всей династии, не перепутать дедушку с прадедушкой, добавить две строчки про преемственность поколений и вернуться, то на задание бабушка отправила маму. Через два дня от Ольги никаких новостей не поступило. Через три дня бабушка отправила за мамой Романа. Когда сгинул и Роман, бабушка отправила в соседнее село фотографа Алика, чтобы вернуть «молодежь» домой и заодно сфотографировать династию на фоне комбайна. Районное начальство настаивало на заметке непременно с фотографией на половину газетной полосы. Однако Алик тоже сгинул. Прошло уже больше недели, а

ни репортажа, ни съемки, ни сотрудников на рабочих местах. Бабушка поехала в село сама.

Мама была не виновата. В тот день, когда она приехала, в славной семье комбайнеров отмечали пополнение. Следующее звено в династическом роде – рождение сына, внука, правнука и праправнука. Маму усадили за стол и не выпускали. Когда приехал Роман, его тоже усадили за стол. Когда узнали, чей он сын и из какой семьи происходит, то из-за стола тоже решили не выпускать. А когда приехал Алик, про которого, конечно, и так все знали, праздник развернулся с новой силой. Алик мастерски зарезал еще трех баранов. К тому же младенец умудрился родиться всего на какую-то неделю раньше, чем его прадед, отмечавший, естественно, юбилей, так что один повод плавно перетек в другой. Когда приехала бабушка, ее встретила жена деда, считавшаяся старшей женщиной в семье, и чуть ли не кинулась ей на шею. Через неделю ожидался день рождения среднего сына, и она молилась всем богам, чтобы отмечание уже закончилось. Бабушка вытащила из-за стола Алика, быстро собрала всю династию, построила возле комбайна, и Алик нажал на затвор. Нажал с трудом, поскольку был пьян. Бабушка вытащила из-за стола Романа и свою дочь, всех погрузила в машину и торжественно объявила гостям об окончании «мероприятия».

Заметка наконец вышла в газете. Алик еще долго переживал свой позор – горизонт на фото был «завален», родной дядя второго по рангу в династии человека стоял с закрытыми глазами, а на заднем плане можно было разглядеть собаку, которая подняла лапу на колесо комбайна. Алик требовал уничтожить тираж, но бабушка отправила его к Альбине – рубить головы курам и не появляться ей на глаза. Впрочем, фотографией и заметкой все остались довольны, включая райсовет.

Роману бабушка влепила строгий выговор, а свою дочь пообещала выдать замуж за первого встречного и перевела в отдел писем.

Гражданская оборона, или Чем оборачивают директивы сверху

Профессиональные проколы случались и у бабушки. В очередной раз позвонило районное начальство и объявило директиву – провести учения по гражданской обороне и осветить их в прессе. В приказном порядке поместить на первой полосе фото стоящих в противогазах сельчан, которые спасаются от химической атаки. Передовое село должно показать пример другим селам. Статью взяли «на контроль». На подготовку дали неделю.

Куда поставить сельчан в противогазах, было непонятно. Единственная площадь перед Домом культуры не подходила. Не стоять же в таком виде под памятником Ленину рядом с цветочной клумбой. Бабушка позвонила в райсовет и спросила, где конкретно должны стоять сельчане в случае химатаки.

– На поле, – ответил бабушке райсовет.

– Кукурузном? – уточнила бабушка.

– Зачем? Пусть стоят на футбольном, – велел райсовет.

Бабушка аккуратно положила трубку и пошла в сельсовет. Проблема заключалась не только в том, что противогаз в селе имелся всего один – у военрука школы, который тот хранил как зеницу ока и показывал издалека. Но и в том, что в селе не было футбольного поля.

– Что делать? – Бабушка пришла в сельский совет в панике. Она еще могла попытаться добыть за неделю противогазы, но как сделать за неделю футбольное поле? И где это поле «поместить»?

– На стадионе, больше нигде, – сказал председатель сельсовета Алан.

Сельский стадион представлял собой поле со всполохами крапивы, лопухами в человеческий рост, беговой дорожкой, посреди которой зияла яма, невесть откуда появившаяся. На стадионе молодые парни обкатывали мотоциклы. Так что поле представляло собой полосу препятствий. Там же обычно проходили учения по метанию деревянной гранаты и прыжки в длину. Угол стадиона занимала куча песка. Ну раньше она была кучей, а сейчас – кучкой. Если кто-то из соседей делал ремонт, то на стадион сваливали песок, откуда его перевозили на тачках по мере необходимости. Все лучше, чем двор дома заваливать.

Срочно по тревоге на стадион созвали всех работоспособных жителей села – разгребать, выпалывать, выравнивать, заделывать. Бабушка села в

редакционный «уазик» и поехала по населенным пунктам – доставать противогазы.

К назначенному дню поле было прополото и вспахано. На стадионе собраны сельчане из числа молодых и крепких, поскольку бабушка не была уверена в качестве позаимствованных противогазов в числе десяти штук. Парней выстроили, заставили надеть противогазы, Алик принялся щелкать камерой. Бабушка отправила снимки на утверждение в райсовете. Райсовет немедленно перезвонил и принялся орать и брызгать слюной. Неубедительно стоят люди, слишком расслабленно, а один и вовсе курит! Переснять срочно. Но главное замечание относилось не к курильщику, который сдвинул противогаз на затылок – бабушка с Аликом смотрели на снимки и не могли понять, как они оба такое пропустили, – а к тому, что поле коричневое.

– А какого цвета должно быть поле? – аккуратно уточнила бабушка.

– Как какого?! – заорал райсовет. – Зеленого, конечно! Вы что, футбол никогда не видели? Срочно все переделать! И участников должно быть больше! Неделю на подготовку!

Бабушка знала, как написать репортаж, передовицу, сделать большой материал, но не знала, как озеленить поле в течение недели. И не знала, откуда достать еще противогазов. То, что в соседних селах запас был исчерпан, она знала точно. Военруки ей чуть ли не именные отдавали.

– Какая разница, какое поле? Фотографии ведь черно-белые, – прошептал Алик.

Бабушка ухватила за эту мысль и перезвонила в райсовет. Может, пусть поле останется коричневым, а противогазов станет больше?

– Кого вы пытаетесь обмануть? – строго спросили в райсовете. – Читателей? Они должны верить, что поле зеленое! Даже если фотография черно-белая. Она должна светиться зеленым! Вы – село – передовик производства и не хотите подтвердить свою репутацию? Не хотите подать пример?

Бабушка хотела, но не знала как. Ладно еще противогазы, но трава не вырастает за неделю.

Главный редактор пошла к Варжетхан в надежде найти средство для ускоренного роста травы.

Знахарка затянулась привезенной в подарок из города «Явой», как делала всегда, когда ей нужно было подумать, и выдала совет:

– Покоши крапиву у себя на участке, и пусть ребята заодно покосят траву вдоль железной дороги.

– Зачем? – не поняла бабушка. – Кому трава и крапива мешают?

Скажи, что мне делать!

– Я и говорю. Тебе нужно зеленое поле или нет?

– Нужно.

– Так вот, скошенную траву разбросай по полю. Оно будет зеленым.

– Видно будет, что трава не растет, а лежит.

– Пусть Алик снимет так, чтобы она росла.

Поскольку других вариантов не нашлось, бабушка пошла в сельсовет и объявила о новом плане. Председатель сельсовета Алан идею воспринял с энтузиазмом – траву потом можно будет отдать совхозу на корм.

Траву покосили, разбросали по полю. Укладкой руководил фотограф Алик – где бросать побольше, где поменьше. Некоторые кусты крапивы вырывали в землю, имитируя футбольный газон. Снова выстроили молодых парней, велели не курить, не болтать, стоять так, будто сейчас начнется химическая атака, то есть изобразить телом страх и напряжение. Алик снял со всех возможных ракурсов, съемку отсматривали вместе с Аланом. Наконец, отправили самый лучший кадр, к которому вроде как нельзя было придраться, в райсовет. Райсовет тут же перезвонил и снова кричал в трубку:

– У вас что, из всего села всего десять человек выживут? Остальные умрут?

– Противогазов больше нет. Нигде, – сказала бабушка, промолчав, что у одного противогаса была оторвана трубка, у другого выбито стекло, в третьем можно было сразу задохнуться. А четвертый и пятый наспех сшиты из куса брезента и водопроводных труб.

– При чем тут противогазы? – завопил горсовет. – Остальные люди где? Где старики и дети? Они должны первыми спастись! Учения должны быть массовыми! Вы слышите, массовыми! И лица должны быть живыми! Где у вас живые лица? И где военком? Кто командует учениями?

Бабушка не стала сообщать райсовету, что военком присутствовать на учениях никак не мог – уехал в город на свадьбу племянницы по мужу старшей дочери двоюродной сестры жены. И если бы ему пришлось выбирать – учения или жену, то он бы выбрал жену, которая не собиралась пропускать эту свадьбу даже под угрозой атомного взрыва.

– А что должны делать остальные люди... которые без противогазов? – уточнила бабушка.

– Как что? Это же гражданская оборона! Учения! Вот и пусть учатся! Неделю на подготовку!

Бабушка положила трубку. Как нужно учиться, она не знала. Чего ждет от нее райсовет, не понимала. Как можно снять живые лица в

противогазах – тем более. И уже готова была проститься с должностью главного редактора газеты. Алан достал коньяк, чтобы обмыть свой уход с поста главы сельсовета. Только Алику ничего не угрожало. Он все равно не остался бы без работы – рубил бы кур у Альбины в «Кафэ-Рэсторане».

– Что будем делать? – спросила бабушка.

– Не знаю. Надо быстро решить. Траву жалко – пропадет, а я ее уже обещал совхозу, – ответил Алан.

– Алик, что ты предлагаешь по кадру?

– Ну, этих в противогазах оставляем, детей можно выстроить в колонну по парам, еще группу положить лицом в землю. Пусть голову прикрывают.

– Это же не бомбежка, а химическая атака, – напомнила бабушка, – и райсовет требует лиц.

Алик выдал матерную реплику и извинился. Алан выпил залпом коньяк и налил еще.

– Ладно, завтра утром, пока трава не пожелтела, выведем людей на поле. Будем импровизировать. Алик, идея с детьми в колоннах мне нравится. Снимем все варианты. Дети идут строем, кстати, куда они могут идти? В бомбоубежище? Надо уточнить, где спасаются от химических атак, чтобы сделать подпись к фото. Нет, бомбоубежище не подходит – у нас его нет. Надо придумать, куда вести детей. Следующий кадр – люди надевают противогазы. Подумай, что еще сделать с людьми. В любом случае снимаем завтра. Даже если мы потеряем работу, хоть скотина не будет голодная и трава не пропадет. И да, Алан, проследи, чтобы военком был на месте. Алик, сделай его отдельное фото.

Наутро был объявлен общий сбор по селу. Пришли все – женщины, старики, дети. Некоторых детей родители нарядили в парадную форму и прицепили белые банты, как делали всегда, когда устраивался общий сельский сбор. Детей выстроили в колонну. Женщин отвели к старикам, чтобы каждая делала вид, что помогает увести пожилого человека. Все были злые, нервные, дети выпадали из колонны, молодежь уже с ненавистью смотрела на противогазы. Старики норовили присесть на лавочку, женщины искали тень и обсуждали недостиранное белье, недоваренное варенье и прочие хозяйственные дела.

Алик бегал по полю и пытался что-то снять. Алан делал попытки удержать в более или менее стоячем виде военкома, которого доставил водитель Эльбрус часом раньше, вытащив из-за стола.

И вдруг раздался шум. Все задрали головы и уставились в небо. Над головами пролетел самолет-кукурузник. Сделал круг и зашел на новый.

Кукурузник летел так низко, что дети невольно присели. Женщины кинулись к детям.

– Что случилось? – кричали все.

Никто не знал, откуда над полем появился кукурузник и почему не улетает.

Зайдя на третий круг, кукурузник выпустил нечто, похожее на облако. Дети закашлялись, женщины стали хватать детей и стариков и уводить их с поля, молодые парни нацепили противогазы. Алик снимал. Военком глотнул из фляжки. Лица испуганных детей, ополоумевших от ужаса женщин, стариков, которые смотрели в небо и никуда не бежали. Они принимали судьбу в любых ее проявлениях, пусть даже в полете кукурузника. Бабушка пыталась призвать всех к спокойствию, что было бесполезно. Она кричала, что это кукурузник и бояться нечего. Ну залетел не туда, с кем не бывает? Алан с военруком пили коньяк, как в последний раз.

Кукурузник зашел еще на один круг и снова выпустил облако. Нет, на поле не началась паника. Дети сами выстроились в колонны и послушно пошли. Женщины под руки выводили стариков. Молодые ребята сорвали с себя противогазы, отдали их детям и бросились помогать женщинам. Бабушка стояла посреди поля. Она была в ужасе. От того, что люди ее не слышали. Она кричала, что это кукурузник, что никакой химической атаки нет, но люди... им было страшно.

Алик продолжал щелкать затвором.

Варжетхан в сопровождении врачей местной больницы оказывала первую помощь – дети кашляли, матери хватались за сердце.

Уже поздно вечером Алик, бабушка, Алан и Варжетхан, которая весь день бегала по селу со своими настойками и помогала в местной больнице, собрались в редакции. Алик выложил на стол фотографии, которые успел проявить и напечатать, чтобы выбрать одну и отправить на согласование в горсовет. Все молчали. Никто не знал, что сказать. Алик все-таки был гениальным фотографом. Он снял все – страх, ужас, горе, обреченность, героизм, панику, самопожертвование. Бабушка в парадном костюме и в орденах посреди поля. Кричит куда-то в небо. Военком, застывший на месте как вкопанный. Варжетхан, склонившаяся над стариком. Что просил райсовет? Лица? Лиц было много. Все молчали, разглядывая фотографии. Зашла Альбина и принесла еду – никто с раннего утра ничего не ел. Она смотрела на фото, разложенные на столе, и плакала. Тихо и беззвучно. Как плачут женщины в моменты настоящего горя. Все ждали, что скажет бабушка.

– Так, мы ничего отправлять не будем, – наконец, произнесла она. – Мы дадим фото на первой полосе. Без текста. Только фотографию. Под заголовком про возможную химическую атаку. И все остальные фото на развороте. Без подписей. Алик, выбери на свой вкус. На свой, – подчеркнула бабушка. – Узнаю, кто там летал, лично убью.

Газета вышла с фотографиями, которые не прошли согласование. Номер разошелся по соседним селам. Газету передавали соседям, плакали. Черно-белые фотографии. Лица. Изрытое поле. Лица стариков, детей. Противогаз с сорванным шлангом. Ужас в глазах парня, которому достался противогаз без стекол. Женщины, которые выводят стариков и детей. Ребенок, которому молодой парень пытается надеть противогаз. Вся газета была посвящена угрозе химической атаки.

– Нас всех уволят, – сказал Алан.

– Ну и пусть, – ответила бабушка, любуясь номером и складывая газету в отдельную папку, в которую попадали только те номера, которые ей были по-настоящему дороги.

– Что делать с Тенгизом? – спросил Алан.

– А что ты с ним сделаешь?

Бабушка выяснила, что в тот день над полем летал Тенгиз – главный пилот кукурузника. И единственный. Надо было опрыскать поле, но Тенгиз накануне гулял на свадьбе брата и очень за брата радовался. Так радовался, что поутру свернул не туда. Ошибся направлением. Когда он пролетал над полем, то удивился – откуда столько людей? И почему поле стало зеленым? Сделал еще один круг, чтобы рассмотреть поподробнее – дети, женщины, парни выстроены. Пока разворачивался, случайно нажал на кнопку сброса удобрений. Не специально же! Просто свадьба у брата, так радовался за брата, так хорошо отмечали! Когда он понял, что удобрения уже сбросил, то вернулся на базу – поле назначения опрыскивать было уже нечем. Свадьба продолжала гулять, Тенгиз снова радовался за брата, который так хорошо женился – на такой красивой девушке, из такой хорошей семьи! Про удобрения он и не вспоминал. Собирался позже расспросить, что там на поле происходило – может, праздник какой. Но не до этого было –

Тенгиз то тосты произносил, то танцевал. Бабушка нашла его на этой самой свадьбе и чуть не убила. Она вытащила его из-за стола, протащила к колодцу, вылила на него ведро воды и устроила допрос. Потом опять чуть не убила. И еще три раза пыталась убить. Тенгиз обещал больше не пить, никогда, опрыскать поля за свой счет, устроить детям экскурсию по кукурузнику и вести в местной школе кружок авиации. Еще бабушка потребовала у Тенгиза пройти по всем домам и объяснить перепуганным

жителям, что никакой химической атаки не было. Что это он, с похмелья, распылил не туда удобрения. И извиниться. И быть готовым к тому, что его убьют перепуганные женщины. Много раз. Тенгиз не хотел ходить по домам, но бабушка его заставила. Она шла позади и пихала его своим наградным пистолетом в очередные ворота. Тенгиз знал, что бабушка, главный редактор газеты, просто так размахивать наградным пистолетом не станет. Так что покорно шел, извинялся.

Из райсовета позвонили через два дня, хотя бабушка сидела в кабинете безвылазно. Она хотела принять удар на себя.

– Ну вы... зачем же так... как же это... вы же... – сказал райсовет и положил трубку.

Алика за тот репортаж наградили премией, съемку признали лучшей. Подарили новый фотоаппарат и иностранную пленку, к которой он даже прикоснуться не мог от восторга и ужаса. Алану как председателю сельсовета выделили комбикорм на целый год. Бабушку наградили почетной грамотой. Местную больницу завалили препаратами.

Все расходились молча. Бабушка осталась сидеть в кабинете.

– Ну что ты? Все же хорошо... – подошла к ней верная подруга Варжетхан.

– Страшно. Мне было по-настоящему страшно. Как на войне, – ответила бабушка и заплакала.

При чем здесь спички?

Бабушка в осетинском селе считалась странной по многим причинам. Во-первых, она была русской, которая прекрасно писала и читала по-осетински, но не говорила, хотя все понимала. Во-вторых, она дружила с местной гадалкой, ворожеей, знахаркой и страхом всего села Варжетхан. В-третьих, моя бабушка – женщина – стала главным редактором местной газеты районного масштаба, что считалось даже не чудом, а чем-то невероятным. Продолжать можно долго. Бабушка выходила замуж тогда, когда хотела, рожала детей от того, от кого хотела. Ее дочь, Ольгу, мою маму, должны были много раз сбросить в Терек как сбежавшую невесту и опозорившую род девушку, но она уехала в Москву. Бабушка имела связи везде – от глухого аула до Москвы. Ее знали все. Ей писали письма: «Северная Осетия. Редактору Марии» или «Северная Осетия. В газету. Марии», и письма всегда доходили. Она могла достать луну с неба и погасить солнце. При этом она не умела готовить, вязать, шить и делать все то, что делают осетинские женщины. Бабушка говорила с мужчинами на равных, на всех торжествах сидела за мужским столом. Она, православная, крещеная, похоронена на старом мусульманском кладбище, среди стел стоит обычный строгий камень с пятиконечной звездой – знак ветерана войны.

Бабушку уважали в селе. Ее берегли, хранили. Главной хранительницей была, конечно, Варжетхан. Меня любили всем селом, потому что я была единственной внучкой бабушки. И меня тоже оберегали, хранили и кормили всем селом.

Если бабушка делала что-то странное, соседки собирались и обсуждали – надо ли вмешаться или не стоит? Она это делает, потому что Лермонтов или потому что плохо себя чувствует? Потом все шли к Варжетхан, и та выносила вердикт – вмешиваться или нет. Бабушку все считали немного сумасшедшей. Никто не удивлялся, если у нее в доме по ночам горел свет. Если свет горел в другом доме, то соседи обязательно бы зашли, спросили, что случилось.

Бабушке было наплевать на свой внешний вид. В шкафу висели два костюма – один повседневный, для поездок по инстанциям, другой – с орденами. Два халата. И два «рабочих» платья. Если мама привозила ей наряды из Москвы, бабушка вешала их в шкаф. Не могла надеть платье или красивую блузку. Ей было неловко, что ли. Туфли, самые модные, которые

мама «доставала» в Москве, стояли в шкафу. В коробках. Мама приезжала и ругалась. Почему она их не носит? Зачем мама тратила деньги и покупала? Бабушке было неудобно.

– Ты хочешь ходить в портянках?

Да, бабушка, прошедшая всю войну, считала, что сапоги – лучшая обувь в мире и к ним обязательны портянки. Она не умела краситься, не умела наряжаться, не умела крутить бигуди. Нет, мне кажется, до войны она все это делала, а потом заставила себя забыть. Она была красавицей. С грудью, талией, светлыми волосами. Она просто не хотела тратить свое время на лишнее. Торопилась успеть в профессии. Писала каждый день, не давая себе права на отдых. Хотела успеть написать – репортаж, книгу, историю, сказку, не важно. Если не писала, то день считался прожитым зря. Пустым, бестолковым днем. Как бигуди – пустые и бестолковые.

Я тоже ходила в сандалиях или туфлях с вырезанными пальцами, когда обувь становилась мала. Бабушка брала ножницы и обрезала «перед». Мама спрашивала, как мне подошли новые, присланные ею туфли, и бабушка говорила, что не подошли – жмут, неудобно. Сколько я себя помню, я ходила в теплых штанах или рейтузах с начесом. Сверху платье или юбка, а под ними – штаны. Мама привозила мне из Москвы колготки, но никто в селе из девочек в колготках не ходил. Это даже считалось неприличным. Под школьным фартуком – теплая вязаная кофта. Бабушка не хотела, чтобы я выделялась из общей массы, как всегда выделялась моя мама. У меня были длинные волосы, без всякой челки. Я даже спрашивала у бабушки, когда смогу носить платок. Бабушка отвечала – «скоро».

Только иногда она вспоминала о том, что может быть женщиной, притом красивой. Я помню, как она приехала в Москву, и мама решила отвести ее в ресторан на ужин. Мама сводила ее парикмахерскую, где бабушке покрасили седину, сделали маникюр, педикюр. Дома бабушку ждало новое платье, туфли, чулки. Бабушка стерпела все. Но перед самым отъездом она села на диван и сказала, что никуда не поедет. Устала. Шесть драгоценных часов были потрачены впустую. И если она сейчас куда-то поедет, то вечером не напишет ни строчки. От усталости. Бабушка села за портативную механическую машинку и стала стучать по клавишам. Мама сидела в коридоре и плакала.

Я металась между ними и не могла понять, что случилось. Красивая, в вечернем платье, мама мне очень нравилась. И нравилась бабушка, которая так быстро стучала по клавишам машинки, что хотелось заглянуть ей через плечо и прочесть, что она пишет (это категорически запрещалось). Мама обещала привезти мне из ресторана пирожное, и я очень хотела это

пирожное. Но не хотела, чтобы бабушка от меня уезжала. Так что не знала, чью сторону выбрать.

Иногда в бабушке все же просыпалась женщина. Как-то она вдруг решила похудеть в области живота. Остальные места ее не волновали. Но талия – это для женщины все. Бабушка непременно хотела иметь талию.

– Что мне делать? – спросила она Варжетхан.

– Не знаю. Талию я не лечу, – рассмеялась та.

– Что мне делать? – Пришла бабушка к соседке Мадине.

Мадина от природы была худой, а после рождения третьего внука и вовсе стала стройной, как газель. Живот у нее был плоский, как у девушки. Так что она могла считаться экспертом по сбросу веса.

– Я хожу за младшим Георгием, – ответила Мадина, – наклоняюсь. То игрушку подберу, то его подниму. Спина болит, зато живота нет. Тебе что нужно? Спину или живот?

– Живот. Буду наклоняться, – решила бабушка.

Просто так наклоняться ей показалось неинтересно. И бабушка придумала, что будет наклоняться «за чем-то». Ее творческое мышление выдало подсказку. Утром бабушка брала коробок спичек, выходила во двор и, как сеятель, разбрасывала спички по участку. Потом ходила и подбирала. Так она делала «наклоны».

Конечно, соседки немедленно заметили эту странность. Но пожали плечами – может, Лермонтову так лучше думается? Но прошел день, второй, и соседки, естественно, заметили, что валяется на земле. Они пошли к Варжетхан и сообщили ей, что бабушка ходит и подбирает спички. Знахарка пошла в сельпо, купила упаковку коробков и пришла к бабушке:

– На, не позорься, – сказала она.

– Зачем? – удивилась бабушка. – Что у меня, спичек нет?

– Соседки считают, что нет, раз ты их с земли подбираешь.

Бабушка рассказала про свою систему – гимнастика со спичками. Варжетхан хохотала так, что соседки сбежались. Пришлось еще раз повторять рассказ про инновационный способ избавления от живота с помощью спичек. Соседки не рассмеялись, поскольку ничего не поняли. Но каждая принесла с собой упаковку спичек, так что у бабушки скопился запас на несколько лет вперед, а в сельпо запас закончился. Лана, продавщица, прибежала к бабушке и попросила назад коробки – завоз из города задерживался, а люди требовали спичек и удивлялись, почему нет. А если спичек нет, то надо и мукой запастись? И песок – сахар – брать мешками? Лана как могла успокаивала обеспокоенных жителей села и рассказывала всем про бабушкину гимнастику, но продавщице никто не

верил.

– Зачем она спички бросала? – спросила бабушка Тереза. Она недавно отметила свой юбилей – девяносто лет.

– Откуда я знаю? – чуть не плакала Лана.

– Почему листы не бросала? – продолжала рассуждать бабушка Тереза. – Ей бумага нужна, а не спички. Зачем я буду наклоняться за тем, что мне не надо? А что в городе говорят? Почему поставки нет? Лана, еще конфет мне взвесь и соли дай три пачки.

– Бабушка Тереза, зачем вам столько? Вы же уже закрыли огурцы!

– Если пропали спички, то соль тоже скоро пропадет, – ответила бабушка Тереза, – и хлеб мне дай, три буханки. Сухарей насушу.

– Бабушка Тереза, ну что вы всех пугаете? Если не верите мне, сходите к Варжетхан, она вам все объяснит.

– Зачем Варжетхан? Я столько живу на свете, что знаю, когда надо брать соль.

В сельпо столпился народ – все знали, что бабушка Тереза очень мудрая и повидала на своем веку столько, сколько никто не видел. И если бабушка Тереза берет соль, то тоже надо брать соль. В сельпо закончился запас и соли в упаковках, и даже женских комбинаций, которые всегда, в обязательном порядке надевались женщинами под платье. Лана уже чуть не стонала. Наконец, она закрыла магазин на обед и побежала сначала к Варжетхан, потом к бабушке, потом к Мадине. И три женщины объясняли жителям села, которые штурмовали сельпо, что ничего не случилось. Мадина рассказала бабушке, почему такая худая, рассказала про внука, за которым ходит и все поднимает. Бабушка объяснила, что хотела похудеть, но больше не хочет. А Варжетхан торжественно объявила, что бросала бобы – самое верное гадание – и бобы сказали ей, что ничего не случится. И солью закупаться не надо. Как и мукой. А кто закупится мукой, у того жучки заведутся.

Люди вроде бы успокоились.

– Ты в следующий раз мне сначала скажи, что делать хочешь, а потом делай, – сказала Варжетхан бабушке.

Бабушка очень переживала, что по недоразумению ввергла жителей в панику. И даже собиралась написать статью, что село процветает, дети рождаются, юбилеи регулярно отмечаются, урожай обещает быть рекордным и вообще, все хорошо.

– Нет! – закричала Варжетхан. – Только не пиши об этом! Хуже будет!

– Почему? – не поняла бабушка.

– Если ты напишешь, что все хорошо, люди еще больше начнут

волноваться. Ты же только про плохое пишешь, когда несправедливость. Если ты скажешь, что все хорошо, люди подумают, что все плохо. Они подумают, что ты от них что-то скрываешь.

– Да, ты права, – согласилась бабушка и передумала худеть раз и навсегда.

– Теперь у меня не будет талии, – пожаловалась она Мадине.

– Зачем Лермонтову талия? – засмеялась та.

Звезда, да не та

Наверное, стоит рассказать про звезду, которая украшала памятник бабушке. Она оставила четкие указания по захоронению, которые доверила хранить мне, внучке. Мне тогда было десять лет. На памятнике – цитата любимого бабушкой Блока: «И вечный бой, покой нам только снится». Фотография – авторства Алика, никого другого. Он знает, какая именно – снял заранее. И обязательно – звезда. Звезду пусть сделает Борис. Меня она не хотела видеть на собственных похоронах. Запретила категорически. Свою дочь она велела вызвать на третий день поминок, не раньше. Распорядителем похорон она оставляла Алика.

Ничего необычного в пожеланиях не было. Борис слыл известным кузнецом и даже художником. Кузнец делал косы, а в свободное время занимался творчеством – ковал лавочки, узорные ограды для кладбища и палисадников, ножки для столов, оправы для зеркал. Мама пришла к нему и сказала, что бабушка хотела звезду на памятник. Борис ответил на это, что все сделает как себе и денег не возьмет. Бабушку уже похоронили, уже шли поминки, все прошло так, как положено. Ни одного скандала. Пионеры отдавали честь, комсомольцы прикладывали руку к значку. А до этого вызвали маму – как и просила покойная, на третий день. Мама села в комнате над гробом и начала скандалить с бабушкой. Утром прибежала Варжетхан с травмами:

– Дать тебе что-нибудь?

– Нет, – отвечала мама, – я так хорошо с ней поговорила! Она меня впервые выслушала.

Варжетхан собиралась создать отвар для головы, а не для нервов.

Гости из города приезжали и приезжали. Альбина готовила бесплатно. Алик бесплатно резал баранов и быка. Соседки помогали. Деньги, которые оставляли на подносе, мама велела отнести в редакцию и пустить на нужды села. Закончить то, что не успела бабушка.

Прошло девять дней, сорок дней. Через год, почти в те же дни, позвонила Альбина и сообщила, что умерла Варжетхан. Мама собралась и поехала. Она пришла в редакцию, где ее встретила заплаканная Офа. Она не смогла найти ни родных, ни близких гадалки. Никого. Ни одной сплетни не вспомнила. Никаких данных о ней вообще нет. Кого звать на похороны? Мама не удивилась.

– А деньги? – спросила она.

– Деньги есть, – ответила Офа. – Мария оставила распоряжение. Столько денег осталось, что на все хватит! Я всем позвонила! Но никто не хочет признавать, что Варжетхан помогла... забеременеть и родить.

– Не сердись, женщин можно понять, – успокоила секретаршу мама.

– А я не понимаю. Они шлют конверты с деньгами. Откупаются! Лучше бы приехали и показали пример – женщинам нужна помощь. Они могут излечиться! Моя сестра десять лет не могла забеременеть! А Варжетхан ей помогла.

– Она придет на похороны?

– Нет. Я с ней даже разговаривать не хочу. Она деньги прислала. Тут столько денег, я не знаю, что с ними делать!

– Моя мать тебя очень ценила. Распорядись деньгами так, как считаешь нужным. От ее имени, – сказала мама.

– Мария хотела в местную больницу новое оборудование, – сказала решительно Офа, – и в музыкальную школу новые инструменты.

– Вот и займись этим.

Варжетхан похоронили на местном мусульманском кладбище, про которое уже все забыли в советское время, что оно мусульманское, по соседству с бабушкой, как они – две подруги – и завещали. Мама свернула по тропинке и дошла до могилы бабушки. Она была убранной, ухоженной. Мама положила цветок пиона и, наконец, подняла глаза. Все хорошо – портрет, цитата Блока, а сверху звезда. Все как она хотела. Мама пошла по дорожке, но вдруг встала как вкопанная. Звезда. Мама вернулась к могиле и начала хохотать. Она смеялась до колик в животе. Прибежала Альбина, дежурившая неподалеку, которая пыталась понять, отчего у мамы начался такой приступ. Спросить было не у кого – Варжетхан только похоронили. Мама показывала на памятник бабушке, но Альбина не видела причин для смеха.

Мама поехала к Борису, продолжая корчиться от истеричного хохота.

Борис, лучший кузнец на весь район, выковал для памятника моей бабушке звезду Давида. Шестиконечную. И никто не обратил на это внимания. Бабушка имела в виду пятиконечную звезду, а Борис выковал то, что подсказывали его душа и сердце.

– Борис, дорогой, мама не была еврейкой, – хохотала мама.

– Кто знает, кто знает, – отвечал он.

– И что теперь делать? – спросила мама.

– Кроме тебя и меня, никто не знает про звезду Давида. Год простояла и еще простоит. Зачем менять?

– Мама хотела пятиконечную звезду. Советскую.

– Если ты захочешь, я переделаю. Или сделаю еще одну. Будет две звезды. Как ты хочешь?

– Не знаю. Мне уже все равно. Я больше сюда не приеду. Никогда. Не могу. Я умираю каждый раз.

– А твоя дочь?

– Она внучка своей бабушки. Ей все равно, какая будет звезда на памятнике.

Я приехала на могилу бабушки спустя много, слишком много лет. И увидела на памятнике две звезды – одна поменьше, звезда Давида, другая побольше – пятиконечная.

Почему я не приезжала раньше? Мама меня останавливала.

– Я хочу съездить на могилу бабушки, – говорила я.

– Нет, ты не можешь. У тебя нет мужа. Без мужа тебе туда ехать нельзя, – отвечала мама.

Я вышла замуж.

– Мама, я хочу поехать на могилу бабушки.

– Нет, тебе нельзя. У тебя нет детей. Ты не родила сына. Что подумают о твоей бабушке? – ахала мама.

Я родила сына.

– Мама, теперь я могу съездить на могилу бабушки?

– Конечно, нет. Скажут, что ты больная. Не можешь родить еще ребенка. Твоя бабушка была уважаемым человеком. Зачем ее позорить?

Я родила еще одного ребенка – девочку.

– Мама, теперь я могу поехать на могилу бабушки?

– Можешь, но зачем? – ответила мама и отключила телефон.

Она хотела, чтобы у меня был уголок счастья – мои воспоминания об этом селе, о бабушке – живой и счастливой.

Такси для туристов

Бабушке приходилось часто ездить не только по соседним селам, но и в город. Хотя у редакции был собственный «уазик» для нужд сотрудников, бабушка им пользовалась только в официальных поездках. Использовала в исключительных случаях. «Уазик», хоть и числился прикрепленным к редакции, никогда не простаивал – водитель Эльбрус возил по домам комбикорм, а бабушку Терезу в больницу, развозил гостей со свадьбы или с похорон. До города, где у главного редактора, естественно, было много друзей, она добиралась на рейсовом автобусе, который водил Коста. Именно в автобусе бабушка «набирала» материал для будущих репортажей – дорога занимала час, и за это время чего только не услышишь.

Коста очень радовался, когда вез такую уважаемую женщину, как Лермонтов, и всегда пытался усадить ее на переднее сиденье, хотя бабушка норовила сесть в конце салона, где случались самые интересные разговоры. Как они доезжали до города, было непонятно – Коста вел автобус спиной. Он поворачивался к бабушке, поскольку считал, что не может себе позволить сидеть к такой уважаемой женщине спиной. Поэтому сидел позвоночником к дороге. Слава богу, что автобус он мог вести хоть с завязанными глазами. И слава богу, что Косте все-таки приходилось жать на педали и переключать скорости, иначе он бы вообще встал и стоял. Бабушку Коста очень уважал, ведь она опубликовала в газете заметку о его деде, герое войны. И даже напечатала фотографию. Номер газеты в семье Косты хранили и доставали по случаю больших праздников и сборов всего семейного клана. Бабушка очень переживала за безопасность передвижения, учитывая тот факт, что водитель мало того, что сидел спиной к дороге, так еще и норовил привстать.

– Послушай, Коста, я – обычный пассажир, – уговаривала водителя бабушка, – если ты еще раз обернешься, больше на тебе не поеду! Обещаю!

Косту хватало минут на пять, не больше. Он молча вел автобус и смотрел на дорогу. Но потом опять поворачивался, чудом вписываясь в поворот серпантина.

– Коста, дорогой, я тебя прошу – смотри на дорогу. Я боюсь. Люди нервничают.

– Кто здесь нервничает? – вопрошал Коста салон, но все молчали. Водитель считался хозяином дороги и самого автобуса. Раз сел, значит, сиди и молчи.

– Коста, не гони, умоляю, – взывала к водителю бабушка, которую уже тошнило, – тут серпантин опасный. Ты же людей везешь. Я знаю, что ты умеешь ездить быстро. Или я напишу в газете, что ты самый ужасный водитель рейсового автобуса во всем районе!

– Это будет самый счастливый день в моей жизни! – Коста бросил руль и повернулся к бабушке. – Я твою газету внукам буду показывать!

Назад – из города в село – бабушка предпочитала добираться «на Жорике». Ему было уже далеко за семьдесят, он работал таксистом и очень гордился своей профессией. Он стоял «на точке» – городской автобусной станции. Жорик очень не любил, когда к нему обращались Георгий Георгиевич, как положено обращаться к пожилому уважаемому человеку. А Жорика было за что уважать – во время войны он, простой водитель, получил немало наград. У Жорика все было хорошо – жена, дети, внуки, правнуки. Дети переживали, что отец стоит «на точке» и работает таксистом. Подросшие внуки тоже переживали, что дедушка работает, хотя мог бы наслаждаться пенсионной жизнью. Правнуки любили дедушку – он гулял с ними в автобусном парке и разрешал «порулить».

Дети и внуки давали Жорику деньги на все, лишь бы дедушка был счастлив. В результате свой «Москвич» Жорик превратил чуть ли не в «Роллс-Ройс». Он переделал салон, обив его кожей. Заменял двигатель. «Москвич» развивал дикую скорость, сверкал свежей краской и поражал кожаным салоном. Внутри своего железного коня Жорик установил портативную милицейскую рацию для связи с миром – подарок лучшего друга Асланчика, главного в ГАИ. Они за одной партой сидели в школе, и теперь правнук Жорика сидит за одной партой с правнучкой Асланчика; ближе связи не может быть в принципе. Рация ловила сигналы лучше, чем городская телефонная станция. Внук подарил магнитофон, и у Жорика всегда играла музыка.

Несколько раз дети и внуки хотели подарить деду новую машину, да хоть «Волгу», но тот категорически отказывался.

– На «Волгах» каждый дурак может, – говорил Жорик, – сиди себе и ничего не делай. Подвеска там – руки оторвать, кто эту подвеску делал.

– В Москве все давно на «Волгах» ездят.

– Эээ, это они по прямым дорогам. Покажите мне хоть одну «Волгу», которая по нашему серпантину проедет!

Если бы Жорик узнал про изобретение коробки-автомата, у него бы инфаркт случился.

Каждый день он выходил «на точку». Ему нравилось и хотелось работать. Возил важных людей. Гостей друзей семьи. Дальних

родственников членов райсовета и горсовета. Если требовалось встретить кого-то с шиком, блеском и пустить пыль в глаза, вызывали Жорика. Если надо было повозить гостей по достопримечательностям, а заодно красиво рассказать про эти места, тоже вызывали Жорика. Только он мог провезти по Военно-Грузинской дороге так, чтобы никого не стошнило. А уж какие точки для съемок Жорик находил! Он мог привезти гостей к какой-нибудь скале, показать на торчащий из бетонной стены самодельный кран (кусок резины) и сообщить, что это – святое место. И из крана чуть ли не живая вода льется. Если умоешься – помолодеешь на двадцать лет, если выпьешь – избавишься от всех хворей. И, удивительное дело, женщины молодели, а мужчин тянуло на подвиги после нескольких глотков пахнущей серой мутной воды. Жорик так рассказывал про эту воду, так торжественно подставлял под кран старую железную кружку и так подносил гостям, что не поверить в ее волшебные свойства было невозможно.

Тяжелая дорога, яркие, слепящие краски, ужас, когда едешь по серпантину и внизу – смертельный обрыв. Конечно, у женщин разглаживались морщины, и они становились ласковыми и пугливыми, как девушки. А мужчины демонстрировали храбрость и отвагу. Только Жорик мог задержать гостей, насколько требуется (пока не готовы пироги), или, наоборот, привезти с рекордной скоростью к месту назначения (если пироги уже готовы и остывают). У женщин от пережитых эмоций на лице оставались одни глаза. На губах блуждала легкая улыбка, как бывает у тех, кто избежал неминуемой смерти, но еще не может в это поверить. Мужчины готовы были съесть барана. Но сначала зарезать этого барана и бросить к ногам женщины.

Свет в этих местах был удивительный. Всегда, в любое время суток удивительный. Но Жорик умел так привезти гостей к столу, что рассеянный свет заката делал женщин еще более привлекательными. А легкий румянец после выпитого вина довершал дело. Женщины здесь становились женщинами – покорными, красивыми, нежными и беззащитными. Мужчины – сильными воинами, щедрыми и мужественными. Все женщины в городе знали – если муж давно не дарил золотой гарнитур, надо попросить Жорика свозить к родственникам, например. После поездки мужчины бежали в местный салон и покупали своим женам гарнитуры, не глядя на цену. Если в семье не все было ладно, женщины тоже заказывали Жорика. Тот устраивал такую романтическую поездку по серпантину к святому источнику, что семьи становились крепче, чем в молодости.

С бабушкой Жорик познакомился еще во время войны. Он ее любил, как родную. Никогда не брал с нее денег и обижался, если Мария вдруг

возвращалась в село на редакционном «уазике». Он по ней скучал.

– Почему ты так редко в город приезжаешь? – упрекал ее Жорик.

– Зачем мне чаще? – улыбалась бабушка.

– Как зачем? Со мной встретиться! Вот зачем! Ты же главный редактор, захотела и приехала! Так почему я должен тебя ждать? Месяц уже жду, чтобы ты приехала! Сколько раз обещала в гости зайти!

– Жорик, я не могу, у меня же там газета, типография... прости, в следующий раз обязательно.

– Типография у нее. Что ты – отдыхать не можешь?

– А ты можешь?

Их поколение привыкло работать. Бабушка каждое утро бежала в редакцию, Жорик каждое утро выходил на «точку».

Время шло. Люди стали больше ездить. Дети стремились уехать в столицу и приезжали в родные края в отпуск или привозили показать бабушкам-дедушкам внуков. Город разрастался кварталами. Бабушка считала, что такие изменения ведут к прогрессу, и радовалась им. Жорик ее не понимал:

– Зачем ты радуешься? Ты слышала, аэропорт хотят построить. Зачем строить? Тут же проходной двор будет!

– Зато удобно, не придется три часа из Минвод ехать.

– Кто сказал – три часа? Я за два вожу!

– Это ты, Жорик, за два, а другие – за три. А если на автобусе, то все четыре. Что ты недоволен? Новые люди, новые возможности. Нужны таксисты, чтобы людей развозить. Я вот тоже в редакцию думаю еще одного корреспондента нанять, чтобы больше новостей в газете было. Чтобы на первой полосе – только главные новости.

– Не знаю. Я новости твои никогда не читаю. Я читаю, кто умер и у кого юбилей. Вот это новости.

– А как же насущные проблемы? Ты знаешь, что в Москве пишут обо всем? Все важно! Какие новые мосты строятся, где дороги ремонтируются, где больницы открываются.

– А, это я и без твоей газеты знаю. И про мосты, и про дороги, и про больницы. Лучше напиши, чтобы наш мост отремонтировали. И асфальт к автовокзалу положили. Про школу напиши, это хорошо. Мой внук в первый класс пошел. Всей семьей ходили на линейку. Учительница молодая, в такой юбке была, что я чуть в забор не заехал!

– Ты что, на машине внука вез?

– Конечно! Мальчик в первый класс пешком пойдет?

Бабушка засмеялась. До школы можно было дойти за три минуты.

Жорик противился прогрессу всей душой. Таксопарк на «точке» разрастался. Появилось много молодых водителей.

– Э, они совсем водить не умеют! – жаловался бабушке Жорик. – Он так едет, что я женщину, свою Залину, за руль посажу, она лучше будет ехать.

– Жорик, я ведь тоже во время войны водила, – смеялась бабушка.

– Э, ты не сравнивай, да! – возмущался Жорик.

Он стоял на «точке», и у него совершенно не складывались отношения с «туристами» – так все называли новичков, вновь прибывших. Как не складывались отношения с новым поколением водителей.

– Кто эту молодежь за руль пустил, непонятно, надо сказать Асланчику, чтобы права проверил. Эта молодежь так водит, что себя не уважает. Машину не берегут, людей не берегут, лишь бы денег побольше содрать. Машины грязные, салон грязный, дверь нормально клиенту открыть не умеют. А разве так можно? Водить надо так, чтобы клиенту было приятно. Чтобы клиент после дороги захотел выпить, закусить, отдохнуть. А эти водят так, что клиент уже ничего не хочет. Лишь бы живым до места добраться.

Жорик приходил на «точку», открывал портативную шахматную доску, раскладывал на сиденье и принимался за партию. Иногда решал шахматные задачи по книжке. Минут через пять рядом тормозило еще одно такси. Еще одним старейшим служителем автопарка был Сурен. Конечно, Сурен Владимирович не хотел, чтобы к нему обращались по имени-отчеству, предпочитал сокращенное Сурик. Он был младше Жорика всего-то лет на пять, но тот всю жизнь считал его младшим по званию. Так с молодости повелось. Жорик с Суриком тоже знали друг друга всю жизнь и даже считались совсем близкими родственниками – двоюродная сестра жены Жорика вышла замуж за троюродного племянника Сурика.

У них сложились странные отношения. Жорик всегда был недоволен напарником. Сурик всегда опаздывал, хоть на пять минут, но приезжал позже Жорика.

– Ты опять опоздал, – бурчал Жорик, расставляя фигуры на шахматной доске.

– Куда опоздал? Зачем опоздал? Ты видишь здесь туристов? Покажи мне! Еще никого нет! – справедливо возмущался Сурик. Опоздать в автопарке было просто некуда. Молодежь – та и вовсе подъезжала к десяти-одиннадцати.

– Как так можно? Зачем вообще приезжать, если так поздно? – Жорик не понимал, как рабочий день может начинаться в десять утра, а не в семь.

Он привык вставать в шесть и уже в семь стоять в автопарке. Ровно в двенадцать он уходил на обед. Много лет подряд. И никакая сила, никакие новые аэропорты и вокзалы не заставили бы его изменить график.

– Расставляй давай, – говорил он Сурику, и тот послушно расставлял фигуры.

Они начинали играть партию.

Людей на вокзале становилось все больше. Но многие подходили к такси, видели, что двое пожилых, уважаемых мужчин увлечены шахматной партией, и отходили к другим машинам, чтобы не мешать. «Молодежь» была тут как тут и быстро разбирала клиентов.

Но попадались и искушенные пассажиры. Они дожидались, когда Сурик (или Жорик) сделает ход, и вежливо спрашивали – «туда-то не отвезете за столько-то?»

Поскольку мысли таксистов были заняты предстоящим развитием партии, то тот, кто уже сделал ход, соглашался. Жорик ходил всегда быстрее, его машина вызывала большее уважение, поэтому клиенты предпочитали «Москвич».

А дальше начиналась просто песня. Жорик садился за руль, переспрашивал, куда надо и сколько готовы заплатить клиенты. Поскольку он уже дал согласие и клиент был в машине, то водителю деваться было некуда – оставалось только ехать. Прежде чем завести двигатель, он заламывал руки, кричал, рвал на себе волосы, молился и снова заламывал руки.

– Что, дорога сложная? – пугались клиенты.

– Нет! Опять я дурак! – кричал Жорик.

Тут же подсказывал Сурик и выяснял, куда Жорик едет. После чего тоже начинал заламывать руки, кричать и рвать на себе волосы.

Клиенты снова пугались.

– Что?

– Я такой дурак, что согласился везти за такую цену! Еще и Сурик обиделся! Нет, он тоже не согласился бы везти за такую цену. Но все равно обиделся.

После этого Жорик включал милицейскую рацию, которая трещала, хрипела, вопила, и начинал общаться с Асланчиком. При этом Жорик вел машину так, что клиенты, утонув на мягких сиденьях, вдыхая запах натуральной кожи, совершенно сходили с ума. Слева от них была гора, справа обрыв, но они сидели и смотрели на закат. Или на горного козла, который скакал по скалам.

– Асланчик! – кричал в рацию Жорик, проходя очередной поворот

серпантина. – Ты знаешь, где я? Ты не знаешь, где я. И ты не знаешь, какой я дурак, что согласился ехать. За такую цену, что в убыток себе еду! Проехай мимо Залины, очень тебя прошу. Скажи ей, что ее муж дурак! Нет, я не знаю, когда вернусь. За такие деньги лучше вообще не возвращаться – Сурик меня на смех поднимет! Зачем я поехал? А где людям найти такого дурака, как я?

– Асланчик, дорогой! Проехай на вокзал. Скажи Сурику, что ты знаешь, где я! У источника! Лучше бы он поехал. Спроси у него, он уже походил? И пусть мне не говорит, как походил! Скажи ему, что я сто раз дурак, раз согласился ехать за такую цену. Почему согласился? Потому что думал про шахматы!

– Асланчик, дорогой! Проехай в школу! Скажи, что дедушка Русика такой дурак, что согласился ехать за такую цену. Пусть мальчик сам домой идет. Дедушка не сможет его забрать!

– Асланчик, дорогой! Передай Сурику, что если он отдал мне коня, то такой же дурак, как и я, что согласился ехать за эту цену!

Переговоры длились всю дорогу. Жорик не расставался с милицейской рацией. Через начальника ГАИ он успевал передать сообщения всем – от редакции газеты и ее главного редактора до сельсовета, где работал его очередной троюродный племянник со стороны жены (племянников у Жорика было немыслимое количество, от прямых до внучатых).

Клиенты нервничали. Их можно было понять – таксист оказывался не просто таксистом, а обладателем колоссальных связей среди самых высокопоставленных чиновников, а также в прессе. Не говоря уже о том, что у этого таксиста имелась собственная милицмейская волна. Клиенты уже не знали, что и думать. То ли заплатить такому важному водителю в два, в три раза больше, то ли выйти на повороте и поймать попутку.

– Мы заплатим больше, сколько скажете, – говорили они.

– Нет! – гордо отвечал водитель. – Раз я согласился быть дураком, то это моя вина.

Где-то в середине маршрута Жорик сворачивал с основной дороги на проселочную.

– Куда мы едем? – вжимались в сиденье клиенты. Они уже были готовы ко всему. За маршрутом их передвижения следила милиция. Сурик через Асланчика передал, что едет следом, чтобы Жорик смог сделать свой ход. Не мог ждать, так переживал за своего коня.

– Зачем он едет? Чтобы быстрее проиграть? – смеялся Жорик в рацию. – Он проиграл, когда отдал мне пешку! Зачем ехать за собственным позором?

Эти двое могли биться сколько угодно, но предложение ничьи считалось «позором» и «проявлением слабости».

– За то, что я такой дурак оказался, я сам решаю, куда ехать, – строго объявлял Жорик.

Он вез «туристов» в кафе к Луизе.

Луизу не надо было предупреждать о приезде – пироги, курица, шашлык, вино и арака имелись всегда. Кафе «У Луизы» стояло на самом берегу реки. Как оно еще не свалилось в бурлящий поток – непонятно. Про заведение знали только свои, местные. И заезжали вот так, как Жорик, – по дороге. Или если клиенты просили «местный колорит». Колорита у Луизы хватало – ручной горный козел Азамат, корова Роза, коза Эмма. Луиза сама делала сыр на пироги, лично пекла лепешки из кукурузной муки, которую лично же и перемалывала на ручной мельнице. А как Луиза варила кофе! Ради этого кофе стоило и триста километров проехать. А какое у Луизы было домашнее пиво, которое она подносила гостям! Не пиво, а мед! Сладкое, чуть хмельное. Женщины, которые сначала морщились – фу, пиво, потом не могли оторваться от стакана.

Гостей усаживали на лавках под шатром. Внизу, стоит только заглянуть за перила, шумела река. Шум не прекращался. Луиза никогда не включала музыку, даже если гости просили.

– Слушайте реку, – отрезала она, подавая на стол.

И гости послушно «слушали реку». Через десять минут к шуму привыкали, а уже уезжая, не понимали, как можно жить без шума реки, постоянного, непрерывного, такого страшного и прекрасного одновременно.

Именно у Луизы успокаивались самые нервные клиенты. Здесь не хотелось даже лишний шаг делать. Место завораживало – река, гора прямо перед глазами. Никого вокруг. Внутренняя пружина разжималась и отпускала. От еды Луизы клонило в сон. Или это от шума реки? Многие женщины, старательно боровшиеся с нахлынувшей зевотой, сдавались, когда Луиза приносила им пледы и подушки. Женщины засыпали тут же, прямо на лавке, широкой, удобной и даже мягкой. Жорик никогда не сидел со всеми за столом. Он уходил в свой любимый угол – крошечный шатер на двоих прямо на берегу реки. Туда редко кто спускался, только свои про этот шатер знали. Жорик сидел там и думал о том, как хорошо, что есть дети, внуки, правнуки, работа. Как хорошо, что сейчас приедет Сурик и они доиграют партию, пока клиенты едят и спят. Удивительное место. Все плохое остается где-то там, далеко. А дурные мысли уносит река. Жорик спускался к берегу, погружал ладони в бурлящую воду и смывал с себя все

плохое. Река уносила болезни, тревоги. Была здесь и завораживающая, даже опасная магия. Уезжать не хотелось. Все хлопоты казались пустыми. Вся жизнь – напрасной. И настоящее – только здесь, на этом берегу, в этой воде, в этой горе, нависшей над головой.

Когда-то давно, уже после войны, Жорик приехал сюда к Луизе. Он не мог жить. Не мог дышать. У Луизы он пробыл месяц. За ним приехала моя бабушка и забрала его в город. Она заставила его вернуться, за что Жорик был ей благодарен. Это сейчас хорошо, он понимает, в чем главная ценность. А тогда, казалось, ничего не было – ни цели, ни желания жить. Но этот месяц ему был нужен – горный воздух, шум реки, заглушающий мысли. Луиза понимала. Но когда прошел месяц, она стала уговаривать Жорика вернуться домой. Хватит. Только Луиза – вдова, потерявшая на войне мужа (они служили вместе с Жориком и моей бабушкой), оставшаяся без детей – трое сыновей умерли в войну, могла жить в этом странном доме. Только здесь ей «было место». Луиза так и говорила про Жорика – «ему здесь не место».

Жорик не хотел уезжать. Как сейчас не хотят уезжать отсюда случайные клиенты кафе, которых он привез. Туристы. Все обязательно просили побыть еще немного, еще хоть часик – куда спешить? Это говорили те самые люди, которые еще два часа назад, на автовокзале, бежали, просили побыстрее, хотели успеть, догнать, опередить и все сделать вовремя.

– Никогда не бывает вовремя, – смеялся Жорик, – приедем, как приедем.

И сейчас клиенты уже были полностью согласны с водителем. Приедем на место, когда приедем. Они переставали смотреть на часы, волноваться и готовы были ехать туда, куда их повезет Жорик. Они уже не спрашивали: а почему свернули на эту дорогу, а сколько еще километров до города, а сколько это займет? А вы короткой дорогой едете?

Выспавшиеся впервые за долгое время глубоким сном женщины просыпались в другом мире. В том, где нужно повязать на голову платок и покрасить поярче глаза. Луиза дарила своим клиенткам платки. Если приезжали осенью и зимой, то пуховые, которые сама и вязала из шерсти козла. Если летом, то сотканые на ручном ткацком станке. Глаза женщинам она подводила тонко отточенным брусом угля. Они садились и покорно подставляли лицо Луизе. Та рисовала брови, стрелки, подводку, показывала, как правильно повязывать платок, и подводила к зеркалу – старому, мутному, в трещинах. Женщины ахали.

– Сколько стоит платок? – спрашивали женщины.

– Нисколько. Это подарок, – отвечала Луиза. Но женщины все равно оставляли деньги за царский подарок, как и мужчины – за угощение, за удовольствие увидеть своих женщин в платке и с такими глазами, что Шехерезада позавидует.

К Луизе приезжал не только Жорик, но и, пусть и редко, Варжетхан. Здесь, на берегу реки, под горой росли нужные ей для отваров травы. Здесь она отдыхала. Сельчане считали, что, если знахарка пропала на несколько дней, значит, колдует у реки, просит у богов реки урожая и процветания. Снимает порчу и сглаз. И только бабушка знала, что Варжетхан не может уехать от Луизы.

– Уезжай уже, сколько можно? – уговаривала ее та.

– Не могу. Еще денек, – просилась Варжетхан.

– Тебя люди ждут, волнуются.

– Да, завтра уеду. Обещаю.

Варжетхан задерживалась еще на день и еще на день. Она не ходила по склону горы и не собирала травы (Луиза заранее собирала для нее все нужные корешки и цветы, высушивала и отдавала уже готовыми к употреблению). Гадалка сидела в «нижней» беседке, смотрела на гору и слушала реку. Иногда за ней приезжала бабушка на своем редакционном «уазике» и увозила назад. Чуть ли не насильно. Луиза смеялась. Только на бабушку магия этого места не действовала. Ее не завораживал шум реки, она не впадала в транс и не засыпала на ходу.

– Твое место тоже здесь, – говорила Луиза.

– Ты с ума сошла? Мое место в редакции! – отвечала бабушка, чуть ли не силком заталкивая Варжетхан в машину.

Я жила однажды у Луизы. Бабушке предстояла важная длительная командировка, мама работала в Москве и вырваться не могла. К тому же я в то время стала совсем странно себя вести – то плакала без повода, то молчала сутками, то отказывалась есть, то еще что-нибудь. Сейчас я могу объяснить то свое состояние. Мне было десять лет. Я остро чувствовала, что «мое место» у бабушки – мне было хорошо жить в селе, но мама в любой момент могла забрать меня в Москву, куда я не хотела возвращаться. При этом уже понимала, что отличаюсь от местных девочек – бабушка не требовала от меня того, что мамы требовали от дочерей. Я была свободной, и все знали, что я рано или поздно уеду в город, как когда-то уехала мама. Все знали, что я не выйду замуж, например, за Валерика, не буду стоять в углу на собственной свадьбе и не буду всю оставшуюся жизнь копать в огороде. Мама сбежала из села. Все знали, что она не оставит меня здесь. А я так хотела остаться. Так хотела стать обычной осетинской девочкой. Но

мы все равно здесь были чужими. Даже бабушка. Она многого добилась, но оставалась чужой. Даже моя учительница – Валентина Ивановна. Она прекрасно знала осетинский, читала, писала на языке, преподавала язык, родила двух девочек, соблюдала все традиции, но все равно считалась чужой. Говорила не так, одевалась не так, девочек воспитывала не так. Валентину Ивановну занесло в село из Ленинграда. Мою бабушку – из Москвы. Моя мама сбежала в Москву, а дочкам Валентины Ивановны предстояло уехать учиться в Ленинград. Она об этом мечтала.

Я чувствовала себя своей и чужой. Бабушка металась и не знала, к кому меня пристроить. Меня были готовы приютить все. Варжетхан вызвалась первая.

– Нет, ты с ума сошла? В селе будут говорить, что ты ее колдовать учишь. Да и она еще чего насмотрится у тебя, не дай бог Ольга узнает, скандал устроит.

– Она и так все уже видела.

– Нет. Она впечатлительная. Тебя обожает. Еще захочет стать травницей, что я с ней делать буду?

Бабушка хотела отдать меня соседям. Я дружила с Фатимкой. Ее матери, Зарине, бабушка доверяла больше, чем себе. Но Зарина отказалась.

– Мария, я боюсь. Если соседки увидят, что ваша внучка что-то делает по хозяйству, то слух пойдет, что я девочку мучаю. Нет, не могу. Я ее так люблю, что только и буду думать о том, чтобы ей было хорошо. А она обидится. Я знаю. Фатимка будет огород полоть, воду таскать, и Дидина захочет. Как я ей запрещу? Соседки потом такое наговорят...

– Ну и что мне делать? – спросила бабушка у Варжетхан.

– Отвези ее к Луизе, – посоветовала гадалка.

Бабушка была в безвыходной ситуации, но советам своей подруги всегда следовала. Так я оказалась у Луизы. Что я помню? Очень мало. Жаль, что так мало. Первые дня три я там спала без просыпу. Чуть ли не стоя засыпала. Так засыпают маленькие дети, уткнувшись головой в стол, в тарелку, в диван. Стоя, сидя, полулежа. Луиза меня не будила. День у меня смешался с ночью – часов в доме не было. Луиза жила по солнцу и звездам. По новолуниям и полнолуниям.

Где-то через три дня, отоспавшись, я стала подскакивать с рассветом, бежала доить корову и козу, подметала, крутилась по хозяйству, а в обед падала на скамейку и два часа спала беспробудным сном. Но Луиза стала меня будить.

– Закат. Пять часов. После заката спать нельзя, – говорила она и отправляла меня на речку – умыться.

– Я могу из рукомойника умыться, – просила я, поскольку на речку надо было спуститься, а потом подняться. По дороге захватить внизу, в сарае, который находился на самом берегу, муки, масла или сахара. И в гору взбираться уже с ношей.

– Ты же моя помощница. Ну, как я без тебя? – ласково говорила Луиза и делала такие несчастные глаза, что я покорно неслась умыться на речку. Вода в реке всегда была ледяная. От умывания лицо становилось красным и горело.

У тети Луизы я все время бегала. Спокойно не ходила вообще. Чаще всего бежать приходилось за козлом Азаматом, Азиком, который убегал высоко в гору и достаточно далеко. Луиза очень переживала за любимого козла и посылала меня привести его домой. Азик прекрасно знал дорогу домой, не хуже собаки (которой, что удивительно, у Луизы не было, хотя во всех частных домах их держали). То, что Азик знает дорогу, я поняла где-то через неделю. Гоняясь за ним, заблудилась. Даже не понимала, куда идти – направо или налево. Меня вывел Азик, который уверенно потрусил по малозаметной тропинке.

– Лучше бы вы собаку завели, – пожаловалась я Луизе. – Зачем я за ним бегаю, если он сам может дойти?

– Ну ему же будет скучно одному. Он такой чувствительный, – серьезно сказала Луиза.

У Азика был отвратительный характер. Несколько раз он спихивал меня в реку. Подходил сзади и пинал, не сильно, не больно, но я оказывалась в воде с головой. С криком выскакивала, прыгала на месте. После первого погружения я думала, что умру. Настолько леденящим показался холод снаружи, будто тысячи иголок воткнулись в тело. И настолько же сильным был жар внутри. После второго купания – как этому козлу удавалось подкрасться неслышно? – я погналась за ним с целью сбросить в реку уже его самого. После третьего я очухалась уже быстро и побежала жаловаться Луизе.

– Это вы ему велели меня сбрасывать? – Я потребовала ответа, потому что Луиза часто шепталась с козлом, как бабушка часто шепталась со своим гусем Русланом.

– Что ты такое говоришь? – Луиза сделала вид, что сильно удивлена. – Как я могу подговорить козла скинуть тебя в реку?

– Правильно мама говорит – вы все ненормальные. Бабушка с гусем разговаривает, вы с козлом. Я же знаю, что он это специально. Что я ему плохого сделала?

– Ну тогда и ты с ним поговори, раз думаешь, что он понимает.

Попроси его не сбрасывать тебя в реку.

Азик сбросил меня еще раз десять. И только на одиннадцатый я смогла его поймать.

– Я его поймала! – прибежала я к Луизе, таща за собой на веревке козла.

– Ты с ним поговорила?

– Еще как! Я сказала, что в следующий раз сама его сброшу в реку.

Азик с тех пор перестал бодаться, а я избавилась от сеансов закалки в ледяной горной реке.

А вот у козы Эммы характер был чудесный, просто ангельский. Она ни разу меня не пнула, когда я ее доила. Доить я училась долго.

Азик все же норовил сделать мне гадость. Набегавшись по горам, он стал спускаться вниз, к реке.

– Сходи за ним, я волнуюсь, – просила Луиза.

Я покорно шла. Один раз эта скотина увернулась, когда я уже почти схватила его за веревку, и опять оказалась в реке. Сама свалилась, не удержавшись. Козел стоял на берегу и, я готова была поклясться, смеялся.

Еще через неделю пребывания у Луизы меня было не узнать. Я сильно похудела от пробежек по горам, окрепла после регулярных купаний в ледяной реке. Я перестала плакать и страдать – так уставала за день, что на страдания сил не оставалось. Когда появлялись клиенты, я помогала Луизе носить тарелки, убирать грязную посуду. До сих пор я умело ношу подносы и владею искусством вынести на одной руке три больших тарелки. Луиза научила меня замешивать воздушное тесто из муки, воды и щепотки соли. Козу я доила быстро, нежно и аккуратно – ни одной капли мимо ведра.

Когда бабушка приехала меня забирать, то чуть не расплакалась. Я стала обычной, улыбчивой, послушной, работающей девочкой. Я принесла бабушке чай, сыр, убрала за ней посуду, протерла стол, перемыла посуду, сбегала за Азиком, сто раз сказала «спасибо» и упала без ног спать прямо на скамейке.

– Что ты с ней сделала? – спросила бабушка, делая глоток кофе. Луиза сварила бабушке кофе, как она любила, чуть слаще положенного, не такой крепкий, и капнула в чашку молока. Луиза называла этот кофе «испорченным».

– Ничего не сделала. Хорошая девочка. Очень умная, кстати, – ответила Луиза, – и совершенно здоровая.

– Она плакала все время.

– Ну и что? Поплакала и перестала. У нее легкие слезы.

Что еще я помню? Обувь Луизы. У нее была маленькая нога, размера

35–36-го, но она носила здоровенные мужские тапочки, гигантские калоши и резиновые сапоги. Как у нее нога не выпадала – не знаю. Но тапочки Луизы меня успокаивали. Она шаркала по двору, и мне нравился этот звук. Я очень чувствительна к звукам, особенно к тембрам голосов. Меня многие голоса раздражают. Но мне нравится шум реки, шарканье тапочками. И как точат ножи. Луиза каждое утро точила свои ножи на точильном камне. И я просыпалась от этих звуков.

Платье на счастье

Про одежду, местный дресс-код, хочется рассказать отдельно. Все женщины в селе ходили, как правило, в халатах, длинных платьях и косынках. Бабушка косынки никогда не носила. Даже на похороны голову не покрывала. Ей это позволялось как уважаемой женщине. Мама нарушила все местные традиции еще в детстве, когда ходила в мужских штанах и мужских рубашках.

Девочкам одежду или шили, или вязали. Лучшей швеей в селе считалась Маленькая Светочка. Называли ее так потому, что Светочка была чуть ли не карлицей, чуть выше метра, и она и вправду отлично шила. Бабушка с ней дружила.

Готовую одежду в наше село завозили редко. Даже за нижним бельем и комбинациями приходилось охотиться. Мама привозила бабушке отрезки ткани – они ценились больше готовых костюмов. Но бабушка эти отрезки берегла и не использовала – видимо, хотела оставить мне в приданое. Иногда из города доставлялся спецзаказ – несколько рулонов кумачовой ткани, чтобы сшить флаги, флажки и транспаранты к майской демонстрации. Конечно, все самые ответственные заказы выполняла Маленькая Светочка. Она умудрялась так раскроить ткань, что хватало не только на флаги, но и на скатерти для сельсовета, на новый флаг школьной дружины, и еще целый отрез оставался. Однажды из остатков отреза она сшила для бабушки халат и косынку. На пару размеров больше, чтобы ткань не пропадала. Бабушка примерила обновки и осталась довольна. Но в халатах она не умела ходить, как и в косынке. Поэтому подарок отдала Варжетхан, которой халат оказался впору, сидел как влитой. И уже на следующий день местная гадалка появилась в магазине в кумачовом халате и такой же косынке. Женщины чуть в обморок не попадали. Варжетхан шла по улице красным пятном и пугала даже собак – те начинали скулить и забивались в будки.

Как назло, в село приехала комиссия, которая принимала работу по украшению села. Флаги висели, флажки взлетали на ветру, дети бегали с флажочками. Придаться было решительно не к чему. И тут на дороге, когда бабушка уже провожала комиссию, появилась Варжетхан. Обмотанная, можно сказать, во флаг и с флажком на голове.

– Что это? – прошептала женщина из комиссии, Зара Давидовна. Она была новенькой, впервые приехала в село и не очень разбиралась, кто есть

кто. Ее явно пристроили на хорошую должность по знакомству, но Зара Давидовна оказалась придирчивой и быстро вошла во вкус власти. А что ей еще оставалось? Сильно за тридцать, ни мужа, ни детей. Но с хорошим образованием. Значит, что-то было в ее молодости, что ее только на работу смогли пристроить, а не замуж выдать.

– Что? – не поняла бабушка.

– Вот это? Как это? Как вы посмели? – Зара Давидовна показала на Варжетхан, которая спокойно шла по улице. А надо сказать, что местная гадалка весила почти сто пятьдесят килограммов. Представьте себе такую женщину и всю в красном флаге. Еще и с косынкой на голове.

– Это символ нашего села, – торжественно объявила бабушка.

– Символ? Какой символ? – Зара Давидовна передумала залезать в машину, решила разобраться и все-таки найти нарушение. Уже пятое село, а никаких несоответствий и недочетов, все идеально. Зара Давидовна хотела выслужиться... – Вы использовали драгоценную ткань на... бытовые нужды. Вы пустили ткань, которая была выделена на флаги, на... халат! Это же преступление! Как вы могли поступить так со священной тканью? Вы пойдете под суд! Вы предали своим поступком родину! Праздник Первомай у вас стал... халатом!

Зара Давидовна, конечно, не знала, что бабушке нельзя говорить таких слов про предательство родины. Бабушка, воевавшая за родину, начинала не просто закипать, она приходила в бешенство и могла и за наградной пистолет схватиться.

– Эта женщина больше всех нас достойна носить эту ткань, – процедила она.

– Это еще почему? – не унималась Зара Давидовна.

И тут бабушку, можно сказать, понесло. Она схватила Зару Давидовну за руку и потащила ее по дворам. Варжетхан семенила следом, поскольку не успела разобраться, отчего ее подруга «взбеленилась», и собиралась влить в нее успокоительные капли.

В каждом доме Заре Давидовне рассказывали, что во время войны Варжетхан была партизанкой, спасла жителей села, выводила детей, лечила, кормила, выхаживала. Они жили в лесу, где выжили только благодаря знахарке, которая все знала про травы, про ягоды и про то, как добыть воду. Женщины подносили Заре Давидовне новорожденных младенцев и тыкали этими младенцами ей в нос – если бы не Варжетхан, их бы не было.

– Я все поняла, мне пора, – уже мямлила Зара Давидовна, но бабушка вела ее из дома в дом. И в каждом следующем доме ей рассказывали, что

Варжетхан не только во флаге может ходить, а вообще в чем угодно может ходить, лишь бы ходила. Пусть хоть голая ходит, дай бог ей кавказского долголетия.

Зара Давидовна еле вырвалась из цепких рук главного редактора. Уселась в машину, которую провожали женщины с детьми на руках. Они продолжали кричать, что лично сорвут все флаги с сельсовета и сошьют из них сто, нет, двести халатов для Варжетхан, лишь бы она была здорова.

– Ну что ты так завелась? – спросила Варжетхан бабушку. Она уже влила в нее и капли, и отвар, но Мария все еще не могла прийти в себя. Ее буквально трясло от возмущения. – Ну приехала какая-то дура, что она тебе?

– Ничего. Просто нельзя так. Понимаешь?

– Она несчастная женщина. У нее по-женски проблемы. Я же видела ее зрачки. И кожу разглядела. Я бы могла ее вылечить. Ну как тебя успокоить? Хочешь, я не буду носить этот халат?

– Нет, будешь, и я про тебя заметку напишу. На первой полосе! Как я раньше до этого не додумалась? Знаешь, я так испугалась, что у Маленькой Светочки будут проблемы...

– А я думала, ты обо мне так волнуешься, – засмеялась Варжетхан и тут же успокоилась.

Бабушка, как всегда, смотрела на три шага вперед. Она слишком многое пережила и слишком хорошо разбиралась в людях. Если бы эта выскочка написала бумагу, отвечать бы пришлось Светочке. Бабушку бы никто не посмел тронуть, Варжетхан вылечила от бесплодия половину жен гор– и райсовета. А крайней оказалась бы швея Светочка, которая не могла за себя постоять, у которой не было орденов, медалей, влиятельных родственников. А была только слава – лучшей швеи свадебных платьев.

Да, каждая девочка в нашем селе с детства мечтала выйти замуж. В самом красивом платье. Платья, естественно, шили. Известных портних в округе было три – Сона, Сати и Маленькая Светочка. Ходили легенды, что у Соны платье – роскошное, тонкого шитья, превращавшее самую непривлекательную невесту в удивительную красавицу с тонкой талией и пышной грудью, – не приносило личного счастья. А у Сати были «счастливые» платья. Пусть попроще, не скрывающие недостатки фигуры, зато невесты спустя девять месяцев после свадьбы исправно рожали сыновей-первенцев. Маленькая Светочка шила обычные, традиционные платья, даже сказать о них нечего. Вроде бы все хорошо, но сердце не замирало. И сидели по фигуре, и стоили недорого, но не запоминались. Как будто и не свадебное платье, а повседневное. Так вот, если кто из невест

заказывал платье у Маленькой Светочки, ей можно было сразу собирать чемоданы – платье обещало долгую дорогу, переезд. Оно круто меняло жизнь, хотя ни невеста, ни жених ничего подобного и не планировали. В эти приметы все верили. И будущие невесты не находили себе места, разрываясь между невероятной красотой, которую обещало платье от Соны, счастьем материнства, которое гарантировало платье от Сати, и третьим, «дорожным» вариантом от Маленькой Светочки. Платья шились сильно заранее, еще до того, как к девушке посватались.

Моей маме, так уж получилось, шили сразу три швеи. Она об этом даже не знала. Она вообще не собиралась выходить замуж, тем более в родном селе. Но бабушка очень хотела дать дочери то, чего не было у нее и об отсутствии чего она горько сожалела всю жизнь, – свадебное платье.

Сона, к которой обратилась бабушка, сшила немыслимой красоты платье оттенка чайной розы. Подол был расшит золотыми лепестками так, что слепило глаза. Бабушка забрала платье и на руках понесла его домой. И уже дома, на участке, ее окликнула соседка, бабушка повернулась и зацепила платьем за розовый куст, росший в палисаднике. Да так, что подол оказался весь в дырах. Бабушка не хотела расстраивать портниху и отдала «заштопать» наряд второй швее – Сати. Та попросту отрезала испорченный подол, расшитый розами. Заодно избавилась и от кружевных роз, пришитых к лифу платья. Бабушка разглядывала полученное после переделки платье и чуть не плакала – это было совсем не то платье, в котором она мечтала увидеть дочь. Несуразное, с роскошными кружевными широкими рукавами и куцым подолом. И скрепя сердце сделала еще одну попытку – отдала платье Маленькой Светочке – хуже уже не будет точно. Та недолго думая взяла ножницы и откромсала рукава. Потом ушила платье, сделав из юбки-колокола мини-юбку, укоротив до вызывающего минимума – середины колена. И выбросила за ненужностью кружевной палантин, прикрывающий плечи.

Бабушка не знала, что и думать. Она с удивлением разглядывала получившееся платье – строгое, элегантное, без излишеств. Современное, городское. В селе в таком замуж не выходят. И даже предположить не могла, какая судьба, к которой приложили руки в прямом смысле слова сразу три швеи, ожидает ее дочь.

Мама вышла замуж. Только сначала она уехала из села в Москву. Сбежала с одной сумкой и так же, с одной сумкой или чемоданом, переезжала еще много раз из города в город, круто меняя жизнь. Так что третье предсказание сбылось – дальняя, иногда слишком дальняя дорога. Она вышла замуж в Москве, и ее платье, которое слегка морщило на

талии и все же было узко в плечах, смотрелось совершенно уместным в районном дворце бракосочетания. Не вызывающее, скромное, не бросающееся в глаза. Невеста, каких много. После свадьбы мама родила меня. Пусть не сына, а дочь, пусть недоношенную, восьмимесячную, но родила же! Так что и второе предсказание, можно сказать, сбылось.

Но мама не была счастлива в браке. Молодой муж так и не узнал, что у него родилась дочь. Он погиб в авиакатастрофе раньше. Мама осталась вдовой в 28 лет с грудным ребенком на руках. Так что о каком личном счастье может идти речь? Первая швея подтвердила свою «репутацию».

А бабушка все эти годы корила себя за то, что отдала свадебное платье этим трем мастерицам, которые, кстати, хоть и жили недалеко, никогда не общались. Они уважали друг друга, никогда не говорили плохо о «коллеге», но даже не здоровались при встрече. И хранили тайну о том, что каждая из них имела отношение к этому свадебному платью необычного цвета чайной розы. Каждая из швей считала, что именно в ее платье выходила замуж моя мама. Только бабушка корила себя – обрекла дочь на такую непростую судьбу. Счастливую ли? И никакие уговоры не заставили бы ее поверить в то, что свадебное платье не имело к дальнейшему ходу событий никакого отношения.

Когда мама была уже взрослой, когда уже я жила у бабушки, она рассказала эту историю с платьем. И заплакала. Почему? Потому что так и не смогла бы сказать, какой из трех портних доверила бы свадебное платье, будь у нее еще один шанс. Если бы мама оказалась счастлива в браке, но осталась жить в селе и не уехала в большой город, была бы она этому рада? Смогла бы мама жить ради мужа и ребенка, забыв о себе, о карьере? А если бы она родила сына, то не было бы меня, внучки, которую называли в честь бабушки и которой она передала все свои качества и, главное, мечты и таланты.

А если бы мама была писаной красавицей на свадьбе, то тогда бы вообще ничего не было – ни меня, ни дороги. И как бы тогда сложилась ее жизнь?

Мама слушала бабушку и соглашалась. Да, никто не знает, как бы все сложилось. И мама так и не нашла в себе сил признаться, что на самом деле замуж выходила в совершенно другом платье. Самом обычном, купленном в магазине в последний момент. Не самое удачное платье – мама его больше не носила, хотя собиралась надевать по торжественным случаям. Оттенок чайной розы придавала платью цветная фотография. На самом деле оно было бежевым. И без всякой мистики, загадки и предназначения. А то самое свадебное платье, сшитое тремя искусными мастерицами, она

порвала – пошла в нем в ресторан и зацепила букетом роз. Платье буквально расползлось по швам от маленькой зацепки. И чтобы не расстраивать бабушку, мама ей об этом не сказала.

Красная Шапочка и спящий Волк

Бабушка считалась в селе главной по культуре. Она из всех сил приобщала односельчан к высокому искусству – устраивала выставки художников, возила детей на спектакли в город, привозила артистов, чтобы они могли выступить на сцене местного Дома культуры.

Из-за бабушкиных инициатив на культурном поприще я очень страдала. Поскольку все знали, что я ее внучка, то на спектакли я ехала в обязательном порядке. Городской театр оперы и балета – главное национальное достояние республики – я знала, как свое село. Балет «Жизель» я там посмотрела раз пятнадцать, «Тоску» прослушала как минимум десять, «Травиату» – ну раз семь точно. А «Щелкунчика» смотрела каждый год.

Бабушке всего этого было мало, и она решила, что надо делать в сельском ДК спектакли для малышей. И по этому случаю вызвала в село артистов. В газетной типографии отпечатаала афиши, которые висели по всему селу. Бабушка выбрала классику – «Красная Шапочка». И все шло хорошо – зал был полон, дети елозили на коленях у матерей, пришли бабушки. В фойе в антракте силами Альбины и ее «Кафэ-Рэсторана» устроили буфет, чтобы было не хуже, чем в больших театрах. Правда, спектакль пришлось задержать на полчаса – зрители не хотели выходить из буфета.

Альбина перед премьерой стала переживать за профессиональные честь и достоинство и решила устроить детям и взрослым такой «буфет», чтобы городской театр позавидовал. Она отнеслась к подготовке так, как ни к одной свадьбе не готовилась. Попросила бабушку свозить ее в городской театр и выделить ей Алика.

– Зачем? – не поняла бабушка.

– Для работы надо, – ответила Альбина.

Бабушке этого аргумента оказалось достаточно, и она вытребовала две контрамарки на ближайший спектакль – Альбине и Алику. В зале Альбина так и не появилась – она пробовала в буфете все блюда. Алик их, то есть блюда, фотографировал. Чего он только не снимал, а вот еду – впервые в жизни.

Поскольку бабушка сообщила, что гости важные, Альбину с Аликом никто не беспокоил. Альбина сидела за столом, на котором стояли тарелочки с пирожными, бутербродами, кусочками торта. Алик пытался

снять все красиво. Но ему казалось, что все равно не красиво, он злился и щелкал и щелкал фотоаппаратом. Альбина тоже была не в духе – одно пирожное ей показалось невкусным, второе – несвежим, а в третьем она никак не могла разобрать состав. То ли грецкие орехи, то ли фундук. Или ореховая смесь.

Альбина два дня колдовала над меню, разглядывая фотографии Алика. Она пыталась повторить рецепт орехового пирожного и эклеров. Ничего не получалось. И тогда Альбина разозлилась и напекла пирожных по собственному рецепту. Сделала торт и нарезала на кусочки. Откуда-то из закровов она добыла «Ситро», «Тархун» и «Буратино» – редкие напитки в нашем селе, сделала домашнее мороженое. Алик нарубил мяса, и Альбина сделала крошечные пирожочки, буквально на два укуса. От такого невиданного изобилия в ступор впали не только дети, но и взрослые. Они сидели в импровизированном буфете и дегустировали блюда. Медленно и степенно. Когда закончился «Тархун», Альбина выставила вино, легкое, белое.

Белое вино в селе мало кто гнал и мало кто пил. Никто и не подозревал, что Альбина уже несколько лет гонит вино из белого винограда, совершенствуясь в рецептуре. Свое собственное вино, сладкое, похожее на шампанское, она и выставила в буфете. И тряслась за занавеской – как оно понравится? Вино не просто понравилось, женщины тайком хотели купить по бутылке. Альбина была просто счастлива. По буфету ходил Алик и звонил в школьный звонок – уже в десятый раз. Наконец, все собрались в зале. Дети икали от выпитого ситро. Женщины так размякли от вина Альбины, что им уже заранее все нравилось.

Первый акт прошел на ура – дети смеялись, плакали, рвались на сцену. Хотели потрогать Красную Шапочку и попробовать пирожки из ее корзинки. Альбина в середине первого акта начала паниковать – впереди антракт, а пирожные закончились. Ситро закончилось. Чем людей кормить? Чем поить? Пирожки все съели. От торта осталось три куска. Спасибо Алику – тот быстро сбегал в «Кафэ-Рэсторан» и притащил бутылку красного вина, вчерашние пироги и вчерашние же хинкали. Антракт опять прошел с аншлагом. Зрители все доели и все допили.

Но после антракта все пошло не так. Игравший Волка артист, между прочим, народный и уважаемый, можно сказать, достояние республики, напился так, что даже мычать не мог. Уж что с ним только Варжетхан не делала – и нашатырь в нос совала, и внутрь вливала тот же нашатырь в соотношении одна капля на стакан воды, и растворами своими волшебными отпаивала. Волк лежал на стуле и лыка не вязал.

– Что делать? – спросила бабушка. Алик уже три раза прозвонил в колокольчик.

– Я не знаю, первый такой случай в моей практике, – развела руками Варжетхан. – Мои дозы на него не действуют.

В примерку влетел режиссер. У него дергался глаз.

– Это у вас с детства тик или на нервной почве? – поинтересовалась Варжетхан.

Главный режиссер выдрал из своей шевелюры несколько волосков, что-то промычал, повыл, крикнул и стянул с Волка костюм. Тот с облегчением растянулся на диванчике и укрылся скатертью. Главный режиссер стал натягивать маску Волка на бабушку.

– Что вы делаете? – ахнула бабушка.

– Спасая наш спектакль. Руки поднимите, вот так. Текст знаете? У вас живот большой, мы вас еще одеялом прикроем, никто не заметит.

– У меня нормальный живот, – обиделась бабушка.

Режиссер выпихнул ее на сцену и уложил в кровать, завалив одеялами. Бабушка лежала в маске Волка, в чепце и лихорадочно вспоминала текст сказки, который вдруг напрочь вылетел у нее из головы. Отчего-то «Три поросенка» крутились в памяти, а что должен говорить Красной Шапочке Волк, сожравший бабушку, моя бабушка не помнила, как ни старалась. Когда открылись кулисы, бабушка уже вспомнила все тексты Андерсена, братьев Гримм и все сказки Шарля Перро, но только не «Красную Шапочку».

Под тремя одеялами, в душной маске и в чепце, от переизбытка ответственности и эмоций бабушка разомлела и уснула прямо на сцене. И не смогла ответить ни на один вопрос Красной Шапочки про глаза и зубы. Волк заливисто храпел на весь зал. Охотники, которые должны были вспороть живот Волку, не могли его добудиться. Они его и шваброй (которая изображала ружье) пихали, и веником, все без толку. Волк перевернулся на другой бок, подтянул на себя одеяла и продолжил спать. Кое-как Красная Шапочка сделала вид, что ее съел Волк, кое-как охотники сделали вид, что разрезали Волка и спасли Бабушку и Шапочку, кое-как доиграли спектакль. Бабушка спала сном младенца, не слыша аплодисментов, не чувствуя, что раскладушку трое охотников двигают за кулисы. Бедный режиссер сидел на стульчике за кулисами и клялся больше никогда не связываться с детскими спектаклями. И вообще уйти из профессии раз и навсегда. Чего он только не видел за свою многострадальную карьеру – и пьяного Волка, и Шапочку, которая буквально накануне отметила шестидесятилетний юбилей. Только

уснувшего на сцене Волка у него не было.

Бабушка проспала так до утра. Проснувшись, как и засыпала, в маске Волка и в чепце. Долго пыталась понять, что случилось и как она вообще здесь оказалась. Но так, как в тот вечер, она больше никогда не спала. Глубоко и спокойно. Даже подушка была мокрой от потекшей слюны.

Конечно, бабушка знала всех видных деятелей культуры города. Но особенно любила Магомета Николаевича, который был главным режиссером «передвижного» театра. Магомет Николаевич считался новатором и пытался привнести в культуру новую кровь и жизнь. Сейчас бы его постановки назвали «антрепризными», а тогда назывались «передвижными». Магомет Николаевич, учившийся в Москве, был известен тем, что лучше всех читал стихи осетинского поэта-классика Коста Хетагурова. Он же считался первопроходцем в этом жанре – выходил на сцену и читал стихи. Бабушка плакала на моносpectаклях Магомета. Но Магомет хотел большего – он мечтал ставить классику в новой интерпретации, лично переводил на осетинский Шекспира и Гомера. Магомет очень ценил мнение моей бабушки, поэтому звал ее на репетиции и прогоны.

Режиссер решил замахнуться на Шекспира и поставить «Отелло». В главной роли он видел Азамата и никого больше. Азамат – писанный красавец двухметрового роста, воплощение брутальности и истинный джигит, холодный, немногословный – был примерным семьянином, воспитывал пятерых детей и находился под каблуком у своей обожаемой супруги. Вот уж кто являлся прирожденным режиссером, так жена Азамата – Ася. У нее вся семья ходила по струнке, включая свекровь, свекра и всех родственников по всем линиям. Ася, бывшая солистка главного народного ансамбля республики, была не просто красавицей и умницей. Она оказалась сумасшедшей матерью, кулинаркой и родила таких красивых детей, что все родственники умолкли раз и навсегда. Ася была счастьем жизни Азамата. Он даже смотреть на свою жену боялся – так ею восхищался.

Магомет начал репетировать Отелло и ничего особенно новаторского не имел в виду. Азамат оказался весьма органичен в своей роли – его измазали углем, и он был очень хорош. Дездемону играла Джульетта. Так звали актрису театра Магомед, и по удивительной случайности она приходилась Асе троюродной теткой по материнской линии. Джульетта тоже когда-то танцевала в главном народном ансамбле, но потом увидела себя актрисой. Джульетте-Дездемоне на момент спектакля было уже под

сорок. Бабушка пришла на генеральную репетицию. Она сидела рядом с режиссером, который заметно нервничал. Мария не умела врать, и он это прекрасно знал. Бабушка видела лучшие постановки в столичных театрах, и Магомет очень ценил ее мнение. Она бы ни за что на свете не сказала: «прекрасно, замечательно», если бы это не оказалось действительно прекрасно и замечательно.

Загримированная Джульетта выглядела вполне достойно в роли Дездемоны. Азамат был прекрасен, что уж говорить. Наконец, дошли до главной сцены удушения Дездемоны. Джульетта возлежала на кровати. Появился Отелло и вдруг начал раздеваться. Он аккуратно расшнуровал ботинки, поставил их под кровать, потом снял носки и сложил их валиком. Потом стянул брюки и начал их складывать, придерживая подбородком брючины. Под брюками у Азамата обнаружились спортивные штаны. Бабушка сначала онемела, а потом начала хохотать, да так, что Магомет прекратил репетицию.

– Да, согласен, – сказал главный режиссер, – затянули, давайте еще раз.

И снова Дездемона-Джульетта возлежала, и снова Отелло – уже в быстром темпе – начал раздеваться, аккуратно складывая носки, ремень от брюк, брюки. Подумав, он выставил обувь не под кровать, а за условную дверь. Бабушка уже лежала под стулом и икала от смеха.

– Что не так? – спрашивал режиссер.

Бабушка не могла ответить. Только в тот момент до нее дошло, что Джульетта играет Дездемону, и она уже не могла успокоиться.

– Что, скажи! – воскликнул Магомет.

– Как тебе сказать, дорогой...

– Как есть скажи! Для чего я тебя звал?

– Ну где ты видел, чтобы Отелло, собираясь задушить Дездемону, раздевался, да еще и так аккуратно складывал одежду? И ботинки ставил один к одному? Это же страсть! И вряд ли Отелло носил обувь, тем более ботинки.

– Гениально! – опять воскликнул Магомет. – Азамат, ты все понял? Зачем ты так аккуратно складываешь одежду? Складывай неаккуратно! И стой босиком!

– В носках? – уточнил Азамат.

– Да, стой в носках, а потом их бросай неаккуратно. Разбрасывай, как будто у тебя страсть!

Азамат покорно кивнул. Он снял один носок и кинул его на кровать. Потом второй. Рядышком. Ремень с брюк он все же сложил в аккуратную

змею.

– Ну что, лучше? – спросил Магомет у бабушки.

– Нет, хуже! – Бабушка опять хохотала. – Ты же трагедию ставишь, а не комедию. Откуда у Отелло ремень? Откуда у него брюки? И почему он у тебя в спортивных штанах? Это какая-то новая интерпретация Шекспира.

– Я не буду без брюк! Как я могу лечь в кровать без брюк? – закричал Азамат. – Что мне скажет Ася? И уважаемая Джульетта будет против!

– Я не буду против, – ответила уважаемая Джульетта.

– Нет! – вскрикнул Азамат и ушел в дальний угол сцены.

– Ничего не могу с ним поделать, – начал объяснять Магомет, – он так любит свою жену, что даже на сцене продолжает ее любить. Гениальный актер, но привык все по местам складывать. Он даже табуретку уронить не может. А если уронит, то сразу ее поднимает. Ты думаешь, я не хотел сделать ему нормальный костюм? Еще как хотел! Даже ткань нашел! Но Азамат не хочет выглядеть как женщина и не может лечь в постель с другой женщиной. Я ему говорю: уважаемая Джульетта – твоя родственница. Не посторонняя женщина. Ася – умная женщина, она поймет. Нет, не хочет. Платье не хочет, бросать ничего не хочет, в постель ложиться тоже не хочет! Хотя что я говорю? Он хочет, очень хочет, но не может.

Бабушка уже плакала от смеха.

– А душить Дездемону он хочет? – спросила она.

– До этого куса мы еще не дошли, – ахнул режиссер. – Азаматик, дорогой, скажи, тут Мария спрашивает, а ты Дездемону душить хочешь?

– Хочу, но не могу.

Азамат говорил «хачу» и «нэ могу».

– Магомет, боюсь, тебе придется отказаться от Шекспира, – сказала бабушка.

– Как отказаться? Зачем отказаться? Поставить Шекспира – мечта моей жизни! Зачем я тогда живу, если не могу Шекспира поставить? Мария, ты такая умная, все знаешь, все спектакли видела. Скажи, может, другую пьесу поставить? Где Азамату не придется раздеваться и ходить в платье? – с надеждой спросил режиссер.

– Магометик, дорогой, нет такой пьесы у Шекспира.

– Ты знаешь, что сейчас сделала? – Режиссер изобразил такую трагедию, что Азамату как актеру должно было стать стыдно. – Ты меня убила!

– Магомет, ну поставь Чехова.

– Чехов! Да! У него на стене висит ружье, да? И оно в конце пьесы должно выстрелить! Правильно? Я читал!

– Магометик, это образное выражение. Драматургический принцип.
– Ну и что? Я же могу повесить на стену ружье?
– Да, и пистолет можешь. Ружье, пистолет – не столь важно.
– Тогда я повешу на стену кинжал!
– Зачем? – не поняла бабушка.
– Чтобы было красиво!
– Если ты повесишь кинжал, то этим кинжалом кто-то должен кого-нибудь зарезать.

– Кто так сказал?
– Чехов сказал.
– А Чехов не сказал, что если висит люстра, то она должна упасть? Или если у меня деревья, то я должен их срубить? Нет? Значит, у меня будет висеть на стене кинжал! А какую пьесу ставить?

– «Три сестры», «Чайка», «Вишневый сад».
– А мне какая подойдет? – подала голос Джульетта-Дездемона.
– «Чайка».
– Магометик, тогда ты будешь ставить «Чайку»!
– Почему? Я еще не выбрал!
– Или ты выбрал «Чайку», или я пожалею, что вышла за тебя замуж. Так пожалею, что ты пожалеешь сто, нет, двести раз!

Главный режиссер театра был долго и счастливо женат на своей главной актрисе.

– Летта, дорогая, ну как ты можешь сейчас об этом говорить? – опять изобразил трагедию режиссер.

– Мария сказала, что мне подходит «Чайка» и не подходит Дездемона. А я это сразу почувствовала. Ну какая из меня Дездемона? Я ведь уже не так молода. Только меня ты не слушаешь. Мария, скажи ему!

– Мария, не говори сейчас ничего, иначе у меня инфаркт будет. Хорошо, я поставлю «Чайку», лишь бы ты, Летта, была счастлива. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю.

Джульетта встала с ложа, поправила локоны и ушла за кулисы.

Совершенно счастливый Азамат аккуратно собрал свою одежду и заправил постель.

Добро пожаловать, или Посторонним ВХОД...

Бабушка всеми силами старалась развить в отдельно взятом селе не только «внутренний», но и «внешний» туризм – чтобы люди не только из ближайших сел к родственникам в гости приезжали, но и из других городов и чувствовали себя хорошо. Но когда в селе появлялись чужаки, это всегда вызывало пересуды еще на ближайшие лет пять. «Внешний туризм» потерпел крах уже на первом госте, точнее, гостье. Бабушка пригласила погостить вдову своего однополчанина, тетю Катю.

Она жила в подмосковном городе, была одинокой женщиной, ходила в театры и выращивала на подоконнике в трехлитровой банке под марлей чайный гриб, который якобы способствовал похудению. Тетя Катя очень нуждалась в острых ощущениях, которые уже не давали театр и гриб, и бабушке удалось зазвать ее в «приключение», то есть в гости.

Тетя Катя имела достойный вид вдовы, носила кокетливую шляпку или панамку, читала Пушкина, цитировала наизусть Ахматову и очень интересовалась народными сказаниями, преданиями и былинами. Она была интеллигентной, очень воспитанной женщиной строгих нравов. Во всяком случае, замуж еще раз не собиралась ни в коем случае, часто пересматривала семейные фотографии и была благодарна моей бабушке за то, что она тоже ее не забывает, а на праздники присылает поздравительные открытки и гостинцы – то ящик грецких орехов, то сухофрукты.

Тетя Катя благополучно доехала в купейном вагоне до села, вышла на перрон, где ее уже ждал верный водитель Эльбрус. Бабушка сдавала номер, никак не могла лично заняться гостьей, но торжественную встречу организовала на высшем уровне. Эльбрус повез тетю Катю полюбоваться живописными окрестностями – показал ей вид с берега на реку, орешник, кукурузное поле, клумбу перед Домом культуры и две школы – общеобразовательную и музыкальную. Тетя Катя восторгалась и видами, и орешником, и кукурузой, и чистым воздухом. После автомобильной обзорной экскурсии Эльбрус отвез почетную гостью в «Кафэ-Рэсторан» Альбины, которая уже накрывала обед. Тетя Катя пробовала блюда, восхищалась и просила рецепт. Альбина говорила, что не может дать рецепт, поскольку это страшная тайна, хранимая и передаваемая из поколения в поколение. Тетя Катя пробовала очередное угощение, опять

восхищалась и опять просила рецепт. Наконец, Альбина смиловилась и продиктовала рецепт обычного пирога, в котором не было ничего таинственного – такие пироги местные женщины одной левой ногой пекут. Тетя Катя была в восторге. Альбина, тысячу раз извинившись – ей нужно готовить еду к юбилею, – убежала на задний двор, где орудовал кортиком Алик. Тетя Катя тоже вышла на задний двор и получила такие острые ощущения, каких никогда в жизни не испытывала. Она смотрела, как однорукий Алик проворно рубит курам головы, как Альбина их ошпаривает и ощипывает с невероятной скоростью.

– Можно мне попробовать? – попросила тетя Катя.

Альбина выдала гостье ошпаренную тушку – нельзя же отказывать подруге главного редактора газеты. Еще час тетя Катя пыхла над курицей. Альбина с Аликом уже занимались бараном.

– Ты ее уже замучила так, как она при жизни не мучилась! – сказала Альбина тете Кате. Та добралась до куриной спины, кое-как ощипав ноги. Но ощипала плохо – перья торчали то там, то здесь.

– Сейчас, я справлюсь. – Тетя Катя еще усерднее стала щипать несчастную курицу.

Остальные куры давно булькали в котле.

– Хочешь, я подарю тебе эту курицу? У Марии дощипаешь, – предложила Альбина.

– Нет, спасибо, я больше не могу, – признала поражение тетя Катя.

Альбина в три рывка дощипала тушку и бросила в котел.

Уставшая, но довольная тетя Катя, наконец, была привезена Эльбрусом к бабушке.

Альбина передала с Эльбрусом еще еды, пришла Варжетхан и долго выпрашивала тетю Катю про свойства чайного гриба. Вечер прошел на редкость прекрасно – тетя Катя оценила домашнее вино, опять восхитилась домашним сыром и уточняла рецепт пирога. Утром, чтобы быть хоть как-то полезной и благодарной бабушке за такой прием, она решила сходить в магазин и приготовить завтрак. Гостья честно искала яйца и молоко на кухне, но, как мы знаем, бабушка никогда не хранила продукты там, где следовало. Яйца брались из-под курицы и употреблялись сразу же. Молоко можно было попросить у соседки, через забор. А хлеб бабушка хранила завернутым в наволочку на печке, чтобы оставался теплым. Тетя Катя надела свое повседневное платье, шляпку, взяла зонт, чтобы укрыться от солнца – она гордилась своей матовой кожей и считала загар очень вредным в ее возрасте. Поскольку летний зонт тетя Катя не захватила, то нашла старый бабушкин зонт от дождя. Авоську гостья тщетно искала на

кухне и тоже не обнаружила – в селе с авоськами никто не ходил, даже в глаза их не видел. Все продукты носились в кульках, наволочках или мешках, если речь шла о сыпучих продуктах. За прочими товарами обычно гоняли детей. Дети бежали и приносили то, что «заказала» в сельпо мать или бабушка. Тетя Катя не придумала ничего лучше, как разгрузить свою сумку на колесиках, с которой отправилась в поездку, и взять ее в магазин. Она была убеждена, что дама не должна поднимать больше двух килограммов. Это неприлично.

У женщин в селе было не так много развлечений. Главные сплетни собирались как раз у сельпо вечером. Женщины находили благовидный предлог – например, привоз хлеба – и стояли во дворе, перебивая кости всем, кого во дворе не было. Или обсуждали прошедшую свадьбу. Утром не до разговоров, все обычно спешили переделать домашние дела до обеда.

И тут утром, в то время, когда женщины не имеют возможности тщательно все обсудить и вдоволь насплетничаться, во дворе сельпо появилась тетя Катя в своей шляпке, с тележкой на колесиках и старым зонтом. Да, с зонтами в селе тоже как-то не принято было ходить. Переждать дождь можно и у соседки. А если случался затяжной ливень, то все просто сидели по домам. Дети так и вовсе на дождь не обращали никакого внимания – как бегали, так и бегали.

Обнаружив женщин перед закрытой дверью магазина, тетя Катя улыбнулась, вежливо кивнула и встала, как она считала, в конец очереди. Соседки языки проглотили и замолчали. Тетя Катя решила, что эта очередь очень отличается от городской, причем в лучшую сторону – никто не орет, не скандалит, не сплетничает, а женщины стоят с достоинством и спокойно ожидают открытия. А женщины тем временем просто никак не могли собраться с мыслями – то ли начинать обсуждать сумку на колесиках, то ли шляпку, то ли зонт. И главное – что за женщина такая? Точно сумасшедшая, раз в таком виде на улицу вышла. Женщины в селе владеют удивительным искусством – вам кажется, что они даже не смотрят в вашу сторону, а они уже запомнили все до мельчайших деталей.

Очередь двигалась, но медленно. Тетя Катя никуда не спешила.

– Я буду за вами, – вежливо сказала она впереди стоящей женщине и отошла любоваться лужайкой рядом с сельпо, по которой бегали куры. На лужайке росли полевые ромашки, которые восхитили тетю Катю до глубины души. Она, чтобы не терять времени, решила нарвать ромашек и поставить букет в вазу. Идеальное дополнение к завтраку. Тетя Катя ушла собирать ромашки, а женщины, наконец, обрели способность говорить.

– Кто это? Какая странная женщина. Зачем она к курям пошла? И

ромашки рвет? Их даже козлы не едят. Зачем ей ромашки? Для отвара эти не годятся.

– Может, чья родственница?

– Да нет у нас в селе никого с такими сумасшедшими родственниками. Мы бы знали.

– Значит, в гости приехала.

– И к кому такая в гости могла приехать?

– А почему она с зонтом?

– А что у нее за колеса на сумке? Кто будет прикручивать к сумке колеса? Она бы еще к кульку колеса приделала.

– Точно больная.

– Если больная, то у Варжетхан надо спросить. Она всех больных знает.

– Варжетхан женские болезни лечит, а не голову.

– Может, она и голову может, откуда ты знаешь?

– Тогда сама и спрашивай у нее. Я боюсь. Вдруг эта женщина к ней приехала, а мы уважение не проявили?

– Нет, эта точно не из города. Посмотрите, что у нее на голове! Как это называется?

– Надо у Марии спросить. Она знает, как вещи правильно называются.

– А что она сказала, когда уходила?

– Не знаю. Я не поняла. Надо у Марии спросить. Она по-русски лучше всех понимает.

– Я такую сумку никогда не видела. Про это у кого спросить?

– Если про сумки, то у Альбины – у нее много разных, для всего. Ей даже Мария из города специальные привозила.

– Кто эту женщину привез? Никто не видел? Почему никто не видел? Когда не надо – все видят, когда надо – никто! Вот думай теперь, кто она, пока голова не начнет болеть. Теперь я волноваться буду, пока не узнаю.

– Твоей невестке когда надо за настойкой к Варжетхан идти?

– Сегодня собиралась.

– Так пусть она и спросит, откуда эта женщина, а то у всех голова начнет болеть.

Пока женщины обсуждали, у кого что надо спросить и выяснить, откуда взялась эта дамочка, очередь двигалась. Масло закончилось, хлеб тоже разобрали. Тетя Катя вдруг остро захотела кефира, молока и сырка глазированного, но ничего этого на полках не наблюдалось. Кофе гостье тоже захотелось нестерпимо, но даже «напитка с цикорием» она не обнаружила.

Когда тетя Катя дошла, наконец, до прилавка, брать было решительно нечего, разве что карамельки. Впрочем, она совершенно не удивилась: в городе то же самое, «выбросили» масло – только успевай схватить.

Тетя Катя вернулась домой расстроенная и решила, что назавтра же пойдет в магазин пораньше. Поставила в вазу ромашки и любовалась. И спустя минут пятнадцать увидела на столе записку от бабушки о том, что она убежала в редакцию на планерку и пусть Катя ест завтрак. На тарелке, прикрытой кухонным полотенцем, лежали сыр, свежий хлеб, несколько яиц всмятку. Тетя Катя ела, не понимая, как она не смогла найти яйца на кухне? Ведь искала. И откуда свежий хлеб? И кофе в джезве. Она точно помнила, что кофе не нашла, а в сельпо его тоже не было.

Как только тетя Катя покончила с завтраком, за ней зашел Эльбрус и повез по дальним окрестностям. Он показал ей «город мертвых», местный водопад, ущелье, источник, считавшийся святым. Тетя Катя забыла про свои утренние волнения и наслаждалась пейзажами. Эльбрус вернул счастливую и уставшую тетю Катю в редакцию, где бабушка показала ей типографию, номера газеты, гуся Русика. Алик устроил госте фотосессию. Та кокетничала и поправляла шляпку. А вечером, уже дома у бабушки, тетя Катя ела еду, принесенную Альбиной, пила вино и обсуждала с Варжетхан лечебные свойства липового чая и с восторгом разглядывала сушеный чабрец, который ей преподнесла в подарок гадалка. Про утреннее происшествие тетя Катя и думать забыла.

На следующее утро она встала рано и решила повторить попытку сделать бабушке приятное. Она думала, что будет первой во дворе сельпо. Дверь была закрыта. Даже куры еще спали и не бегали по лужайке. Но на лавочке уже сидела женщина. Вскоре появились остальные, тетя Катя сказала, что занимала за женщиной на лавочке. Потом отвлеклась на детей, которые проворно таскали воду из колонки, и дошла до колонки, поскольку хотела пить. Напившись и умывшись, она вернулась к очереди, но никак не могла вспомнить, как выглядела женщина на скамейке. Вроде бы в длинном платье и платке. Но все женщины носили длинные платья и платки. Тетя Катя металась по двору, вглядывалась в лица и страдала.

– Я не за вами занимала? – спрашивала она. – Нет? Извините. Не за вами? Простите.

Пришлось тете Кате снова вставать в очередь, и к тому моменту, когда она оказалась у прилавка, все продукты уже разобрали.

Дома ее опять ждал накрытый завтрак. Эльбрус стоял под парами и опять повез тетю Катю показывать достопримечательности, которые уже заканчивались. Церковь, монастырь. Тетя Катя вроде бы отвлеклась.

Но вечером за ужином, когда стол ломился от пирогов и разносолов, тетя Катя заплакала.

– Что случилось? – ахнула бабушка.

– Я так хотела сделать тебе приятное, – плакала тетя Катя, употребив вина больше, чем собиралась, – хотела утром блинов напечь. А не смогла достать продукты. Завтра пойду еще раз. Наверное, надо записываться и отмечаться. Как тут принято?

– Что принято? – не поняла бабушка.

– Блины на поминки пекут, – заметила Альбина. – Зачем тебе блины? Пирог есть.

Бабушка впала в легкий ступор. Варжетхан, проворно смешав успокоительную настойку и влив ее в гостью, тоже не разобралась в причине расстройства. Альбина смотрела то на бабушку, то на Варжетхан, то на гостью. Чем она недовольна? Аппетит вроде бы отличный. Ест, пьет. Что тогда не так?

– Что ты хочешь? – спросила бабушка.

– Продукты. Мне просто нужны продукты, – призналась тетя Катя.

Альбина ушла и вернулась с продуктами на неделю вперед – мука, молоко, сахар, масло и еще много всего.

– Вот тебе продукты, – сказала Альбина. – Мария, они там что, голодают? Бедная женщина. А я и думаю, почему она такая худая и так много ест! Она же голодала долго! Прости меня, что я сразу тебе не принесла много. Я же не знала, что у вас в городе еды нет.

– Откуда это? – ахнула тетя Катя.

– Как откуда? Из сельпо. Магазин такой. У вас магазины есть? – не понимала Альбина.

– Я там была. Вчера утром и сегодня и ничего не смогла купить, – с новой силой заплакала тетя Катя.

– Как это? – Теперь уже бабушка ничего не понимала.

– Я заняла очередь, отошла, а потом забыла, за кем занимала, и пришлось снова вставать. А вчера ушла ромашки рвать, чтобы в вазу поставить. Полевые ромашки – это ведь так красиво. Хотела приятное сделать, приготовить, а не смогла даже хлеба купить. И муки не было.

– Как это? – дружно спросили бабушка, Альбина и Варжетхан. – Лана там была?

– Кто такая Лана? – не поняла тетя Катя.

– Лана, дочка дяди Казика, жена Габо, у нее еще дочка Иза и сын Заурбек, – пояснила Альбина.

– Я не знаю. Все по-осетински говорили, я не поняла о чем.

– А как ты ходила?

Бабушка подтвердила, что тетя Катя ходила в длинной юбке, но не в платке, а в шляпке. Очень прилично выглядела.

– Точно ничего странного? – уточнила Варжетхан.

– Я зонт брала от солнца. Но свой забыла, брала у Марии, обычный. И сумку на колесах. А что – у вас нельзя с сумкой ходить? Или с зонтом? Это противоречит традициям? Может, я что-то нарушила?

– Ничего не понимаю, – сказала бабушка. – Как могла у Ланы мука закончиться? Два дня подряд закончиться? Да уже бы все женщины у меня во дворе собрались, если бы мука в селе закончилась! Варжетхан, ты что-нибудь понимаешь?

– Пока нет, – призналась гадалка.

После еще одной бутылки домашнего вина и араки – «просто чтобы попробовать», тетя Катя подробно описала, как шла, по какой стороне улицы, что именно на ней было надето, как она ушла рвать ромашки и как ходила пить на колонку.

– Я думаю, что дело в зонте и сумке, – предположила Варжетхан.

– Зачем так плохо думаешь о наших женщинах? – возмутилась бабушка. – Они же цивилизованные, советские гражданки! Мало ли, кто как ходит?

– А ты сказала, что гостя Марии? – первой догадалась Альбина.

– Нет, – сказала тетя Катя испуганно.

– А ты поздоровалась со всеми? – уточнила Альбина.

– Нет, но я кивнула.

– Тебя спрашивали, где ты живешь, откуда приехала?

– Я не знаю. Я же не понимаю по-осетински.

– А сама ты это никому не сказала?

– Нет, а зачем? Это же... просто очередь в магазин.

– Мария, почему ты ей не сказала, что делать! – возмутилась Альбина. – Она же так месяц может ходить и ничего не купить! Это ты виновата!

– Да мне и в голову не пришло, – оправдывалась бабушка.

Таковы были неписанные правила. Женщина, даже туристка, даже дальняя родственница, даже не пойми кто, должна прийти во двор сельпо, поздороваться со всеми женщинами персонально, представиться полным именем, назвать имя рода, к которому она принадлежит, как звали ее дедушку, как звали ее прабабушку и троюродную сестру, если вдруг этой сестре удалось хорошо выйти замуж и ею можно было гордиться. После чего следовало сообщить, к кому она приехала, на сколько дней приехала,

есть ли у нее муж и дети, а если нет, то почему, а если есть – то сколько лет детям, где учатся, как учатся, чем болели в детстве. Живы ли родители, если живы, то где живут, сколько им лет, чем болеют. Если есть братья и сестры, то требовалась обязательная информация – где живут, женаты или замужем, есть ли дети, если нет, то почему нет. Если есть, то сколько, какой возраст, где учатся, как учатся.

Бабушка просто забыла оставить инструкции тете Кате. Поэтому она нарушила все традиции, и ей даже хлеб не продали.

– Это же Средневековье! – кричала бабушка. – Если человек хочет купить хлеба, почему он должен рассказывать о себе? Он просто хочет купить хлеб! Как Лана не продала ей хлеб? Мы живем в современную эпоху! А у нас женщина, вдова моего однополчанина, не может купить муку! Это же просто охота на ведьм! Мракобесие!

– Ты сейчас так говоришь, что уже ничего не понятно, – сказала Альбина и вышла из-за стола. Через пятнадцать минут за столом сидела Лана и выслушивала бабушкину отповедь и проповедь про мракобесие, охоту на ведьм, прогрессивный двадцатый век и социальное равенство.

– Так что она не сказала, что у вас живет? – чуть не плакала Лана.

– Почему она должна была это говорить? – орала бабушка.

– Ей жалко было сказать, что она у вас живет? Женщины у меня спрашивали, откуда она взялась, а я откуда знала?

– Завтра ты всем скажешь, кто такая тетя Катя, и обслужишь ее первой! – велела бабушка.

– Даже раньше бабушки Терезы? – ахнула Лана.

– Нет, после бабушки Терезы, – разрешила бабушка.

– Но раньше тети Залины? Она ведь всего на пять лет младше бабушки Терезы, – пыталась выстроить систему отпуска товаров по заслугам и старшинству Лана.

– Нет, Залину раньше обслужи. У нее ноги больные.

– Хорошо, тогда я дам ей муку до Мадины, – предлагала Лана.

– Ты с ума сошла? У Мадины пятеро детей, и ты заставишь ее ждать? – снова кричала бабушка.

– А что мне тогда делать? – плакала Лана.

– Поставь ее на мое место в очереди, – предложила бабушка.

– У вас нет места, – зарыдала Лана, – вы же в сельпо как на экскурсию ходите. А все, что нужно, вам Альбина приносит. Зачем вам мука? Альбина вон мешок принесла.

– Ты хочешь сказать, что я на привилегированном положении нахожусь? – опешила бабушка, для которой такое обвинение было просто

немыслимым. Она ведь изо всех сил старалась, чтобы к ней относились как к обычной женщине, а не как к главному редактору газеты.

– Я не знаю, что вы такое говорите. Не знаю таких слов. Хотите, я пошлю Изу днем, она вам хлеб принесет. Что вы хотите? Или я отправлю Изу за сепараторной сметаной. Она сбегает. – Лана искренне хотела, чтобы Лермонтов была довольна.

– Ничего, я уже ничего не хочу. Невозможно ничего объяснить. – Бабушка схватилась за голову.

Тетя Катя не без интереса и удовольствия слушала этот разговор.

– Иза, Изетта? Какое прекрасное и редкое имя, – сказала она.

Лана засветилась от счастья.

– Сколько вам сахара нужно? Я сама утром принесу, – предложила она.

Точку в спорах поставила Варжетхан. Тетю Катю она напоила ромашкой, бабушку пустырником, а Лане выдала пакет с сушеной липой.

– В прошлом году хуже было, – вспомнила гадалка.

И Альбина закивала.

В прошлом году приезжала моя мама и тоже пошла за продуктами в сельпо. Она шла в белых брюках, в зеленом батнике, и когда проходила по улице, все ворота захлопывались. Лана, которая должна была открыть дверь сельпо по времени, не знала, что ей делать – открывать дверь или держать закрытой. Она дверь все-таки открыла, поскольку знала, что мама приехала из Москвы, что она дочь главного редактора газеты и мать любимой внучки Марии. Остальные женщины в магазин не вошли на всякий случай – чтобы позор не перекинулся на них. Мама спокойно свернула кульки и насыпала все, что ей требовалось, – муку, сахар, конфеты, сама взяла с полки две буханки, все взвесила, положила на стол деньги и вышла. Лана приросла к полу. Назад мама шла, отламывая от хлеба корочку.

На следующее утро она вышла на улицу – подметать перед воротами. Поскольку мама вырвалась в отпуск и хотела вернуться в столицу загорелой и красивой, то вышла за ворота в черном сплошном купальнике и в шляпе. Она подметала двор, поливала пыль водой из шланга и не замечала, что все ворота открылись и на улице столпились молодые парни. На следующее утро толпы прибавилось – к парням присоединились девушки, которые хотели рассмотреть купальник и шляпу по столичной моде. Еще через день в семь утра в селе уже никто не спал – собрались посмотреть, как мама метет двор. Она же добавляла в качестве аксессуаров то темные очки, то платок, обмотанный вокруг бедер, то – о боже, какой кошмар! – выходила подметать двор в раздельном купальнике.

Все село молчало почти неделю. И молчало бы дальше, если бы рано утром во двор не выползла Тамара. Она была противной и злой старухой, которая изводила своих невесток. Тамара переделала себе паспорт и стала на десять лет старше, чтобы пуще прежнего гонять молодых невесток. А так ей было лет пятьдесят с небольшим. Но, когда ей требовалось, она едва ходила, опираясь о клюку, когда нет – бегала по селу и следила за сплетнями так, что невестки за ней не поспевали. По надобности Тамара впадала в беспамятство, а при необходимости – припоминала то, чего и не было. Тамара вышла во двор и увидела, что вся молодежь (мужчины и женщины до пятидесяти) торчит у заборов, у ворот и смотрит в одну сторону. Она повернула голову и увидела мою маму, которая в отдельном купальнике, в шляпе, в черных очках вполлица по современной моде мела двор. Что тогда было? Тамара созвала женсовет и требовала запретить Ольге появляться в селе. Кое-как пришли к компромиссу – маму в очередной раз не сбросили в Терек с обрыва как порочную женщину, не запретили ей ходить в купальниках и брюках, но сверху она должна была непременно надевать платье. Мама хохотала. Она облачалась в свои столичные наряды, а сверху бабушка надевала на нее платье, сшитое по спецзаказу у Маленькой Светочки. Большое, безразмерное, из самой дешевой ткани. Мама превращалась в натуральное чучело огородное и ходила в таком наряде по всему селу. Платье было велико, и у нее все равно торчало то голое плечо, то обнажалась грудь, то обозначалась нога. С какой стороны ни посмотри, все равно неприлично.

Однажды мама продефилировала по всему селу в отдельном купальнике. Она до сих пор вспоминает, как ворота захлопывались, когда она шла по улице. Просто музыка – хлоп, хлоп, хлоп.

Как-то случилось совсем ужасное происшествие. Из ряда вон выходящее. Мама шла с коляской, в которой сидела я – маленькая. Мне едва год исполнился. И я захотела пить. К тому же описалась, и надо было поменять пеленку. Мама шла по селу и слышала эти звуки – хлоп-хлоп. Потому что она была в штанах. Мама стучалась в двери, и ей никто не открывал.

Тогда она вышла на площадь перед Домом культуры и объявила – если ей еще раз кто-нибудь не откроет дверь, то в следующий раз она пройдет по селу голой. В чем мать родила. Да, дочь главного редактора газеты. Вот в чем ее главный редактор родила, в том она и пройдет по селу.

Мама была в бешенстве.

– Они мне не открыли! – кричала она бабушке. – Они твоей внучке не открыли! Они ребенку не дали попить!

– Не преувеличивай! Ты могла напоить ее из колонки, – пыталась оправдать односельчан бабушка.

– Они не открыли дверь ребенку! – вопила мама. – Я им устрою!

– Не надо, пожалуйста, я пройду по дворам и всем объясню, – умоляла бабушка.

– Это я пойду по дворам голой и всем все объясню! – кричала мама так, что слышали все соседки.

И на следующее утро ворота были открыты настежь. Одни ворота – Тамары – не открылись. Женщина она была не только злая, но и упрямая, к тому же хотела, чтобы последнее слово осталось за ней. Неужели Ольга посмеет дойти до открытого позора и не смирится? Маму столько раз обещали сбросить с обрыва в Терек, что ей давно терять было нечего. Медленно, очень медленно она начала снимать с себя одежду. Следить за противостоянием дочери главного редактора и Тамары собралось все село. Тамара велела невесткам открыть ворота в тот момент, когда мама стала развязывать лямки на лифчике купальника. Как ни странно, общественное мнение оказалось на стороне мамы – мужчины свистели, женщины хлопали в ладоши.

Маму трижды крали, и трижды она сбегала от женихов. Трижды ее должны были сбросить в Терек всерьез, уже чуть ли не на берег выводили, но она совсем не хотела в реку. Ее угораздило родиться дочерью главного редактора газеты, уважаемой женщины, и родить меня, которую в селе все любили. Она так и осталась «падшей женщиной», хотя вышла замуж невинной девушкой и осталась вдовой, едва успев родить.

Я росла осетинской девочкой. Подметала двор, танцевала, шила, вязала. Только одно я не умела делать – смотреть в пол. Я всегда смотрела прямо в глаза. А это – недостойное поведение для девочки. Я так и не научилась смотреть в пол и ждать указаний – что мне делать дальше. Я никогда бы не смогла выйти замуж в селе. У меня с рождения была странная репутация – с одной стороны, уважаемая бабушка, с другой – мать, считавшаяся недостойной женщиной. Мне нравилось жить в нашем селе. Я могла там стать кем угодно и вести себя как угодно.

Подарки от всей души и чем все это заканчивается

Бабушке часто пытались что-нибудь подарить, но она всячески сопротивлялась. Не хотела считать себя обязанной «дарителю» и вообще была кристально честным человеком. Как говорила мама – «честной до идиотизма». Чего только не пытались преподнести бабушке – и еду, и драгоценности, и отрезы ткани. Бабушка тут же начинала размахивать руками и отбиваться от презентов.

– Если вы хотите сделать мне приятно, подарите комбикорм! – кричала она. – Машину комбикорма! А лучше две!

– Зачем вам столько комбикорма?

– Зачем мне? Это совхозу!

Вместо золотого гарнитура на юбилей она могла попросить песок, кирпичи, шифер на крышу или еще что-нибудь необходимое в хозяйстве. Для школы, для музыкалки, для нуждающихся односельчан. Все знали, что бабушка мечтала создать в селе музей войны. Пусть маленький, но музей. Где хранились бы фотографии сельчан-партизан, предметы военного быта, а на стене висели бы статьи, в которых она рассказывала о подвигах. Подвигах женщин, не удостоенных ни одной награды. Подвигах детей, которые спасали младших братьев и сестер. О работниках тыла, медсестрах, водителях – бабушка считала, что ее профессиональный долг писать о «невидимых героях войны», сохранять память о них.

Она присмотрела под музей здание на окраине села, где находился, как бы это сказать... общественный склад. В этот ангар свозили все, что было вроде бы не нужно в хозяйстве, а выбросить жалко – вдруг пригодится. Ангарами пользовались все жители, и брать оттуда тоже можно было все, что требуется. Он представлял собой одновременно склад забытых и ненужных вещей, кассу взаимопомощи и барахолку. Срочно нужны лишнее одеяло или подушка, лопата или тяпка? Все бежали в ангар. Деревянные скамейки, столы тоже хранились здесь же и доставались по случаю массовых праздников и торжеств. Автомобильные шины, скатерти, посуда, раскладушки, табуретки – найти можно было все. В отдельном углу бабушка хранила портянки, осколки снарядов, каску, патроны и другие исторические свидетельства военных лет. Здесь же лежали конверты-письма, которые так и не дошли до адресатов, чей-то дневник, врачебный

саквояж со следами пуль. Несколько раз сельсовет предлагал бабушке перенести ее «музей» в здание ДК, но она отказывалась – пусть лучше в Доме культуры выставки детских рисунков и поделок проводят. Бабушке хотели подарить ангар, но она опять отказывалась – убрать другие вещи из ангара некуда.

Впрочем, находились люди, которые бабушку не слушали и от которых она все-таки могла принять подарок. Одним из них был Эдик – еще один бабушкин однополчанин, работавший то ли главным технологом, то ли еще кем на Кизлярском коньячном заводе. Бабушке он всегда отправлял продукцию этого предприятия – в основном ящиками, прекрасно зная, что она коньяк не пьет. Бабушка принимала подарок, поскольку бутылка коньяка считалась очень ценной взяткой, которая при этом и взяткой-то не считалась. Коньяк бабушка или передаривала, если вдруг требовался кирпич для крыши редакции, или отдавала даром – если в селе играли свадьбу или собирали людей на поминки. С бутылкой коньяка она ездила в гор– или райсовет, чтобы решить насущные проблемы села – выделение пособий многодетным семьям, оформление пенсии для бабушки Терезы, у которой даже паспорта никогда не имелось. Ремонт, комбикорм, новый трактор, машина для больницы, лекарства. Коньяк был очень нужной валютой.

Однажды по случаю праздника Эдик отправил бабушке традиционную посылку, которую опять же по давно сложившейся традиции доставляла на поезде проводница Эльвира. Бабушка встречала «посылку» на вокзале. В тот раз она отправила на вокзал Эльбруса. Потом уже Варжетхан, которая совершенно случайно оказалась на станции (кто бы поверил, что случайно), рассказывала, что сначала из поезда выскочила Эльвира, которая не могла говорить, а только размахивала руками и охала. А потом не мог говорить Эльбрус, когда увидел, на что именно указывает проводница.

Эдик в тот раз передал бабушке не ящик коньяка, как обычно, а бочонок. Такой здоровенный бочонок. Очень редкого и ценного коньяка, какой-то там выдержки. Эльбрус понял, что ни за что в одиночку этот бочонок с места не сдвинет. А Эльвира понимала, что поезд стоит на станции три минуты и за это время никто бочонок с места не сдвинет. И что было делать – непонятно.

Пока Эльбрус по всей станции собирал молодых парней себе в помощь, Эльвира дернула стоп-кран. На станции в результате собрались начальник вокзала, вся милиция и еще толпа народу. Эльбрус руководил выгрузкой бочонка, который не смогли поднять трое парней, а смогли только пятеро, Эльвира же объясняла, что дернула стоп-кран, потому что

нужно передать подарок для главного редактора газеты. И только главный редактор не знала о происшествии – бабушка была в городе по редакционными делам.

Бочонок, как сказала Эльвира, передавая пожелания Эдика, должны преподнести точно в день праздника Первомая. Не раньше. Он придумал такой сюрприз. Поскольку Эдика все в селе любили и уважали, его коньяк успели попробовать и в милиции, и на станции, и в больнице, и даже воспитательницы в детском саду. На милицейском мотоцикле с коляской, непосредственно в коляске доставили бочонок с коньяком в редакцию, где его поставили в дальнюю кладовку, чтобы бабушка не обрадовалась раньше времени. И все, естественно, охали и ахали – какой подарок, какой ценный коньяк, да не напиток, а нектар. И никто такой никогда не пробовал, даже не нюхал.

Всю следующую неделю все жители села старались невзначай пройти мимо здания редакции. Все сотрудники ходили веселые и довольные. Да все село было таким веселым и довольным, как никогда раньше. Вернувшаяся из города бабушка обрадовалась переменам – наконец, никаких проблем. Наконец, жители ходят по улицам и улыбаются. Женщины устроили стихийные танцы на площади перед Домом культуры. А мужчины занялись ангаром, выбросив уж совсем никому не нужные вещи, расчистив большую площадь под бабушкин «музей».

Бабушка умилялась – как же хорошо, что все хорошо. В редакции тоже дела шли успешно – Роман написал блестящий репортаж. Алик вдруг проявил инициативу и снял живописные окрестности дальнего села, которое считалось заброшенным, но там оставались жители – четыре семьи, и бабушка только собиралась писать об этом репортаж. Даже моя мама написала удивительно лиричный текст про местное кукурузное поле. Гусь Руслан стал совсем ласковым и просился к бабушке «на ручки».

– Что происходит? – спросила бабушка у Варжетхан, когда та пришла к ней в палисадник за своими травами. – Ты заметила? Ни одного скандала за неделю. Это погода так действует?

– Это коньяк так действует, а не погода, – ответила Варжетхан, выкапывая корни лечебных трав.

– Какой коньяк? – не поняла бабушка.

– Какой? Твой. Эдик постарался. Так ты что, ничего до сих пор не знаешь?

– Рассказывай, – тут же нахмурилась бабушка.

Варжетхан пришлось рассказать про стоп-кран, повлекший за собой задержку поездов дальнего следования, про бочонок коньяка, который

хранился в кладовой редакции и к которому успело приложиться, как к святому источнику, чуть ли не все село. Альбина как главный дегустатор отметила, что коньяк отменный. Алик подтвердил. Старейшины тоже подтвердили.

Бабушка ворвалась в редакцию и пошла в кладовку. Она открыла кран бочонка и подставила бокал – из бочонка упало буквально три капли.

– Они что, всю бочку выхлебали? – удивилась бабушка.

– Нет, не они одни. Всем селом помогали, – ответила Варжетхан. – Если хочешь попробовать, наклони.

Варжетхан наклонила бочку и выцедила в бокал граммов пятьдесят.

– Гадость какая, – ответила бабушка.

– Гадость не гадость, а я сделала несколько настоек на этом коньяке. Ты знаешь, что коньяк расширяет сосуды и снимает токсикоз?

– Что?

– Я говорю, что, когда токсикоз сильный у женщины во время беременности и ничего не помогает, этот коньяк может помочь. Можно дышать и пить. И внутрь, и наружно. Я уже опробовала настойку на Лале – жене Азика, дочке Жорика. Она, бедная, уже зеленая ходила и похудела сильно. Я уже не знала, что с ней делать, а тут этот коньяк. Очень помог. Если ты допивать не будешь, я солью из бочки остатки, хорошо? Исключительно в лечебных целях.

Бабушка кивнула. Варжетхан призвала на помощь Романа и Эльбруса, они в четыре руки опустошили бочку окончательно.

Бабушка все-таки устроила скандал и запретила приносить ЕЕ подарки в редакцию, пусть даже они будут ценными, в бочке, в ящике, в коробке. Все подарки нести в ее дом. Без разговоров. Без обсуждений.

– Можно я бочку заберу? – попросила Варжетхан.

– Зачем тебе? – уточнила бабушка.

– Пока не знаю.

– Тогда не дам. Я бочку себе заберу. Можно мне от моего подарка хоть бочка останется? – обиженно сказала бабушка.

– И тебе-то она зачем?

– Огурцы засолю. Или капусту.

– Ох, лучше бы ты коньяк пила. Какие огурцы? Где ты и где огурцы?

– Вот засолю, тогда узнаешь.

– Лучше Альбине бочку отдай, ей нужнее.

– Нет. Это мой подарок! – обиделась бабушка и заставила Эльбруса тащить бочку к ней во двор.

Бабушка приспособила эту огромную бочку не под огурцы, а под

малосольную капусту. Соседки пытались ей помочь, но бабушка решила засолить капусту самостоятельно назло всем. Сама резала кочаны и морковку. Ругалась, но резала. Варжетхан с Альбиной очень переживали за настроение своей подруги, поэтому тайно пытались исправить то, что натворила бабушка. Пока Варжетхан занимала бабушку разговорами, Альбина резала капусту помельче, досыпала соль и специи, доливала уксус, дорезала морковку. Капуста получилась знатная, очень вкусная. Бабушка гордилась продуктом, произведенным самостоятельно, без всякой помощи.

Капуста, правда, несмотря на все ухищрения Альбины, отдавала коньяком. Вы когда-нибудь пробовали малосольную капусту с привкусом коньяка? А я ею питалась всю зиму. И вся редакция покорно ела – бабушка этой капустой все село кормила, включая гуся Русика, который уже так растолстел и так болел печенью, что ходить не мог.

– Хватит издеваться над птицей, – упрасивала бабушку Альбина, – давай его уже нарежем.

– Он умрет своей смертью, – отвечала бабушка.

– Он умрет от неизлечимого ожорства. У него инфаркт будет, прямо над едой. У меня уже инфаркт будет, если я еще раз этого гуся увижу. Это не гусь, а чудовище какое-то. Он же ходить не может, такой толстый. Нет, он не умрет от инфаркта – у него сердца нет, один желудок остался. И печень. Варжетхан говорила, что увеличенная печень – это плохо. Очень вредно. Он ведь ест то, чем гуси питаться не должны.

– Зато у него настроение хорошее. Таким ласковым становится, когда поест.

Руслан чувствовал приближение смерти в лице Альбины и старался наесться впрок. Он ел малосольную капусту, заедал остатками пирожных, не брезговал пирогами. От комбикорма воротил морду. Ел виноград и помидоры, огурцы и вишню. Будто в последний раз. Русик даже от мяса не отказывался. А когда на мясо претендовали кошки или собаки, растопыривал крылья и шипел.

После случая с бочкой бабушкины подарки переправлялись ей на Энгельса, как она и велела. Она опять страдала – то банки с компотом кто-то передаст без указания имени и адреса отправителя, то торт праздничный, трехъярусный, в цветах и цветочках. Раньше все эти подарки доставлялись в редакцию, где или съедались, или раздавались соседям. Бабушка не знала, как разрезать торт, чтобы отправить его по соседям.

Еще один бабушкин друг, тоже поздравлял со всеми праздниками. Люсик. Люсьен. Он не был осетином, зато имел степень кандидата

сельскохозяйственных наук, а в Северной Осетии оказался из-за бабушки. Она рассказывала, что Люсик хотел пойти служить на войну, пытался вступить в армию добровольцем, но его так и не взяли: он был инвалидом детства – ходил, загибая ногами. Перекашивался с одного бока на другой, подтаскивал ноги, ему было тяжело и больно, но он терпел. И ходил быстрее здоровых людей. Бабушка была знакома с его матерью. Они учились в одной школе, сидели за одной партой. Мария – коренная москвичка, оттуда уходила на войну, военным корреспондентом, но назад в столицу не вернулась. Осталась жить в селе, которое стала считать родным.

Мать Люсика была еврейкой, а его отца арестовали и расстреляли еще до войны, в конце тридцатых годов. Мать забрали почти сразу же как жену врага народа. Она умерла, не дождавшись приговора. Люсика отправили в детский дом – если у ребенка и были родственники, то они давно отказались от родства.

Уже после войны бабушка нашла Люсика – ему исполнилось уже пятнадцать, она забрала его из детского дома, но не в село, а в город, заставила учиться. Люсик поступил в институт и оказался умным парнем, защитил кандидатскую, писал докторскую. Он работал в совхозе в соседнем селе, где изучал зимостойкость сортов яблони. Насколько могла понять бабушка, яблони он «закаливал» определенным способом, готовил их к ранним заморозкам. Современный Мичурин. Он женился на хорошей девушке, которая родила ему сына. Люсик был счастлив и ценил каждый день. И не уставал благодарить бабушку за то, что она сохранила для него память о родителях, дала образование и возможность жить как обычный человек. Он мог вернуться в столицу, но не хотел. Как и бабушка, считал Кавказ своей родиной.

Так вот, Люсик всегда посылал бабушке «образцы» своих экспериментов – то гигантские яблоки странного цвета, то, наоборот, яблоки размером с абрикос, но уже спелые, то еще какие-нибудь.

Наконец, Люсик вывел сорт, который оказался достаточно «закаленным» и мог вызревать в условиях перепадов дневных и ночных температур. Он хотел назвать выведенный им сорт именем моей бабушки. И для того чтобы получить разрешение на присвоение сорту имени Мария, прислал первую крупную партию образцов. Поскольку «мичуринец» занимался не только яблоками, но и грецкими орехами, но это исключительно для души, а не для науки, то он прислал бабушке еще и орехов.

Перед зданием редакции остановился грузовик. Кузов был заполнен до предела.

– Куда выгружать? – спросил водитель.

Все газетчики высыпали во двор и хором сказали водителю немедленно уезжать на Энгельса и грузить там, а не в редакции.

Водителю было все равно. Он поехал туда, куда сказали. Доехав до указанного дома, шофер увидел, что грузить товар опять же некуда – двор оказался завален кирпичами, песком, щебенкой – подарки главному редактору от анонимных дарителей.

Кому пришла в голову эта идея, так и не выяснилось. Но яблоки вперемешку с орехами засыпали в дальнюю, то есть мою, комнату в доме. Пересыпали через окно, чтобы было быстрее. Бабушкин любимый секретер оказался засыпан по самое бюро. Яблоки и орехи доходили мне до бедер.

Бабушка пришла домой к вечеру. Она зашла в комнату и понюхала воздух – как вкусно пахнет яблоками. Или орехами? Или яблоками с орехами вместе?

Еще две недели каждый день я перебирала яблоки – что козам, а что людям, что на компот, а что на варенье. Что уже выбросить, а что обрезать. Каждый день бабушка выносила ведра. Ходила по соседям – раздавала. Несколько ведер принесла в редакцию. Гусь Русик обожрался орехами так, что ел сидя, а не стоя. Он уже стал как белка, умел клювом орех раскалывать. А сельские козы и козлы так объелись яблоками, что начали воротить от них морды. Затхлый запах яблок еще долго не выветривался из комнаты. Мне до сих пор нравится этот запах слегка помятых с одного бока яблок.

Интересно, что бабушка называла помятые яблоки уставшими, а червивые и гнилые – падшими. Уставшая женщина и падшая женщина. Бабушка была уставшей, а мама – падшей. Бабушка годилась на компот, а мама – только на варенье. Каждый день, перебирая эти яблоки, я думала об этом.

Да, после яблок бабушка сняла свой запрет, и все подарки снова доставлялись в редакцию.

Скотный двор, или Сила печатного слова

В те годы в силу печатного слова верили не просто безоговорочно. Бабушка как главный редактор лично несла ответственность за все, что появлялось на страницах газеты. В селе никогда не говорили: «Вот, в газете написано...» Говорили: «Ты написала». Бабушка несла личную ответственность за каждую опубликованную букву.

Раз в году в нашем селе, на том самом футбольном поле, которое было построено специально для репортажа об учениях в случае газовой атаки, проходила выставка-ярмарка скота. Это тоже была бабушкина инициатива, которая, как известно, наказуема. Бабушка напечатала в газете анонс. Состоится выставка-продажа. Приглашаются все владельцы скота! Любого! Победителям в подарок корма, почетные грамоты. После выставки скот можно будет продать, купить.

– Ты с ума сошла? – сказал ей Алик.

– А что? Футбольное поле простаивает! – ответила бабушка.

– Ну если ты хочешь, чтобы оно простаивало по колено в... навозе, то ты этого добила.

– Алик, надо как-то культурно все сделать. Помоги! Ты же в этом разбираешься.

– Я буду снимать. Самую красивую корову и самого красивого быка, – ответил Алик, – мне надо, я животных мало снимал, резал много. Попрактиковаться хочу.

– Алик, умоляю. Организуй, что там нужно – загоны всякие, а потом снимай. И почему ты сказал про навоз?

– Мария, ты вроде давно здесь живешь, такая умная, а не знаешь, что коровы и быки какают.

Алик произнес это слово по-осетински, и бабушка автоматически перевела:

– Гадят.

– Нет, не точный перевод, – не согласился Алик. – Они срут. От футбольного поля будет такой запах, что я не виноват.

– Я уже отправила номер в печать с анонсом. Хочу написать репортаж. А ты снимешь. Организуй стойла и все, что требуется. Чтобы было красиво.

– Еще скажи, что коровам будут ленточки повязывать и колокольчики дарить. А баранам грамоты вручать.

- Да, Алик, именно так я и написала.
- Зачем коровам ленточки?
- Им не надо. А хозяевам надо. Мы должны привлечь внимание общественности к сельскому хозяйству и проблемам выращивания скота.
- Давай твоего гуся Русика выставим. Он точно грамоту получит как гусь, у которого нет проблем с питанием. Только он у меня в кадр не влезет – такой толстый.
- При чем здесь Русик? Я имела в виду крупный и мелкий рогатый скот.
- Это ты своим читателям потом объясняй, что имела в виду. Слушай, а как ты собираешься победителей выбирать?
- Я не собираюсь выбирать. Я же не специалист. Из города приглашу кого-нибудь, – отмахнулась бабушка. Она не успела придумать категории, в которых мог участвовать скот. – Между прочим, в Англии такие выставки проходят регулярно! И не только для скота, но и для цветов, и для лошадей, и даже для овощей!
- Мария, иногда я думаю, что ты сумасшедшая. Построю я тебе загоны, только пообещай, что ты не будешь устраивать соревнования помидоров и огурцов.
- Кстати, хорошая идея. Самый сочный помидор, самый большой огурец или самая большая тыква.
- Мария, у нас тыкву никто не выращивает.
- Да, а жаль. Ну мы можем кизилом соревноваться или вишней.
- Мария, давай со скотом разберемся, – взмолился Алик.
- Да, повесь там флажки над загонами красивые. Маленькая Светочка из остатков отрезков сошьет. Хочу, чтобы был праздник.
- Мария, да я сомневаюсь, что к тебе хоть одна корова приедет.
- Ты плохо думаешь о наших читателях! Чем мы хуже Англии?

Окрестные села оказались не хуже английских поместий. На ярмарку привезли столько скота, что футбольное поле трещало по швам. Бараны, коровы, быки, гуси, утки, телята, цыплята, утята. Бабушка была в восторге – она придумала название для репортажа – «Скотный двор». Стадион, на котором под руководством Алика были устроены загоны, не вмещал всех желающих.

В первый же день вручили премии и почетные колокольчики самым красивым коровам. Конечно, не обошлось без недоразумений. Владельцы возмущались – почему нашей корове не дали грамоту? Пришлось срочно вводить категории – самые высокие надои, самые красивые телята, самое красивое имя и самые красивые глаза. Самая умная, самая талантливая,

самая фотогеничная. Бабушка уже заламывала руки, но все приехавшие хотели получить приз, и хозяева действительно считали, что у их коровы Мэри – самые красивые глаза, а корова Бэлла рождает таких телят, что их сразу выкупают. Еще до рождения. Чтобы потом зажарить и сварить по случаю праздника.

Первый день прошел с ошеломляющим успехом. Алик скрылся в редакционной лаборатории, из которой вышел только для того, чтобы сообщить – коровы, бараны и прочий скот позируют лучше людей. И он отныне будет снимать только животных. После чего опять скрылся в лаборатории. Но через минуту появился, чтобы спросить – обязательно оставлять на снимках владельцев вместе с животными? Просто владельцы портят весь кадр. Животное лучше смотрится в одиночестве.

– Печатай, завтра разберемся, – ответила бабушка и пошла спать. Она думала, куда идти – на Ленина, в редакционную квартиру, или на Энгельса, в семейную. От Ленина было быстрее добраться до поля и до редакции, так что бабушка быстро решила проблему выбора. И несколько не удивилась, увидев меня, играющую в мяч во дворе.

– Ты тоже здесь, хорошо, – констатировала бабушка.

– Меня тетя Альбина сюда привела. Я не голодная. Она сказала, что ты тоже сюда придешь, – доложила я.

– Альбина умеет читать мои мысли, – рассмеялась бабушка.

– Нет, она не умеет, это ей Варжетхан подсказала, – ответила я, – ужин на столе, я еще поиграю.

Бабушка кивнула и пошла ужинать. Мы улеглись – я на скрипучей кровати, бабушка – на раскладушке. И тут же уснули. Мы обе плохо спали на Энгельса. Мне не хватало продавленной кровати, а бабушке – раскладушки. В час ночи подскочила бабушка, а я вслед за ней. Во дворе горел свет. Соседки стояли в ночных рубашках, халатах, держали на руках сонных детей. Бабушка выскочила во двор.

– Что случилось? – спросила она у соседок.

– Говорят, что к тебе приехали, – ответили соседки и расступились.

Во дворе расположился скотный двор. Бегали куры, цыплята, мычали коровы, блеяли бараны. Ор стоял такой, что закладывало уши.

– Кто вы? Почему здесь, а не на поле? – закричала бабушка, пытаясь переорать животных.

Одна из женщин выдала ей газету с анонсом выставки-ярмарки.

– Да, это здесь, только вы должны идти на футбольное поле, – сказала бабушка, но женщина не понимала по-русски.

– Скажите ей кто-нибудь! – попросила бабушка, но соседки вдруг

умолкли. Они боялись переводить с русского на осетинский. А вдруг неправильно переведут? Личными переводчиками бабушки считались Варжетхан и Альбина. Но ни той ни другой во дворе не было.

– Так, тогда ты переводи, – бабушка выдвинула меня, – слово в слово. Переводи – вы должны забрать скот и уйти на футбольное поле.

Я оглянулась на соседок. Они поджали губы. Они все понимали по-русски. Но считалось крайне невежливо выставять гостей среди ночи на улицу.

– Мы вам рады. Спасибо, что приехали, – сказала я по-осетински и еще раз оглянулась на соседок. Те улыбнулись. Значит, я перевела правильно.

– Уходите, вы не даете людям спать! Почему вы приехали так поздно? Премии уже вручили! – сказала бабушка.

– Вы – почетные гости. Мы ценим, что так долго добирались на выставку-ярмарку. Вы можете переночевать на этом дворе, – перевела я.

– Уходите немедленно! И угомоните своих животных!

– Почему вы не расположились на поле и не получили комбикорм для животных? – спросила я.

Тут бабушка, наконец, очнулась. Она ведь прекрасно понимала по-осетински. Да и при надобности могла бы сама все сказать.

– Ну зачем ты это им сказала? – запричитала бабушка. – И ты туда же! Мало мне Варжетхан с Альбиной, которые что хотят, то и говорят от моего имени!

– Тогда сама говори, – ответила я.

Бабушка вздохнула и стала сама разбираться с гостями.

Владельцы разнокалиберного скота, который бродил по нашему двору, выехали из своего села еще на рассвете и добирались целый день. Только сейчас приехали, но на поле уже все занято. В Доме культуры, который был оборудован под гостиницу, мест тоже не нашлось. Родственников в нашем селе, у которых можно было бы остановиться, у этого достойного клана скотовладельцев, по удивительной случайности, не оказалось. Была только бабушкина газета, которую они показывали всем соседям, до которых могли достучаться в этот поздний час. Соседи сказали идти на Энгельса. Но кто-то видел, что бабушка на Энгельса не вернулась, и скотовладельцам вместе со скотом посоветовали идти на Ленина. Надо сказать, что эти прекрасные люди – Фатима и Гарик – ходили по селу со всем своим орущим, кричащим и мычащим выводком. И село, естественно, проснулось в полном составе и долго не могло уснуть. На Ленина им понравилось. Фатима быстро разожгла походную керосинку и начала

готовить чай. Гарик сходил на поле и принес животным общественный корм. Пока пытались добудиться бабушки, женщины принесли еду, а скоту нанесли воду и подгнивших яблок в качестве десерта. Животные наелись и уснули. Фатима поднесла бабушке травяной чай.

– Ладно, оставайтесь, завтра разберемся. – Бабушка выпила чай и ушла спать.

Утром она проснулась от странного ощущения. Открыла глаза и увидела над собой барана. Он стоял и смотрел на нее. Бабушка приподнялась на локте и увидела, как по комнате ходят гусята и цыплята. Она решила, что сошла с ума, и закрыла глаза. Открыла и снова увидела барана, который жевал простынь. Точнее, барашка. Совсем молоденького. Еще вчера он считался ягненком.

Во дворе переругивались соседки – живность успела загадить двор так, что нужно тянуть шланг от колонки, чтобы все это смыть. Фатима и Гарик спокойно сидели над своей конфоркой и пили кофе. Бабушке Фатима поднесла чашку. Главный редактор выпила кофе и побежала на футбольное поле выбивать место под вновь прибывших животных.

– Нет мест! – кричал Алик. – Ты бы меньше свою газету распространяла!

– Люди добирались целый день ради этой выставки.

– Все добирались! Они опоздали! Что я, должен им свой двор и свою постель уступить?

– Сейчас они сидят на Ленина. И какают на Ленина. Они какают мне на голову! И это – не образное выражение!

Кое-как животные были выдворены со двора на Ленина и препровождены на поле, где Алик нашел для них стойло. Фатиме и Гарику выделили два койко-места в Доме культуры, между прочим, в отдельной комнате – красном уголке. Больше нигде. Бабушка целый день брала интервью, руководила выдачей призов, писала репортаж, сбегала в типографию и приползла домой поздно вечером. Домой – это на Ленина. До Энгельса у нее не было сил дойти. И, конечно, первое, что она увидела – расположившийся во дворе скотный двор. Фатима опять колдовала над своей горелкой и опять поднесла бабушке травяной чай.

В гараже, который выделила им бабушка – не на улице же спать – они уже полноценно обустроились, Фатима прошлась по соседкам, дошла до склада-амбара и принесла постельное белье, посуду. Она даже занавески повесила на двери гаража с внутренней стороны. Чтобы было по-домашнему уютно.

– А почему вы здесь, а не там? – ахнула бабушка.

– Там нам совсем не понравилось. А здесь очень хорошо, – спокойно ответила Фатима и налила бабушке еще и парного молока с вечерней дойки.

За три дня, что шла выставка, все жильцы так сроднились с Фатимой и Гариком, так привыкли к скоту и птицам, к тому, что во дворе всегда пахнет чем-нибудь вкусным – Фатима оказалась знатной кулинаркой и кормила весь двор, – что даже не представляли, как жили без всего этого. Бабушка выдала всем животным специальный приз «за природное обаяние» и прикипела душой к трем гусятам. Когда они уезжали – произошло это не через три дня, а через неделю – провожали их всем двором. Бабушка выделила мешок комбикорма. Фатима подарила бабушке трех гусят.

Бабушка сначала очень обрадовалась подарку, а потом вся испереживалась. Куда девать гусят? Не на Ленина же их оставлять? Лучшим местом для выводка стал бы редакционный двор. Но как воспримет Руслан пополнение в семействе? Он уже был достаточно возрастным гусем, закоренелым холостяком. И тут вдруг на тебе – гусята. Но деваться некуда, и бабушка принесла пищащих гусят в редакцию. Руслан по привычке растопырил крылья и побежал встречать свою любимую хозяйку. Побежал – это сильно сказано, учитывая его вес. Затормозил Русик в последний момент, увидев в руках у бабушки не пойми что, да еще и пищащее. Бабушка осторожно спустила гусят на землю, и те начали носиться вокруг Руслана. Тот даже забыл, как кричать. Очумело смотрел на гусят, которые набросились на его персональную миску и начали лопать его еду. Следующие несколько дней Руслан находился в ступоре. Он боялся подойти к миске, почти не спал, не бросался к бабушке навстречу, выглядел плохо, похудел в печени.

– У него глаза такие грустные, даже не знаю, что делать, – жаловалась бабушка Варжетхан.

– У мужчин тоже глаза грустные бывают, когда ребенок в семье появляется. Ничего, потом привыкают, – ответила знахарка.

– Он не любит... детей.

– Тоже мне проблема. Мужчины тоже детей не любят, а потом так любят, что больше жен иногда любят.

Знахарка, как всегда, оказалась права. Началось все с того, что гусята замерзли ночью и стали прижиматься к Руслану. Тот позволил им к себе прижаться, но всю ночь сидел, выпучив глаза. Даже не шевелился. Утром он попытался удрать со двора, чтобы отоспаться, но гусята бросились следом. Руслан начал улепетывать. Гусята припустили что есть мочи. За неделю такой беготни Руслан похудел еще больше. Он так уматывался за

день, что забывал поесть. И уже через три недели его было не узнать – Русик стал поджарым молодым гусем и не таким старым, как все думали. Он почувствовал себя отцом и защищал свой выводок так, как бабушку не защищал. Разомлев на солнышке, он смотрел на гусят, и бабушка могла поклясться, что его глаза лучились любовью.

Гусь Руслан тоже заслужил славу кавказского долгожителя. Сколько ему точно было лет – никто сказать не мог, включая местного ветеринара. Поскольку печень у гуся была изменена из-за пристрастия к вредной пище в виде грецких орехов, а другие органы оставались молодыми, видимо, тоже из-за питания, – на старости лет Руслан полюбил овощи и фрукты и старался не переедать, гусю можно было дать и пятнадцать лет, и все двадцать. Бабушка утверждала, что гусю не меньше двадцати пяти. Под конец своей счастливой гусиной жизни Руслан впал в маразм. Так считала Варжетхан. Если Русик видел еду – радовался и начинал есть. Если Руслана сажали в его «дом» – деревянный поддон, выложенный сеном, гусь тут же засыпал. Если его выпускали на траву, то он послушно «гулял». Он уже не шипел на посторонних и узнавал только бабушку.

– Главное, что здоров, – говорила бабушка.

– Он еще нас переживет, – смеялась Варжетхан.

Гусь умер в глубокой старости. Вроде бы гуси вообще столько не живут, сколько прожил Руслан. Бабушка очень переживала из-за утраты. Русика похоронили в дальнем углу редакционного двора. Больше домашних питомцев главный редактор не заводила.

Легкость на подъем

Пожалуй, единственное качество, которое роднило бабушку с мамой, то есть родную мать и дочь, была легкость на подъем. Бабушка могла мгновенно сорваться с места и еще через два часа быть в другом конце республики. Она собиралась в командировку минут пять, не больше – ее походный чемодан всегда стоял в углу комнаты рядом с секретером. В нем – только смена белья, принадлежности личной гигиены, одно запасное платье. И куча газет – вышедших номеров ее газеты, журналов, выписанных из Москвы, детские книги, детские журналы, тоже выписанные из Москвы и отправленные бандеролью моей мамой, выкройки из модных журналов, советы по домоводству.

Бабушка не умела планировать. Если «материал» казался ей интересным, она без промедления собиралась в дорогу. Если требовалась помощь, тем более. Мама точно так же срывалась с места. Уезжала в другой город с одним чемоданом «навсегда», передумывала, возвращалась и уже через месяц опять уезжала «навсегда». Я не такая. Я вообще могу сиднем сидеть на одном месте.

– Хочешь? Поехали со мной? – предлагала бабушка, у которой горели глаза в предвкушении очередной командировки.

– Нет, мне в школу надо, – мямлила я.

– Хочешь, завтра уедем отсюда! – предлагала мама, когда приезжала навестить меня и бабушку.

– Нет, у нас смотр художественной самодеятельности. Не могу. Я всех подведу, – придумывала я отговорку.

Бабушка приезжала в Москву. Мама настаивала на медицинских обследованиях. Бабушка нехотя сдавала анализы, мерила давление, в сто пятидесятый раз рассказывала про контузию и другие ранения.

– Я умру от инфаркта, – объявляла всем врачам бабушка.

– Почему вы так уверены? – не понимали врачи.

– Потому что это хорошая смерть, – отвечала бабушка, – Варжетхан от всего остального травы изобрела, только от инфаркта не изобрела.

Столичные врачи ничего не знали про Варжетхан и настаивали на дополнительных анализах и исследованиях.

Бабушка соглашалась побыть в Москве в обмен на одно мероприятие. Каждый год она приходила в парк Горького с табличкой с указанием полка, в котором служила. И каждый год ждала там однополчан. Эти выходы не

были приурочены ни к одной дате – бабушка, оказавшись в столице, писала на картонке даты и места службы, надевала парадный костюм и шла в парк Горького. Потом она звонила маме из телефонной будки, плакала, что никого не встретила, и мама на такси приезжала ее забирать.

– Ну что ты опять расстраиваешься? – удивлялась мама. – Ты же не на День Победы приехала. И не на другой праздник, когда все ветераны собираются.

– Мы так договаривались, – объясняла бабушка, – если кто в Москве окажется, пусть даже проездом, то идет в парк Горького.

В тот приезд бабушки мама ждала ее звонка. Но бабушка не позвонила. И не вернулась из парка. И наутро тоже не явилась. Мама побежала в милицию писать заявление о пропавшем родственнике. Поскольку трех дней со дня исчезновения не прошло, заявление не приняли. Мама сидела у тети Люси в квартире и обзванивала морги и больницы. Особые приметы? Парадный костюм и вся грудь в орденах. Контузия. Не слышит одним ухом. На ноге шрам – след ранения. Ветеран войны.

На второй день в одной из больниц ответили – есть такая женщина, по описанию похожа и возраст вроде бы совпадает, но у женщины – амнезия. Ничего не помнит.

– Жива? – Мама уже готова была сползти по стене.

– Жива, конечно, – удивились в больнице.

Мама рванула в больницу и нашла эту женщину. Не наша бабушка. Чья-то еще бабушка. Это сейчас есть соцсети, в которых можно найти родственников человека по фотографии. А тогда... Мама кинулась в газету, влетела в кабинет главного редактора, притащила в больницу фотографа, заставила разместить объявление. И случилось чудо – родственники бабушки, которые уже ее оплакивали, нашлись. Бабуля пошла гулять в парк Горького, просто так – они жили рядом. Она всегда там гуляла, когда стояла хорошая погода. И не вернулась. Да, она страдала провалами в памяти. Но чтобы так – никогда. И как назло – сумочку взяла другую, красивую, а все документы в старой остались. Родственники маму благодарили, целовали и обнимали.

Мама уже сходила с ума. Наша бабушка не находилась. Спустя три дня мама опять пришла в отделение милиции и написала заявление – пропала такая-то, тогда-то, была одета в то-то, последний раз видели там-то. И когда мама уже писала это заявление, то вдруг опешила – ведь она не ездила в парк Горького и не искала бабушку там. Только на телефоне сидела. Мама бросила заявление и понеслась в парк. Там же наверняка кто-то видел и мог

запомнить женщину, которая стояла с картонкой, надеясь на встречу с однополчанами. Мама бегала по парку и спрашивала всех встречных – а вы тут женщину не видели? Три дня назад. Нет? Извините, спасибо. Избегав весь парк и не найдя случайных свидетелей, мама зашла под крытый навес, где стояли столы и деревянные лавки. Начался дождь, она хотела переждать.

– Играете? – подошел к ней мужчина.

– Во что? – спросила мама без всякого интереса.

– Как во что?

Мужчина повел рукой, и мама только в тот момент поняла, что попала в шахматный клуб. Мужчина уже расставлял на доске фигуры.

– Играете? – переспросил он, зажимая в кулаках черную и белую пешки.

– Нет, не сейчас. Я свою мать ищу. Здесь ее видели в последний раз. Уже три дня от нее ни слуху ни духу.

– Ну какая? – Мужчина ее будто не слышал и держал перед ней кулаки. Мама показала на правый, и ей достались черные.

– Уверены?

Мама махнула рукой, мол, все равно.

Она играла в шахматы, сначала черными, потом белыми, потом снова черными. С этим мужчиной, его внуком, с другим мужчиной. Мама обыграла даже милого старичка, считавшегося символом шахматного клуба и его лучшим игроком, и тот расстроился и восхитился. Мама играла на автомате.

– Вы не любитель, – заметил старичок.

– Нет, – призналась мама, – мастер.

– Вы играете... как бы это сказать... странно.

– Я играла за еду. Нам призы едой выдавали.

– Вы могли бы сделать блестящую карьеру.

– Может, в покер? В покере я бы точно сделала блестящую карьеру.

– Что у вас случилось?

– С чего вы взяли, что у меня что-то случилось?

– Вы так играете. С болью. У вас все партии – с болью и преодолением. Вы выбираете самые трагические дебюты и играете так, будто вам нечего терять. Если бы вам было шестнадцать, я бы сказал, что вы – непуганый игрок, но вам не шестнадцать. Значит, вам больно. Возьмите платок.

Старичок выдал маме, которая уже хлюпала носом и терла глаза, свой носовой платок, идеально отглаженный, накрахмаленный.

– А у вас чудесный галстук, – ответила мама, – и платок. Моя мама любит мужские платки. Спасибо. Мама никогда женскими не пользуется. Только мужскими. В крупную клетку. Странно, да?

И она рассказала старичку, что пропала ее мама. Была здесь, в парке, и куда делась – неизвестно.

Старичок обрадовался, собрал доску и убежал. Через несколько минут вернулся с шашлычником – тогда в парках еще жарили шашлыки на мангалах, и они были невероятно вкусными.

– Ашот ее видел! – объявил мужчина. – Ашот, скажи.

– Видел, – подтвердил Ашот, – стояла, потом ушла. Ты ела сегодня?

Мама вспомнила, что сегодня не ела. Ашот уже выкладывал перед ней на тарелку мясо с шампура, который держал все это время на изготовку.

– Не буду, не хочу, с кем она ушла? Одна? – Мама дернулась, попыталась уйти, но весь шахматный клуб загалдел, и ее усадили есть шашлык.

Мама поняла, что если она хочет получить хоть какую-то информацию, то надо сесть и съесть шашлык. Она откусила кусок и не заметила, как уплела всю тарелку.

– Не волнуйся, – сказал Ашот, – она с хорошими мужчинами ушла. Их было трое. Или четверо. Нет, трое. Точно. Очень уважаемые люди, очень вежливые. Сразу видно – герои войны. Они к твоей матери так уважительно относились, один ей руку целовал. Они на такси уехали.

– Откуда вы знаете, что на такси? – У мамы загорелись глаза. Есть след.

– Как откуда? Так их Славик повез. Он тут всегда стоит и всех отвозит.

– Как найти этого Славика?

– Зачем искать? Он здесь.

Подошел молоденький парнишка и сказал, что довез троих мужчин и одну женщину на вокзал. Взял по счетчику, потому что уважаемые люди, ветераны. Вообще брать с них не хотел, но один мужчина настоял. Что женщина? Смеялась, все было хорошо.

– На какой вокзал? – прошептала бабушка.

– Так на Казанский, – ответил Славик.

Мама на Славике поехала на Казанский вокзал, но там не удалось ничего выяснить. Шофер довез маму до дома.

– Вы звоните, если что, – он записал ей номер телефона, – а так – я всегда у парка.

Мама вошла в квартиру и села на табуретку. Она не знала, что делать дальше. В квартиру тут же ворвалась тетя Люся с телеграммой.

– Вот, пришла! Я мусор выносила! Представляешь? Если бы не вышла, то все! Заставила почтальона мне отдать! Читай! Я ничего не понимаю! – орала тетя Люся.

Мама прочла телеграмму. В том, что она была от бабушки, не приходило в голову сомневаться.

«Гостиница тчк Корвалол тчк Деньги»

Мама тут же побежала в сберкасса, где сняла все сбережения, потом – в ближайшую аптеку, где скупилась весь имевшийся запас всех имевшихся сердечных препаратов, а потом дошла до почты. Там она объяснила, что потеряла мать, что уже трое суток от нее нет никаких известий и теперь вот, – эта телеграмма без обратного адреса. Работницы почты через лупу разглядывали печать и выяснили город отправления – Минеральные Воды. Мама поехала на вокзал, где, по счастью, у нее работала знакомая в билетной кассе.

– Ничего нет. – Она развела руками.

– Да как угодно, хоть в товарном вагоне, – умоляла мама.

– Ну нету! – развела руками знакомая. – Надо лететь. Полетишь?

Мама готова была не только лететь, а пешком идти до Минвод.

Через четыре часа она стояла в главной гостинице города. Ее трясло, поскольку она летела в самолете с грузом 200. Ее записали в числе сопровождающих, что можно было считать правдой по факту. Знакомая мамы в билетной кассе связалась с родственниками, которые ждали гроб с любимым дядей. Столичные родственники не смогли сопроводить гроб, а родственники в Минводах очень переживали, что дядя будет лететь в одиночестве, без близкого человека рядом. Этим самым близким оказалась моя мама, которая так часто повторяла, что сопровождает дядю для захоронения, что сама в это поверила. Покойника доставили в целости и сохранности. Родственники встретили дядю и долго благодарили маму. Они же и довезли ее до главной гостиницы города и готовы были везти куда угодно еще, чтобы найти бабушку. Гроб с дядей следовал на отдельной машине. Родственники обещали поднять по тревоге весь город, чтобы найти бабушку.

В гостинице мама почти свалилась на стойку регистрации.

– Женщина. Ветеран войны. Ордена. Должна быть здесь, – выдавила из себя мама.

– Мы справок не даем, – ответила женщина-администратор.

– Я из Москвы прилетела. Моя мама пропала. Уже четвертые сутки пошли. Помогите. – Мама так устала, что у нее не осталось никаких сил на скандалы.

– Женщина, я же сказала, мы справок о жильцах не даем! – Администраторша стояла на своем. – Идите в милицию.

– Просто скажите, пожалуйста, она в вашей гостинице или нет? – Мама вдруг начала плакать, хотя никогда не плакала в стрессовых ситуациях.

– Вы мешаете мне работать! – начала скандалить администраторша.

И тут, наконец, вмешались родственники дяди, который лежал в гробу в машине на улице. Они стояли поодаль, чтобы убедиться – не нужна ли помощь.

К администраторше подошли трое мужчин и чуть ли не вынесли ее из-за стойки под руки. Они подвели ее к машине и показали на гроб, только прибывший из столицы. Они ей объяснили, что этот гроб сейчас внесут в вестибюль, если она немедленно не поможет этой женщине, которая везла гроб так, как родная племянница своего покойного дядю не повезет.

На крики прибежал директор гостиницы, и родственники показали ему гроб и мою маму. Приехал милиционер, которому тоже сообщили про пропавшую бабушку, маму, покойного дядю и показали телеграмму. Наконец, мама взяла себя в руки и стала думать. Куда звонить? Где у бабушки могли оказаться знакомые? В редакции, конечно.

– Дайте мне газету. Местную. Главную газету города, – попросила она.

Милиционер решил вызвать врача, поскольку женщина из города решила почитать газету.

– Дайте ей то, что она хочет! – велели родственники покойного дяди и снова пообещали внести гроб с телом в вестибюль.

Администраторша принесла газету. Мама нашла выходные данные и набрала номер.

– Мне нужно поговорить с главным редактором, – сказала мама.

– Он уже ушел, – ответила секретарша.

– Дайте его номер. Немедленно, – потребовала мама.

– А вы ему кто?

– Никто. Скажите, что я дочь Марии. Он поймет. Я звоню из гостиницы.

Мама ждала звонка. Но уже через пять минут главный редактор газеты стоял в вестибюле.

– Что случилось? – спросил он. – Кто умер?

Родственники покойного сообщили, что умер дядя, тело доставили, но до дому доехать не могут, потому что пропала бабушка.

– Ничего не понимаю. Кто здесь дочь Марии?

Мама отлепилась от телефона и кинулась к редактору.

– Вы ее видели? Она жива? Она в больнице?

– Зачем в больнице? В ресторане, – ответил главный редактор. – Я сам только что оттуда. Тут рядом, на соседней улице. А что случилось?

Вся процессия – главный редактор, милиционер, директор гостиницы, мама, родственники покойного и сам покойный на персональном автомобиле двинулись в сторону ресторана. Там все тоже чуть в обморок не попадали. Особенно когда катафалк увидели и людей в черном по случаю траура. Мама ворвалась в ресторан, где за накрытым столом сидела бабушка.

– О, Ольга, ты должна была работать репортером! Как ты меня нашла? – воскликнула радостная и немного пьяная бабушка.

– Я тебя сейчас убью, – закричала мама, – ты хоть понимаешь, что я пережила, пока тебя искала?

– Ты привезла лекарства? – уточнила бабушка.

– Привезла.

– Вот и хорошо. Ты знаешь, здесь большие проблемы достать обычный корвалол! Надо об этом непременно написать! Обязательно сделаю очерк!

– Мама, я все морги и больницы обзвонила. Ты хоть понимаешь, что так нельзя делать?

– А что я сделала? – не понимала бабушка.

Мама посидела очень рано. Она старалась сделать так, чтобы нам с бабушкой было хорошо. И однажды отправила в Плес. Билеты были куплены в СВ в оба конца. Но бабушка не захотела ехать из Плеса на поезде и поменяла билет в СВ на билет на теплоход. Мама тогда тоже чуть умом не тронулась, разыскивая свою мать и свою дочь по всем вокзалам и городам следования. Мама встречала чуть ли не все поезда, но прошла неделя, а ни ее мать, ни дочь так и не объявлялись. Ни слуху ни духу. Бабушка позвонила своей дочери уже из Москвы и удивленно спросила, почему это она их не встречает. Бабушка при этом назвала улицу, куда мама должна немедленно приехать, и эта улица не имела отношения ни к морвокзалу, ни к автовокзалу, ни к железнодорожному. Позже оказалось, что бабушка ненадолго – буквально на сутки – заехала в гости к своей новой, образовавшейся на теплоходе подруге. Меня тошнило все время путешествия, поэтому перед мамой я предстала зеленого цвета, с синими кругами под глазами, похудевшей на несколько килограммов. Мама плакала. Она так сильно поругалась с бабушкой, что не разговаривала с ней почти месяц. Бабушка так и не признала свою неправоту. И вообще не

понимала – с чего мама так нервничает?

– Я же не в маразме! – кричала бабушка в свое оправдание, и это было главным аргументом.

– Ты могла меня просто предупредить? Ты могла мне сказать, что хочешь плыть на теплоходе? Я бы достала тебе билет на теплоход!

– Это желание возникло спонтанно! – объясняла бабушка. – У меня могут быть спонтанные желания?

Когда мама появлялась в школьном дворе сельской школы – она стояла под окнами, в совершенно неприличном виде, и курила, а вся школа висела в окнах и ее рассматривала, я сразу понимала, что у нее тоже возникло спонтанное желание куда-нибудь уехать и забрать меня с собой.

Никого и никогда я не любила так, как бабушку. Никого я так не боялась и не уважала, как Варжетхан. Две закадычные подруги, самые близкие друг другу люди, похоронены на одном кладбище, по соседству. Варжетхан, как рассказывала мама, так и не смогла оправиться после смерти бабушки. Она так по ней тосковала, что не могла лечить женщин, варить свои отвары и предсказывать будущее по бобам. И это тоже приблизило ее смерть – нежелание заниматься любимым делом, потеря смысла жизни.

Ни с кем мне не было так хорошо, как с бабушкой. Она дала мне больше, чем любая из бабушек. Она передала мне свою любовь к профессии, детский интерес к жизни и наивную, доходящую до идиотизма веру в людей. А еще в то, что в любой трагедии можно увидеть комедию и уметь над этим посмеяться.